

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slow 4100.25

x4.50

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT

CLASS OF 1828

РУССКІЕ САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРИАЛЫ.

РУССКІЕ
САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

1769—1774 годовъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОШЛАГО ВѢКА.

Сочиненіе

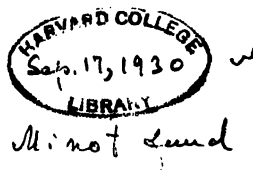
А. АНАСТАСЬЕВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Д. БАРФЕНКХТА И КОМП.

1859.

Slav 4100.25

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ .

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 16 окт. 1858 г.**

Ценсоръ Н. Фомъ-Крузе.

I.

Блестательное царствованіе императрицы Екатерины II, столько замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстно и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на развитіе отечественной литературы и журналистики. Успѣхи общественной жизни отразились и на серьезномъ содержаніи многихъ литературныхъ произведеній, и на благородномъ ихъ направленіи. Защита просвѣщенія, борьба съ невѣжествомъ и предрассудками, открытая и мѣткая насмѣшка надъ нравственными общественными недугами и глубокое чувство истиннаго патриотизма — вотъ тѣ существенныя стремленія, которымъ служило перо лучшихъ сочинителей того времени.

Ограничиваясь періодическими изданіями 1769—1774 годовъ, замѣтимъ, что главнымъ характеристическимъ выраженіемъ журналовъ избраннаго нами времени была *сатира*; ✓ этимъ они болѣе или менѣе отличаются отъ журналовъ предъидущаго и послѣдующаго времени. Конечно, еще въ «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова (1759 г.) замѣчается стихія сатирическая; но здѣсь она далеко не получила той многосторонности, какую встрѣчаемъ въ послѣдующихъ журналахъ, обзоръ которыхъ рѣшаемся представить въ этомъ сочиненіи. Справедливѣе сказать что Сумароковъ вообще своими сочи-

неніями, а не одною «Трудолюбивою Пчелою», положилъ основаніе той остроумной и бойкой сатиры, которою такъ удачно и мастерски воспользовались послѣ періодическія изданія. Время съ 1769 по 1775-й годъ въ исторіи нашей литературы — время сатиры по преимуществу, сатиры, строго-обличающей пороки и затрогивающей темныя стороны вседневной жизни. Сатира эта состоитъ въ тѣсной связи съ тѣми преобразованіями, какія задумывала и совершала Великая Екатерина: она бросала на воспріимчивую почву русской народности живительное сѣмя и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранила для насъ много богатыхъ и любопытныхъ свидѣтельствъ о внутренней жизни нашего общества, о разнообразныхъ условіяхъ его быта, о духѣ современныхъ той эпохѣ убѣжденій и взглядовъ. Вотъ почему лучшіе сатирическіе журналы даннаго времени отличаются такою же яркою изобразительностью и такимъ же живымъ интересомъ, какими была проникнута самая общественная жизнь семидесятыхъ годовъ; въ нихъ заключены превосходные матеріалы для комическаго и драматическаго воспроизведенія нравовъ прошлаго столѣтія. Рядомъ съ этими обличительными статьями появлялись и листы, наполненные различными разсужденіями, стихами и разсказами, писанными, какъ выражались тогда, для одного *увеселенія*, то есть для простаго удовлетворенія эстетическихъ потребностей современнаго общества. Періодическія изданія Рубана даже вовсе ограничивались такою скромною цѣлью; только къ статьямъ, писаннымъ для увеселенія, они присоединяли историческіе матеріалы; а въ журналѣ: «Полезное съ Приятнымъ» печатались, сверхъ сатирическихъ писемъ, теоретическія разсужденія о воспитаніи и житейскомъ обхожденіи*).

*) Сатирическое направленіе продолжалось и послѣ въ разныхъ журналахъ. См. мою замѣтку въ «Моков. Вѣдомостяхъ» 1856 г. № 55: «Два слова о журнальной сатирѣ прошлаго вѣка».

Такое значеніе періодическихъ изданій 1769 — 1774 годовъ было главною причиною, почему мы рѣшились обратитъ на нихъ вниманіе читателей, тѣмъ болѣе, что изданія эти въ настоящее время весьма рѣдки, а нѣкоторыя и вовсе недоступны*). Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что вообще мы очень мало знакомы съ старинными журналами, хотя безъ этого знакомства исторія литературы рѣшительно-невозможна.

1769-ый годъ былъ особенно-счастливъ на журналы, которыхъ выходило тогда восемь. Съ начала года Козицкій вздумалъ издавать еженедѣльникъ, подъ названіемъ «Всякой Всячины», а Чулковъ — еженедѣльникъ «И то и сѣ»; вслѣдъ затѣмъ появились: съ 21-го февраля «Ни то ни сѣ» Рубана, продолжавшееся только по 12-е іюля; съ 1-го марта по 5-е апрѣля выходила «Поденьшина» Тузова; съ 1-го апрѣля стала выходить «Смѣсь», съ мая — «Трутень» Новикова, а съ іюля — «Адская Почта» Эмина. Кромѣ того, полгода выдаваемо было «Полезное съ Пріятнымъ». Всѣ эти изданія, согласно тогдашнему обыкновенію, окончились вмѣстѣ съ концомъ года; нѣкоторыя еще раньше. Въ новый 1770 годъ перешли только «Всякая Всячина» и «Трутень», которые нѣсколько времени продолжали выдавать статьи, оставшіяся отъ прошлагодняго запаса; первая — подъ названіемъ: «Барышокъ Всякія Всячины», а второй подъ старымъ именемъ. Названные нами журналы выходили въ Петербургѣ; въ Москвѣ не было тогда періодическихъ изданій. «Извѣстно, говоритъ на «смѣшливый «Трутень», что почтенная наша старушка-Москва «и со своими жителями во нравахъ весьма непонятна: ей «всегда нравились новыя моды, и она всегда перенимала ихъ у

*) Это и побудило меня самые рѣдкіе изъ этихъ журналовъ перепечатать вновь: *Кощелевъ, Пустомелю и Поденьшину* (въ Москвѣ, 1858 г., въ 16 д. л., въ типограф. С. Селивановскаго).

«петербургскихъ жителей . . . Въ нынѣшнемъ 1769 году лишь «показалася въ свѣтъ «Всякая Всячина» со своимъ племенемъ, то жители нашего города заключили, что и это — новая мода, и какъ Москва писателями сихъ мелкихъ сочиненій весьма изобильна, то надѣялись, что тамъ сіи листки «выходить будутъ не десятками, а сотнями . . . но всѣ обманулись : въ Москвѣ и по сіе время ни одного такого изъ типографіи не вышло листочка, да и печатанные въ Петербургѣ журналы читаютъ немногіе. Старой, но весьма разумной «нашъ мѣщанинъ Правдинъ о семъ заключаетъ, что Москва ко «украшенію тѣла служащая моды перенимаетъ гораздо скорѣе «украшающихъ разумъ, и что Москва также, какъ и престо- «рѣлая кокетка, сатиру на свои нравы читать не любитъ»*)).

Объ издателяхъ періодическихъ листовъ 1769-го года извѣстно намъ весьма-мало. Это были люди, по своему времени, болѣе или менѣе образованные и талантливые. Издатель «Всячины», Григорій Васильевичъ Козицкій, воспитывался въ кievской академіи, путешествовалъ по Европѣ, а по возвращеніи изъ-за границы (въ 1758 г.) опредѣленъ лекторомъ словесности при санктпетербургской академіи наукъ, впоследствии былъ статсъ-секретаремъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Въ обществѣ его знали за человѣка умнаго, знатока тогдашняго тона и свѣта. Новиковъ отзывается о немъ съ большою похвалою : «Сей искусный и ученый мужъ приобрѣлъ бы не послѣднее мѣсто между славными русскими писателями, ежели бы имѣлъ достаточное время для упражненія въ словесныхъ наукахъ. Совершенное его искусство «во славянскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ и «нѣмецкомъ языкахъ, и великое его просвѣщеніе со здравымъ «разсудкомъ въ томъ удостовѣряютъ. Слогъ его чистъ, ва-

*) Стр. 44—45.

«женъ, плодовиѣ и пріятенъ». Сумароковъ, скупой на похвалы писателямъ, отзывался о Козицкомъ, какъ о талантливомъ сочинителѣ, и въ спорахъ о чистотѣ языка часто ссылался на его авторитетъ. Козицкій былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Сумароковымъ; въ послѣднее время обнародована часть ихъ переписки*); онъ участвовалъ въ «Трудолюбивой Пчелѣ», на листахъ которой напечатано его разсужденіе «О пользѣ міеологіи»; онъ много переводилъ и, между прочимъ, перевелъ на латинскій языкъ «Наказъ комиссіи».

Приступая къ изданію «Всячины», Козицкій сдѣлалъ такое обращеніе къ публикѣ: «Любезный читатель, предпріялъ я сообщить вамъ все то, что мнѣ заблагоразсудится безъ всякаго «порядка; иногда дамъ вамъ полезныя наставленія, иногда будете смѣяться». При окончаніи года издатель еще яснѣе указалъ на задачу своего журнала: «Я хотѣлъ (говоритъ онъ) показать — первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе — открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣ меня, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ, и третіе — говорить русскимъ о русскихъ, а не представлять имъ умоначертаній, кои они не знаютъ». Образцомъ для «Всячины» послужилъ знаменитый англійскій журналъ, издававшійся въ 1711—2 годахъ Аддисономъ, подъ названіемъ «Зрителя» (The Spectator) и послѣ долгое время пользовавшійся большимъ успѣхомъ. «Въ англійскомъ «Смотрителѣ», замѣчаетъ одинъ изъ сотрудниковъ Козицкаго, немало соли, а «Всякая Всячина» на него походить»; въ другомъ мѣстѣ находимъ сближеніе «Всячины» съ французскими и англійскими періодическими изданіями: «Зрителемъ», «Новымъ Менторомъ», «Мизантропомъ» и «Пустомелею». Это вліяніе иностранныхъ сатирическихъ изданій на наши журналы мы до-

*) «Библ. Записки», № 14 и 15 (1858); «Отеч. Зап.» 1858 г., № 2.

пускаемъ только въ той мѣрѣ, по скольку оно касается формы и тона статей; а содержаніе наши сатирическіе журналы брали изъ своей собственной жизни. Картины, ими представленныя, и самый языкъ отличаются ненодѣльными чертами народности. Не смотря на желаніе, высказанное Козицкимъ въ спорѣ съ издателемъ «Трутня», чтобъ сатира имѣла побольше мягкости, онъ не щадилъ ничего, что заслуживало насмѣшки, и справедливо замѣтилъ, что потомство произнесетъ надъ нимъ такой судъ: «его разсужденія, не смотря на состарѣвшійся языкъ и темныя выраженія вѣка, мы довольно разумѣемъ, чтобы видѣть, какія были забавы и нравы у россійскаго народа». Для наполненія «Всячины» сатирическими описаніями, издатель, по собственному его свидѣтельству, старался имѣть наблюдательные глаза и уши на всѣхъ гульбищахъ, празднествахъ и собраніяхъ въ обѣихъ столицахъ*).

«Мнѣ (говоритъ Козицкій въ объявленіи о своемъ журналѣ) «сказали мама и няня, какъ я былъ шести лѣтъ, что я уменъ; «у меня есть ласкатели, кои тоже нынѣ подтверждаютъ; ибо «не у однихъ князей и баръ, да у двора найти сихъ животныхъ «можно. Сверхъ ума моего, я заподлинно изъ опытовъ увѣренъ, что у меня сердце доброе. Итакъ надѣйтесь, господинъ читатель, что, купя мой трудъ, вы не вовсе потеряете «свои деньги. Не вздумайте же впрямъ, что мнѣ нужда въ вашихъ деньгахъ: я, право, дважды въ день сытъ, и еще остается столько, что и васъ накормить можно. Я знаю, что все «сіе отправляется на чужой счетъ, ибо доходъ мой есть дань, «наложенная на людей, кои болѣе меня работаютъ въ потѣ «лица своего, а я то проживаю безъ толикаго труда и часто «безъ благодарности къ нимъ. . .» Обрисовавъ свое положеніе, издатель такимъ же насмѣшливымъ тономъ представляетъ

*) Стр. 53, 103, 249, 399, 551—552.

портреты четырех своих сотрудников и общается современем открыть публикѣ ихъ имена. Онъ приглашаетъ и постороннихъ участвовать въ своемъ журналѣ, но прибавляетъ при этомъ : «мы общаемъ вносить въ наши листы все то, что насъ не введетъ въ тяжбу съ благочиніемъ»¹⁾). Впрочемъ, имена сотрудниковъ «Всячины» скрыты подъ загадочными и затѣйливыми псевдонимами, каковы : *Аришлай Шуши, Ибрагимъ Курмаметъ, Остроперовъ, Топтонокова, Торабаровъ, Самъ себѣ лъкаръ, Сами отгадайте кто ? Имя мое съ аза, а прозвищемъ проказа*, и другіе. Статьи, помѣщенные во «Всячинѣ», сентенціями озаглавлены краткими нравственными сентенціями въ родѣ слѣдующихъ : «Дѣлайте по моимъ словамъ, а не по моимъ дѣламъ», «Неблагодарность вреднѣйшій есть порокъ», «Упрямство есть порокъ слабого ума», «Привычка есть второе естество», и такъ далѣе. Подъ этими заглавіями находимъ нѣсколько интересныхъ сценъ, ярко-рисующихъ нравы частнаго, домашняго быта того времени. Успѣхъ «Всячины» былъ полный ; съ самаго появленія своего она встрѣчена съ такимъ участіемъ, что перваго и втораго листовъ не достало на всѣхъ желающихъ²⁾).

Издатель журнала «И то и сѣ», Михайло Дмитриевичъ Чулковъ, извѣстенъ, какъ авторъ комедій : «Какъ хочешь назови» и какъ составитель многихъ весьма полезныхъ книгъ³⁾). Онъ слушалъ въ московскомъ университетѣ лекціи русской словесности, и первый обратилъ вниманіе на уцѣлѣвшіе въ народѣ памятники старинныхъ суевѣрій. Цѣль и направленіе своего журнала онъ опредѣлилъ слѣдующими словами : «Я

¹⁾ Стр. 1 — 2, 9, 16, 23, 116, 119.

²⁾ Стр. 170.

³⁾ «Русскія сказки»; «Юридическій словарь», «Историческое описаніе российской торговли», «Словарь учрежденныхъ въ Россіи ярмарокъ» и др.

«самъ себя больше знаю, нежели кто другой, и обещаюсь, ежели не солгу, въ семь сочиненій описать большую половину моей жизни. Только опять сказываю и это, что не все что будетъ правда, что я буду говорить о самомъ себѣ; иногда именемъ моимъ буду я клясть другаго, который хотя и не отзовется. Но той причинѣ, можетъ, онъ на меня и подосаждаетъ, однако въ необходимой путь ступить мнѣ должно какъ-нибудь; впрочемъ, зеркало не виновато, коли рожа крива»¹⁾. Журналу своему Чулковъ старался придать легкій тонъ народности; всѣ нумера его изданія нересыпаны пословицами и поговорками; въ статьяхъ своихъ онъ касается народныхъ повѣрій и гульбищъ и упоминаетъ о лубочныхъ сказкахъ. Заканчивая свое изданіе эпитафією «И тому и сему», Чулковъ прибавляетъ, что при изданіи его трудился онъ одинъ, безъ всякой помощи, исключая весьма малаго, «которое и по слогу читатель узнаетъ, что оно не мое, а принесено ко мнѣ рокомъ»²⁾. Въ этомъ *маломъ* встрѣчаемъ статьи Сумарокова: «Противурѣчіе г. Примѣчаеву», «О всегдашней равности въ продажѣ товаровъ», его же эпиграммы³⁾, и стихотворенія Михайла Попова, воспитанника кадетскаго корпуса и актёра⁴⁾.

При журналѣ «И то и сѣ» продавалась сочиненная Чулковымъ сатирическая поэма: «Плачевное паденіе стихотворцевъ» (въ трехъ пѣсняхъ), потомъ вновь-изданная въ 1775 году съ прибавленіемъ къ ней стиховъ на гулянье подъ качелями и на семякъ, которые первоначально были напечатаны въ текстѣ журнала «И то и сѣ». Поэма эта, вмѣстѣ съ прибавочными къ ней стихами, была впоследствии по ошибкѣ перепечатана

1) Недѣля III.

2) Недѣля LII.

3) Недѣля VI. «Опытъ истор. словаря» Новикова, стр. 234.

4) Карабановъ: «Основаніе русск. театра», стр. 23 и 34.

между сочинениями Василя Майкова¹⁾, не смотря на то, что въ стихахъ на качели и въ самой поэмѣ заключается много насмѣшекъ надъ Майковымъ и его литературными трудами. Майковъ извѣстенъ, какъ авторъ сатирической поэмы: «Елисей или раздраженный Вакхъ», наполненной нѣсколько пошлыми картинами, но написанной забавно-торжественнымъ тономъ и не безъ остроумія²⁾, какъ сочинитель другой сатирической поэмы: «Игрокъ ломбера» и эклогъ, и какъ перелазгатель въ стихи прозаическаго перевода «Овидіевыхъ Превращеній». Надо всѣми этими произведеніями музы Майкова Чулковъ равно посмѣялся. Пародируя поэмѣ «Елисей», въ которой авторъ вмѣстѣ съ своимъ героемъ-ямщикомъ завелъ въ питейный домъ и Бахуса и Силену, Аполлона заставилъ рубить дрова, Цереру работать на гумнѣ³⁾, Чулковъ говорить:

Потомъ я заташилъ въ харчевню весь Парнасъ;
 Минервинъ на гумнѣ послышался мнѣ гласъ,
 Церера на грядкахъ крапиву во щи полетъ,
 Юпитерь на дворѣ дрова изъ платы колетъ...
 Въ *ямщикьей* шапкѣ Марсъ на одноколѣ рыщетъ,
 Буянитъ онъ, кричитъ и по бурлацки свищетъ;
 Торгуеть выжигой на площади Плутонъ,
 Въ волнику на мосту играетъ Аполлонъ,

и такъ далѣе. Намекая на стихотворное переложеніе Овидія, Чулковъ продолжаетъ:

¹⁾ Смори «Сочиненія Василя Майкова, или собраніе остроумныхъ сатирическихъ забавныхъ поэмъ, нравственныхъ басенъ и сказокъ, театральныхъ и другихъ его лирическихъ твореній.» Спб. 1809 г. Означенная поэма принадлежитъ Чулкову по прямому указанію изданія 1775 г. и по свидѣтельству Новикова (см. Опытъ историч. словаря, стр. 243).

²⁾ Годъ перваго изданія намъ неизвѣстенъ; въ каталогахъ показанія ошибочны. Поэма въ свое время имѣла значительный успѣхъ.

³⁾ Стр. 4, 9, 15—16, 18.

Овидія себѣ наставникомъ избралъ,
 Который никогда такъ, думаю, не вралъ;
 Писалъ онъ хорошо, остро, замысловато,
 А я переводилъ гораздо плоховато,
 И такъ нехорошо, что сей великій мужъ
 Только сдѣлался по русски неуклюжъ,
 Колико въ собственномъ нарѣчїи прелестенъ.
 Латинскій мнѣ языкъ и русской неизвѣстенъ,
 Другихъ не знаю я, а прочихъ не училъ;

однако лишь перо омочилъ въ чернила, то вздумалъ о себѣ
 не вѣсть-что, надулся хомякомъ и пошелъ не дорогою, а
 цѣбликомъ :

Учиться не хотѣлъ, какъ выступить мнѣ въ люди,
 И бубны принималъ не свдаля за жлуди ¹⁾).

Въ поясненіе выписанныхъ нами стиховъ приведемъ отзывъ
 Новикова о Майковѣ: онъ «почитается въ числѣ лучшихъ на-
 шихъ стихотворцевъ, и тѣмъ паче достоинъ похвалы, что ни-
 чего не заимствовалъ, *ибо онъ никакихъ чужестранныхъ язы-
 ковъ не знаетъ*» ²⁾. Другіе намѣки, которыми такъ богато
 «Плачевное паденіе стихотворцевъ», разгадать весьма трудно.

Издателемъ журнала «Ни то, ни сѣ» былъ Василій Григорье-
 вичъ Рубанъ, получившій воспитаніе въ кїевской академіи и
 московскомъ университетѣ; онъ служилъ въ коллегіи ино-
 странныхъ дѣлъ, считался въ свое время однимъ изъ луч-
 шихъ переводчиковъ и лирическихъ стихотворцевъ; онъ на-
 писалъ множество надписей къ портретамъ разныхъ лицъ, на
 дни рожденія, тезоименитства, пожалованія наградами и проч.;
 надписями этими наполнилъ и свой журналъ. Особенно же
 извѣстенъ Рубанъ въ нашей литературѣ надписью къ мону-
 менту Петра Великаго :

¹⁾ Намѣкъ на «Игрока ломбера». Въ этой поэзіи Леандръ ошиб-
 кою принялъ во время игры бубны за черни.

²⁾ «Опытъ истор. словаря», стр. 135.

Колосъ Родосскій! днесь смири прегордый видъ....

Рубанъ оставилъ нѣсколько полезныхъ книгъ по русской исторіи и географіи. Журналъ свой началъ онъ издавать, увлеченный примѣромъ Козицкаго и Чулкова; однако «Ни то, ни сѣ», какъ и другія періодическія изданія Рубана, чужды того сатирическаго духа, какой замѣчаемъ во «Всячинѣ» и въ журналѣ «И то и сѣ»: здѣсь печатались стихотворенія и переводныя прозаическія статьи для «увеселенія». Причиной изданія перваго своего журнала Рубанъ прежде всего полагаетъ собственное людямъ самолюбіе. «Эта страсть (говоритъ онъ), «будучи сопровождаема еще охотою показаться грамотными и желаніемъ услужить публикѣ, сдѣлала изданіе сихъ листовъ необходимымъ. Итакъ три только обстоятельства остались, о которыхъ намъ нѣсколько позаботиться надобно, а именно: сочиненіе наше покажется читателямъ или полезно, или бесполезно, или ни то, ни другое. Что до перваго принадлежитъ, то мы обѣщаемся понести великодушно, если кто «наше *Ни то, ни сѣ* захочетъ превратить въ *Нлѣто*. Чтожь касается до втораго, то мы не обязуемся отвѣтствовать за тѣхъ читателей, которые изъ сего нашего затору произведутъ несприятную чувствамъ кислоту; а если случится третіе, то мы уже будемъ не первые отягощать свѣтъ бесполезными сочиненіями: между множествомъ ословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ. Вить мы не вдвое противъ другихъ чловѣки... Насъ въ семъ случаѣ будетъ веселить лишь то, что мы чрезъ сіе окажемся честными и справедливыми людьми, сдержавъ свое слово предъ публикою, то есть, что «выйдетъ изъ сего настоящее и безпримѣсное *Ни то, ни сѣ*»^{*)}. Таково остроуміе Рубана. Слогъ его вялый, по мѣстамъ обезображенный тяжелыми и неправильными оборотами. Разсуж-

^{*)} Стр. 3—5.

дая о томъ, что нужно для періодическаго изданія, онъ говоритъ, что «надежныѣ всего мѣшать поученія съ увеселеніями «и угрюмость строгихъ правилъ умягчать какими-нибудь пріятно-«ностями или закрывать прелестными цвѣтами, но съ соблю-«деніемъ надлежащей мѣры единообразія, чтобъ слишкомъ не «перепестрить»¹⁾. Но, вопреки своему намѣренію, онъ напеча-талъ въ своемъ журналѣ въ плохомъ переводѣ разсужденіе Сенеки о смерти. Одинъ острякъ прислалъ по этому поводу въ редакцію стихи :

Безспорно, что весьма полезно
О смерти въ жизни разсуждать;
Но въ свѣтѣ не для всѣхъ любезно
Толь страшную мораль читать...
Ввязались не въ свое вы дѣло;
Ни то, ни сѣ, а загремѣло
Сенекой, какъ Перунъ, у насъ, и проч.

На это издатель отвѣчалъ стихами о разнородности чело-вѣческихъ вкусовъ : что если одни склонны къ забавному, за то другіе охотники до морали. Вскорѣ послѣ того было въ журналѣ Рубана напечатано письмо Старожилова, который защищаетъ переводъ Сенеки²⁾ : «всѣ говорятъ, что имъ на-«скучили важности и въ большихъ книгахъ ; жалуются и на «самыхъ проповѣдниковъ, что будто они имъ своею моралью «уши прожжужали ; но я вамъ поручаю, что они первыхъ и въ «руки не бирали, а вторыхъ не слыхивали. Вить извѣстно, что «такіе *порхуны* столь же боятся долгой объѣдн, какъ большой «и разумной книги». Между сотрудниками Рубана должно упо-мянуть Василя Петрова, который помѣстилъ на листахъ его журнала переведенную имъ оду : «Должности общежитія».

«Ни то, ни сѣ» не удовлетворяло вкусу и желаніямъ публики и потому не имѣло успѣха ; оно существовало около пяти мѣ-

¹⁾ Стр. 75—76.

²⁾ Стр. 31—32, 77—79.

сяцевъ. Недовольный публикою и замѣчаніями другихъ журналистовъ, Рубанъ, при окончаніи своего изданія, разразился такимъ обращеніемъ къ читателямъ :

«Господа читатели! Съ нынѣшняго года извѣстно стало, что марать бумагу прозою есть столь же прилипчивая болѣзнь, какъ и плести стихи; а мы по собственному опыту «нашли на нее и лѣкарство. Оно называется многодѣліемъ, «котораго если дать добрый приѣмъ больному, то сколь бы въ «немъ болѣзнь сія ни застарѣлась, только онъ, если не на- «всегда, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени изцѣлит- «ся... Примѣчено еще то, что въ сей болѣзни люди бываютъ «неодинаковы: иные веселы, пріятны и въ полномъ умѣ, а «иные совсѣмъ шалѣютъ, взѣдаются, не будучи ни кѣмъ «дразнимы, и много безтолковаго бредятъ. Что касается до «насъ, то мы, хотя и не надѣемся, чтобы насъ здоровые чи- «татели включили въ число первыхъ, такъ по крайней мѣрѣ «не боимся быть поставлены между послѣдними; а если такъ, «то по всѣмъ выкладкамъ причтется нашей болѣзни назваться «чистымъ *Ни тьма, ни слѣма*. Правду сказать, мы не угодили «ни петиметрамъ, ни степеннымъ людямъ: первымъ, потому «что не грезили ни объ нарядахъ, ни объ модахъ, но о томъ жа- «лѣть нечего; вить они и сами больны головою, однако не ло- «момъ, но пустотою въ головѣ. А вторымъ, потому что мы ни- «сали на лоскуткахъ, которыхъ они и въ руки не берутъ; они «охотники до увѣсистыхъ книгъ, но по несчастію прекратив- «шаяся скоропостижно наша болѣзнь не дала намъ времени сгро- «моздить ничего такого, что-бъ имъ руки обломить могло... «Итакъ осталось намъ ожидать себѣ похвалъ отъ однихъ «здоровыхъ людей, но по несчастію ихъ очень мало... Про- «щайте, господа читатели, мы съ вами разговаривать не бу- «демъ: здоровымъ изъ васъ желаемъ быть здоровыми и впредь, «а больнымъ скорого выздоровленія... Впрочемъ, вы чрезъ

«наше излѣченіе не лишится удовольствія забавляться различными нелѣпостями, отъ больныхъ содѣваемыми»¹⁾). Этими послѣдними строками Рубанъ мѣтилъ на другія періодическія изданія, продолжавшія выходить въ свѣтъ въ то время.

Если Чулковъ, оканчивая свое изданіе, самъ пропѣлъ ему эпитафію, то журналу: «Ни то, ни сѣ» потрудилась пропѣть эпитафію «Смѣсь». Вотъ это стихотвореніе:

Немного времени «Ни то, ни сѣ» трудилось,
 Въ исходѣ февраля родившись на свѣтъ:
 Вся жизнь его была единый только бредъ,
 И въ *Блоху*²⁾ наконецъ въ іюлѣ преродилось.
 А сею тварею презрѣнно бмвъ вездѣ,
 Исчезло во своемъ убогомъкомъ гнѣздѣ.

Приведемъ здѣсь и другую эпиграмму, напечатанную въ «Смѣси» на Рубана:

114
 Не будетъ тотъ столяръ, кто *рубитъ* лишь дрова,
 Не будетъ тотъ пѣиць, кто русскія слова
Разрубитъ на стихи и рифмами окончить...
 Такъ для чего-жъ у насъ та вольность всѣмъ дана,
 Что можетъ и *Рубачъ* пѣнтомъ называться?
 За ния же сіе *Рубачъ* готовъ хоть драться,
 И *нарубитъ* стиховъ, онъ мнитъ, что славенъ ввѣкъ;
 Такъ славенъ посему и всякой дровосѣкъ!³⁾

Н. И. Новиковъ извѣстенъ, какъ издатель цѣлаго ряда журналовъ, обратившихъ на себя справедливое вниманіе современниковъ. Въ 1769 году онъ явился съ «Трутнемъ», направленіе котораго было исключительно сатирическое. На виньеткѣ, приложенной къ заглавному листу втораго изданія «Трутеня», изображенъ оселъ, придавленный сатиромъ. «Трутенъ» окончился 53-мъ листомъ, въ которомъ издатель про-

¹⁾ Стр. 157—160.

²⁾ Намѣкъ на стихотвореніе «Блоха» (изъ Овидіевыхъ фрагментовъ), помѣщенное въ послѣднемъ листѣ журнала: «Ни то, ни сѣ».

³⁾ Стр. 96, 136.

щается съ публикою легкой и умно-составленной статьею подъ заглавіемъ : «Разставаніе или послѣднее прощаніе съ читателями»¹⁾). Сотрудники этого журнала скрыли свои имена подъ псевдонимами : Чистосердова, Правдолюбова, Правомыслова и т. п. Намъ извѣстны только Василій Майковъ и Михаилъ Поповъ, помѣщавшіе въ «Трутиѣ» свои стихотворенія, и Аблессимовъ, напечатавшій здѣсь нѣсколько своихъ «Былей» и два или три письма. Макаровъ догадывается, что и подъ псевдонимомъ *Азазель Азизезовъ* скрывается имя Александра Аблессимова, и указываетъ на княгиню Е. Р. Дашкову и графа М. Л. Воронцова, какъ на сотрудниковъ «Трутня»²⁾). Въ журналѣ Новикова напечатана надпись къ памятнику Ломоносова, воздвигнутому графомъ Воронцовымъ ; кромѣ того, имя графа не упоминается въ «Трутиѣ» и прямыхъ указаній на участіе его и княгини Дашковой въ означенномъ изданіи мы не находимъ.

О другихъ сатирическихъ журналахъ Новикова скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Ему приписываютъ и періодическое изданіе 1769 года : «Смѣсь»; но сомнительно, чтобъ онъ могъ въ одно и то же время предпринять и вести два отдѣльные журнала. Если станемъ пристальнѣе вглядываться въ текстъ «Смѣси» и «Трутня», то, не смотря на все сходство ихъ цѣлей и направленій, нельзя не замѣтить различія въ обоихъ журналахъ относительно тона сатиры и слога ; прибавимъ еще, что ни одна статья «Смѣси» не была перепечатана Новиковымъ въ послѣдующемъ изданіи «Живописца», куда «Трутень» принесъ обильную дань. Названіе «Смѣсь» было избрано издателемъ этого журнала потому, что на листахъ его онъ же-

¹⁾ «*Всякая Всячина*, говоритъ одинъ изъ сотрудниковъ Новикова, «простилась ; *И то* и сѣ превратилось въ ничто ; *Адская Почта* осталась новилась, а *Трутню* также пора летѣть на огонекъ въ кухню» («Трутень» 1770 г., стр. 127).

²⁾ «Отечеств. Зап.» 1839 г., № 8, стр. 31, смѣсь.

всѣмъ лалъ представить «смѣсь полезнаго съ пріятнымъ»¹⁾, то есть соединить статьи сатирическія съ сочиненіями, писанными «для увеселенія». Первые, однакожь, составляютъ главное, существенное содержаніе «Смѣси». Въ разговорѣ между Меркуріемъ и издателемъ «Смѣси» высказано намѣреніе исправлять пороки и заблужденія жестокимъ орудіемъ сатиры, на что Меркурій дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Худо же ты знаешь людей! Они давно изгнали правду и всего скорѣе можно имъ «понравиться, писавъ ложь и бездѣлки... а по всѣмъ твоимъ словамъ вижу, что скоро твоихъ листовъ не станутъ читать; не выльчатъ людей, зараженныхъ предразсужденіемъ!»²⁾ Преслѣдуя невѣжество и грубость, «Смѣсь» представляетъ въ то же время высокія нравственныя идеи, во имя которыхъ и произноситъ свой судъ.

Въ одно время съ Козицкимъ, Чулковымъ, Рубаномъ и Новиковымъ явились на журнальномъ поприщѣ Василій Тузовъ, оберъ-офицеръ полевыхъ полковъ, авторъ «шуточныхъ» стиховъ и пѣсней, непопавшихъ въ печать, и Федоръ Александровичъ Эминъ, кабинетный переводчикъ. Первый выступилъ съ «Поденьщиною», заключающею въ себѣ нѣсколько разсужденій объ искусствахъ и писемъ, въ которыхъ, не смотря на желаніе автора, элементъ сатирической почти незамѣтенъ. «Поденьщина» явилась только изъ желанія ея издателя подражать другимъ періодическимъ листамъ, и не имѣла успѣха. Эминъ выступилъ съ «Адскою Почтою», въ которой помѣщались адскія вѣдомости и переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ. На эту мысль онъ наведенъ былъ извѣстнымъ романомъ Лесажа. Обращаясь къ читателю, Эминъ рассказываетъ, какъ оба бѣса, и хромоногой, и кривой, долгое время служившіе адской республикѣ, были наконецъ отправлены въ здѣшній свѣтъ;

¹⁾ Стр. 31.

²⁾ Стр. 167.

«торой стороны и въ какомъ составѣ можетъ нечаянно явиться «такой припадокъ, который цѣлое тѣло повредить можетъ . . .» Сатирическимъ сочиненіямъ, по замѣчанію Эмина, остается та надежда, что ежели они и не удостоятся безсмертія, за-то по крайней мѣрѣ не будутъ «подвержены обыкновенной мерт-«выхъ тѣлъ порчѣ : множество находящейся въ нихъ соли отъ «такого несчастія ихъ сохранить можетъ»*)).

Биографическія свѣдѣнія объ Эминѣ, жизнь котораго представляетъ много романическихъ приключеній, запутаны и исполнены противорѣчій. Гдѣ онъ родился — положительно нельзя сказать : по одному извѣстію, родился онъ въ 1735 году въ Польшѣ, или въ одномъ изъ пограничныхъ съ Польшею русскихъ городовъ, отъ небогатыхъ родителей ; по другому извѣстію, родился онъ въ небольшомъ венгерскомъ городкѣ, на турецкой границѣ, отецъ его былъ венгръ, а мать полька ; а по третьему извѣстію, дѣдъ его, родомъ полякъ, находясь въ цесарской службѣ, перебѣжалъ въ Турцію, гдѣ родился и Федоръ Эминъ. Онъ воспитывался у иезуитовъ (а по другому указанію, въ кievской академіи), и съ однимъ изъ нихъ путешествовалъ по разнымъ землямъ европейскимъ и азиатскимъ. Въ Турціи было съ нимъ какое-то неприятое приключеніе, вслѣдствіе котораго онъ былъ взятъ подъ стражу. Чтобъ избѣжать неволи, онъ принялъ магометанство и вступилъ въ янычары. Отсюда Эминъ тайно уѣхалъ на англійскомъ кораблѣ въ Лондонъ, явился (въ 1758 г.) къ русскому министру при тамошнемъ дворѣ князю Голицыну и, по собственному желанію, окрещенъ въ грекороссійскую вѣру, которую нашелъ онъ справедливейе прочихъ исповѣданій. Въ 1761 году Эминъ пріѣхалъ въ Санктпетербургъ и опредѣлялся учителемъ въ сухопутный шляхетный корпусъ, а послѣ былъ перевод-

*) Стр. 78, 335, 381—384.

чиномъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и въ кабинетѣ. По отзыву Новикова, «онъ былъ человекъ острога и проникательнаго разума; чтеніемъ наилучшихъ древнихъ и новыхъ авторовъ на разныхъ языкахъ приобрѣлъ великое просвѣщеніе; имѣлъ отъ природы критическій духъ и веселый нравъ»; во время путешествій своихъ, онъ изучилъ много языковъ европейскихъ и восточныхъ: французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, португальскій, польскій, литовскій, турецкій и татарскій. Сверхъ того, онъ зналъ древніе языки: греческій и латинскій, а по пріѣздѣ въ Россію выучился и русскому. Онъ издалъ болѣе двадцати-пяти книгъ на русскомъ языкѣ; между ними: «Путь ко спасенію», романъ: «Непостоянная фортуна или похождения Мирамонда» и «Россійскую исторію» въ трехъ томахъ, которая впрочемъ исполнена самыхъ странныхъ, ошибочныхъ мнѣній и непростительныхъ промаховъ. «Адскую Почту» Эминъ наполнялъ статьями, имъ самимъ составленными, почему въ «Смѣси» было замѣчено, что «бѣсы сами собою хотятъ наполнить свое изданіе до конца года, безъ участія постороннихъ»^{*)}; исключеніе, можетъ быть, составляетъ одно письмо Правдолюбова (псевдонимъ).

Наконецъ въ 1769 году при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ издавалось «Полезное съ Приятнымъ, полумѣсячное упражненіе». Въ объявленіи объ этомъ журналѣ было сказано: «Вида, съ какою жадностью пріемлетъ общество издаваемые еженедѣльные сочиненія, для увеселенія онаго, не можно не возчувствовать истинной радости. Съ какимъ бы намѣреніемъ кто не желалъ имѣть оныя; однако то неоспоримо, что тамъ найдеть и такое, которое напоследокъ и порочное сердце устыдитъ и къ нѣкоторому исправленію побудить можетъ: а сіе самое и есть предметомъ трудящихся въ

^{*)} Стр. 129. Смотри также «Адскую Почту», стр. 383.

«таковыхъ изданіяхъ. Что касается до предлагаемаго при семь «полумѣсячнаго упражненія («Полезнаго съ Пріятнымъ»), то «главныя матеріи въ оное взяты изъ книги, называемой: Юношеская Библіотека, сочиненной однимъ славнымъ англійскимъ писателемъ . . . въ дополненіе (же) найдеть благосклонный читатель разныя сочиненія или переводы, согласныя съ описуемую матерію». Въ самомъ текстѣ журнала находятся частыя ссылки на англійскаго «Спектатора»¹⁾, одна статья заимствована изъ французскаго «Зрителя»; двѣ переведены изъ книги «Le philosophe ignorant» (MDCCLXVI, стр. 105), а нѣкоторыя взяты изъ книги, называемой «Улей»²⁾, но для насъ болѣе важны статьи оригинальныя, хотя ихъ и немного. «Полезное съ Пріятнымъ» былъ единственный журналъ того времени съ теоретическимъ направленіемъ; онъ преимущественно содержитъ въ себѣ разсужденія о разныхъ житейскихъ добродѣтеляхъ, порокахъ и требованіяхъ истиннаго образованія, на примѣръ, въ немъ находимъ статьи: о зависти, злословіи, скупости, роскоши, праздности и притворствѣ, о познаніи свѣта, выборѣ друзей, и другія; кромѣ того, есть нѣсколько стихотвореній и любопытныхъ сатирическихъ писемъ.

Въ третьемъ выпускѣ своего журнала редація «Полезнаго съ Пріятнымъ» дѣлаетъ такое признаніе:

«Полезное съ Пріятнымъ, вышедъ въ свѣтъ, опытомъ познало, что оно не всѣмъ нравится, и многіе не нашли въ немъ по мнѣнію своему ни полезнаго, ни пріятнаго. Обыкновенно при-
чиняетъ намъ болѣе удовольствія, что съ мыслями нашими согласо: можетъ ли наше полумѣсячное упражненіе показаться «полезнымъ и пріятнымъ для такихъ людей, которые и сами ни «полезны, ни пріятны? Иные изъ нихъ, не разумѣя въ немъ

¹⁾ № 4, стр. 18, 30. № 5, стр. 14. № IX, стр. 19.

²⁾ № 7, стр. 8, 13. № 8, стр. 9. № 9, стр. 13. № 12, стр. 1, 4.

«написаннаго, хулять, что азъ напечатанъ криво, а *глазюль* «косо, и потому почитаютъ оное бесполезнымъ. Люди же «здраваго разсужденія и всему знающіе цѣну не только такъ «не толкуютъ, но, ободряя насъ во упражненіи нашемъ, бла- «говоленіемъ своимъ оное удостоиваютъ; а можетъ быть «только то имъ неугодно, что оно, будучи довольно простран- «но, занимаетъ у нихъ немало времени. Почему, раздѣляя «полумѣсячное упражненіе еще пополамъ, станемъ выдавать «каждую недѣлю по одному листу. Совѣмъ тѣмъ «Полезное «съ Пріятнымъ» отъ слова *полумѣсяцъ* не отречется... Об- «щество проститъ, конечно, что сіе наше еженедѣльное изда- «ніе будетъ называться полумѣсячнымъ: вить много и людей «такихъ, которые совѣмъ другую должность отправляютъ; «нежели какой чинъ на себѣ носить»¹⁾).

Итакъ большинство журналовъ 1769 года, и притомъ луч- шихъ, имѣло сатирическое направленіе; статьи, въ нихъ на- печатанныя, сравнивались съ сочиненіями Буало и Рабене- ра²⁾). Это общее направленіе, однако, различалось по нѣкото- рымъ оттѣнкамъ во взглядахъ того или другаго журнала на значеніе и условія сатиры. Различіе во взглядахъ на сатиру довольно-рѣзко высказалось въ тѣхъ полемическихъ спорахъ, которыми такъ обильны журналы означеннаго года. Впрочемъ, надо замѣтить и то, что полемика журнальная не всегда вы- зывалась однимъ различіемъ въ убѣжденіяхъ, но примѣшива- лось сюда и чувство затронутаго самолюбія.

Послѣдую благому примѣру «Всячины», стали выходить, какъ мы видѣли, и другія періодическія изданія, нарождаясь почти съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ: по выраженію «Всячи- ны», едва она явилась въ свѣтъ, какъ уже «продираетъ глаза

¹⁾ Стр. 3—4.

²⁾ «Живописецъ» изд. 3, ч. 2, стр. 47.

То и сё; одно только кое-что спитъ безъ просыпа»¹⁾. «Всякая Всячина» послѣшила объявить себя родоначальницею этой семьи журналовъ. Вотъ что писалъ издатель этого журнала по выходѣ первыхъ листовъ еженедѣльника «Ни то, ни сё»: «Многіе родители не столько любятъ и милуютъ дѣтей родныхъ, какъ своихъ внучатъ. Изъ опыта теперь знаю, каковы смилы внучата. Лишь «Ни то, ни сё» узрѣло свѣтъ, я взяла соное во свои не объятія, но руки, и радовался надъ нимъ, приговаривая по обыкновенію барскихъ барынь: дитя умное, дитя смилое, разумное дитя, и проч. Господинъ читатель, радость «не знаетъ мѣры... Обращаюся къ любезному своему внучку: «Ни то, ни сё». Больше онъ мнѣ, можетъ статья, по-тому былъ милъ, что *первороденный сынъ* (журналъ «И то и сё») такъ мало благодаренъ родительницѣ своей, что онъ её называетъ безо всякаго почтенія большою сестрицею²⁾, «не упоминая о прочихъ многихъ его поступкахъ противъ матери. Но о сей семейной ссорѣ нечего здѣсь упоминать. Однимъ словомъ кончить тѣмъ, что съ молода онъ не общалъ смного соответствовать надеждѣ объ немъ родительской. Внучекъ же, напротивъ того, со дня рожденія показался почти-теленъ и ласковъ, и тѣмъ утвердилъ искреннюю къ нему любовь прародительницы, коя взираетъ на него, какъ на подспорю рода ея и утѣшеніе въ старости. Бабушкѣ вить жить «одинъ годъ... Но какъ бы то ни было, обыкновенно послѣ

¹⁾ Стр. 153.

²⁾ На третьемъ листѣ «И то и сё» сказано: «Государиня моя госпожа Всякая Всячина! Не погнѣвайся на меня, что наименою тебя родною моею сестрою и сестрою еще большею и старшею, для того, что прежде ты вышла на свѣтъ изъ природнаго утробы, и прошу въ томъ извиненія, что я причитаюся къ тебѣ родною. Ты родилась «на Парнасъ, да и я не подалеку оттуда; тебя производила муза, да «и меня, я думаю, тоже».

«радости бываетъ печаль. Слѣдующія два письма поразили «печалію чувствительное сердце бабушкино». Въ этихъ письмахъ сотрудники «Всячины» подъ псевдонимами Ибрагима Курмамета и Фалалея жалуются ей на внучка въ такихъ выраженіяхъ: «читая помѣщенные въ «Ни то, ни сѣ» стихи, отъ «стаго произношенія однихъ рѣчей зачала у меня побаливать «голова. Надобно бы мнѣ перестать, но я поупрямился... А «какъ дочиталъ, то отъ частыхъ, да еще и на другихъ языкахъ: *ни то, ни сѣ; ни то, ни сѣ...* съ русскимъ *что, что, что,* — сдѣлался обморокъ, который такъ силенъ былъ, что «и теперъ не могу въ натуральный прійти порядокъ»... Совесть было выздоровѣлъ, какъ «вдругъ опять занемогъ отъ «нововышедшаго сочиненія. Господа сочинители «Ни того, ни «сего», какъ видно, не будучи достаточны въ хорошихъ матеріяхъ, и наполняя враньемъ свой листокъ, находились въ затрудненіи, какъ бы окончить оный, но не нашедъ болѣе ничего, вранье свое окончили повтореніемъ на разныхъ языкахъ названій своего вздора»*)).

*) Стр. 73—79. Намѣки на слѣдующіе стихи, напечатанные въ журналѣ «Ни то, ни сѣ»:

Скажите, отъ чего родилось «То и сѣ»?
 Что «Всяку Всячину» произвело и все,
 Что есть на свѣтѣ семь предъ нашими глазами
 И смертными понять возможно *что* умами?
 Какъ «Всякой Всячины», такъ и «Того-сего»
 Начало сдѣлалось *обязь* изъ *ничего*. .
 Имъ въ отъ должности свободное ни время,
 И съемъ и садимъ *мулей* въ сихъ нивахъ сѣи...
 Но для «Ни то, ни сѣ» назначимъ день субботу;
 Пусть по субботнимъ днямъ всѣ чтуть *мулей* работу,
 И въ прозѣ она пусть будетъ и въ стихахъ,
 И весь сей трудъ основанъ на *муляхъ*;
 Ну и хоть суть ничто, науку-жъ числъ кто знаетъ —
 Тотъ пользу и *мулей* довольно понимаетъ.
 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0

Въ отвѣтъ на эти нападенія Рубанъ напечаталъ въ своемъ журналѣ письмо *Неспускалова*, въ которомъ читаемъ : «по моему мнѣнiю и бабушка ваша не очень права, а виноватѣе всѣхъ вы сами (сочинители «Ни того, ни сего»). Скажите, для чего бы и вамъ не имѣть осторожности : въ издаванiи «получаемыхъ будто вами писемъ, плеть себѣ такiя же похвалы, какими бабушка ваша всѣмъ уши прожужжала? не имѣеть ли она права быть вами недовольною, что вы от нея ума не набираетесь и ея примѣру не слѣдуете? *) Развѣ вы не знаете, сколь зорки тогда бываютъ читатели, когда имъ пущено будетъ въ глаза нѣсколько горстей такой пыли? Имъ тогда и на грязи цвѣты покажутся... Чтожъ до бабушки принадлежитъ, то она извинительна, потому что выжила уже изъ лѣтъ и много забывается : сiе вы можете видѣть изъ того, что она, пишучи къ вамъ поученiе въ лицѣ бабушки, сказала *взяла*, а не *взяла* себѣ на руки внучка. А когда она и роду и полу своего не помнитъ, то можнoль пѣнять, что она не умѣла отличить въ своихъ корреспондентахъ критики отъ ругательства?» Сказавъ нѣсколько словъ о ненадежности корреспондентовъ «Всячины», Неспускаловъ обращается къ Фалалею съ такимъ возванiемъ : «ахъ, Боже мой, какъ вы хитры!... Обширности вашего разума, съ какою вы изъ двухъ словъ провидѣли вздорность всего сочиненiя, котораго, можетъ быть, еще ни сотая часть на свѣтъ не вышла, я скудоумный и мѣры положить не могу; однако смѣло поручусь, что когда вамъ, по такой своей проникаемости въ прошедшемъ, можно прослѣдить безошибочнымъ

«Ни то, ни сѣ» на другихъ языкахъ :

У Грековъ *что обѣдѣ*, у Римлянъ *nihil что*,

У Галловъ *то гien*, у насъ *Ни сѣ, ни то* (стр. 6—8).

*) На стран. 73—74 «Ни то, ни сѣ» исправилось и напечатало себѣ похвалу, слѣдуя обычаю тогдашнихъ журналовъ.

«и въ прорицаніи будущаго; то вѣроятно, что и кроты слѣ-
 «лаются когда-нибудь славными въ свѣтѣ астрономами. Вотъ
 «еще какіе между людьми водятся удалцы! Однако, гг. со-
 «чинители («Ни того, ни сего»), я не совѣтую вамъ тру-
 «снить... Пусть наводятъ читателямъ скуку своею *несмач-*
 «*ною* критикою; вить всякъ знаетъ, что извительность про-
 «исходить не можетъ отъ добраго сердца. Продолжайте, какъ
 «начали; не бранитесь съ бабушкою, которая, миловавши
 «васъ, хотя и укусила, но по старости зубовъ не больно; да
 «она жъ и рану зализала». Затѣмъ слѣдовала эпиграмма къ
 Курмамету, въ которой высказано сожалѣніе, что, ушавъ въ
 обморокъ, онъ не скончался вовсе; при этомъ издатель отъ
 себя прибавляетъ: «мы, бабушка, тебѣ хотя и внучки, однако
 уже на возрастѣ!»¹⁾).

По поводу разсказаннаго нами спора во «Всякой Всячинѣ»
 было напечатано письмо *Аристарха Примирителя*, кото-
 рый совѣтуетъ прекратить бесполезную журнальную войну,
 отвращающую читателей отъ періодическихъ изданій, и уста-
 новить между журналами ненарушимое согласіе; подобные
 совѣты высказывались и на страницахъ другихъ журналовъ.
 «Всячина», повидимому убѣжденная письмомъ Примирителя,
 объявила своимъ корреспондентамъ, что она не дастъ болѣе
 мѣста ни одной статьѣ, отъ которой могутъ родиться брань и
 ссоры²⁾. Но идеальнаго состоянія дружбы и согласія тог-
 дашніе журналы такъ-же не достигли, какъ не достигаютъ и
 теперешніе.

На слѣдующемъ же листѣ «Всячины» появилась такая за-
 мѣтка: «мимоходомъ дадимъ примѣтить, что со времени раз-
 множенія у насъ земляныхъ яблокъ еще не было ничего такъ

¹⁾ Стр. 33—37.

²⁾ Стр. 96—98, «Трутень» 1769 г., стр. 175.

плодовитаго, какъ потомство «Всякія Всячины»¹⁾. По поводу этой замѣтки, издатель «Смѣся», отказываясь за свой журналъ отъ родства со «Всячиною», прибавилъ: «справедливѣе называть «Смѣсь» дочерью тѣхъ сочиненій, которыхъ видны въ ней переводы, нежели включить въ племя такого изданія, которое ее старѣе нѣсколько недѣль и коему, вѣрно, не «можно такъ въ Россіи размножить журналы, какъ развелись «земляныя яблоки»²⁾).

Смѣсь)
 Отрекаясь отъ всего, что можетъ затронуть чужое самолюбіе, «Всячина» слишкомъ-далеко простерла свою ревность; съ той же смиренной точки зрѣнія стала она смотрѣть и на смѣлую, обличительную сатиру, въ которой почудились ей какіе-то злые намѣки на лица. Она съ гордостью объявила, что приняла за правило: «не цѣлѣть на особь, но единственно на пороки»³⁾. Правило совершенно-законное, по видимому. Но дѣло въ томъ, что едва-ли возможно нападать на порочныя страсти и суевѣрныя убѣжденія и не подѣйствовать въ то же время непріятно (хотя и безъ всякаго умысла) на лица, подверженныя этимъ страстямъ и убѣжденіямъ. Съ другой стороны, если станешь, во что бы ни было, избѣгать всего, что способно пробудить духъ мелочной раздражительности въ людяхъ, чувствующихъ на своемъ рыльцѣ пушокъ, то сатира обратится въ пустословіе объ отвлеченныхъ идеяхъ добра и зла, безъ малѣйшаго примѣненія къ дѣйствительной жизни. На страницахъ 139—140 «Всячина», объявляя, почему она не напечатала письма господина А., говорить: мы совѣтуемъ ему беречь свое письмо до той поры, когда будетъ составляться лексиконъ всѣхъ человѣческихъ слабостей и

¹⁾ Стр. 105.

²⁾ Стр. 32.

³⁾ Стр. 100—101, 200

недостатковъ ; «тогда это письмо можетъ послужить реэстрою «во вспоможенію памяти сочинителю ; а до тѣхъ поръ просимъ г. А., сколько возможно, упражняться въ чтеніи книгъ такихъ, посредствомъ которыхъ могъ бы онъ человѣколюбіе и «кротость присовокупить къ прочимъ своимъ знаніямъ ; по-тому что намъ кажется, что любовь его къ ближнему болѣе «простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и че-ловѣколюбіе ; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, «тотъ не способенъ подавать наставленія другому... Боль-шая часть матерій, въ его длинномъ письмѣ включенныхъ, «не есть нашего департамента ; сверхъ того, мы не любимъ «меланхолическихъ писемъ». Затѣмъ «Всячина» рисуетъ пор-третъ человѣка, который, думая о себѣ болѣе прочихъ, воз-мечталъ, что свѣтъ стоитъ не такъ ; онъ увидѣлъ тамъ поро-ки, гдѣ другіе на-силу могли разглядѣть весьма обыкновенныя «человѣчеству слабости, ибо смертные никогда безъ слабос-тей не были и не будутъ. Не раздѣлая подобной строгости, «Всячина» приняла слѣдующія основанія : а) не называть сла-бостей пороками, б) хранить во всякомъ случаѣ человѣколю-біе, и с) не думать, чтобъ кто могъ быть совершеннымъ*).

Статья эта мѣтила на другіе сатирическіе журналы, хотя ихъ «несколько нельзя было упрекать въ отсутствіи любви къ ближ-нему—и вотъ въ защиту послышался голосъ умнаго и пря-маго «Трутня». Въ этомъ изданіи появилось письмо *Правдо-любова* такого содержанія :

«Я того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія досто-яны, однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ «на сей разъ не покрывила свою мыслью и душею госпожа «ваша прабабка («Всячина»), давъ знать, что похвальнѣе снис-ходить порокамъ, нежели исправлять оныя. Многіе слабой

*) Стр. 141—142.

«совѣсти люди никогда не упоминають имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны и что должно оныя прикрывать «человѣколюбіемъ», слѣдовательно они порокамъ сшили изъ «человѣколюбія кафтанъ; то такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назветъ пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше «человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, «который онымъ снисходитъ или (сказать по русски) потакаетъ... Еще не понравилось мнѣ первое правило упомянутой госпожи, то есть чтобъ отнюдь не называть слабости «порокомъ, будто *Іоаннъ* и *Иванъ* не все одно. О слабости «тѣла человѣческаго мы разсуждать не станемъ, ибо я не лѣкаръ, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая въ каждую сторону покривиться можетъ. Да я и не знаю, «что по мнѣнію сей госпожи значить слабость. Нынѣ обыкновенно слабостію называется въ кого-нибудь по уши влюбиться, то есть въ чужую жену или дочь, а изъ сей мнимой «слабости выходить: обезчестить домъ, въ который мы ходимъ, и поссорить мужа съ женою или отца съ дѣтьми; и это «будто не порокъ?... Любить деньги есть также слабость, «почему слабому человѣку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще «привычка; однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до «полусмерти и подраться съ вѣрнымъ другомъ... Не хочу «васъ (издателя «Трутня») побуждать къ продолженію труда, «ниже васъ хвалить: звѣрокъ по кохтямъ видѣнъ)*». «Всякая Всячина» не оставила эти возраженія безъ отвѣта, но, въ пылу спора, она придала словамъ «Трутня» тотъ жесткій смыслъ, котораго они не имѣли. «На ругательства (?), напечатанныя въ «Трутнѣ», говоритъ она, мы отвѣтствовать не хо-

*) Стр. 33—35 (1769 года).

«тимъ; а только наскоро дадимъ примѣтить, что г. Правдолюбовъ насъ называетъ криводушниками и потачниками пороковъ «для того, что мы сказали, что имѣемъ челоѡколюбіе и снисхожденіе къ челоѡческимъ слабостямъ и что есть разница между пороками и слабостями. Г. Правдолюбовъ не догадался, что, исключая снисхожденіе, онъ истребляетъ милосердіе... Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про все кнудомъ съчь (?). Какъ бы то ни было, отдавая его публикѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы черные пары «и желчь не оказывались даже и на бумагѣ, до коей онъ до «трогивается» *). Несовѣтъ-покойнымъ тономъ возражаетъ на это Правдолюбовъ :

«Госпожа «Всякая Всячина» на насъ прогнѣвалась, и наши «нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но «теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. «Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разумѣть не можетъ... Ежели я написалъ, что больше челоѡколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто «онимъ потакаетъ; то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я «могъ тронуть милосердіе? Видно, что госпожа «Всякая Всячина» такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ «за преступленіе, если кто ее не похвалить. Не знаю, почему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругательство есть брань, *иными* словами выраженная; но въ «моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей «пожилой дамы, нѣтъ ни кнудовъ, ни вистѣлицъ, ни прочихъ «слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находят- «ся... Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться — не знаю: мнѣ ли «больше приличенъ, или сей госпожѣ. Она, сказавъ, что не

*) Стр. 174—175.

«хочетъ отвѣчать «Трутню», отвѣчала (ему) всѣмъ своимъ «сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въ ономъ письмѣ сдѣлалась видна. Когда жъ она забывается и такъ мокротлива, «что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ; то кажется, для «очищенія ея мыслей и внутренности, безполезно ей и по-«лѣчиться»¹⁾).

«Всячина» и послѣ продолжала отстаивать себя и свои мысли; она помѣстила на своихъ листахъ письмо *Добросовѣтова*, въ которомъ сказано, что *добросердечный* сочинитель изрѣдка касается пороковъ, чтобы не оскорбить чрезъ то человечества, но любить приводить въ примѣръ людей, украшенныхъ различными совершенствами: твердаго блюстителя вѣры и законовъ, миролюбиваго гражданина, искренняго друга; *зло-«правный»* же изо всего составляетъ поношеніе и услаждается, уязвляя другихъ. Въ томъ же журналѣ было напечатано письмо къ издателю такого содержания: «Напишите что-нибудь въ на-«ставленіе тѣмъ матерямъ и бабкамъ, кои дѣтей и внучатъ, «начинающихъ только говорить, учать, чтобы отцовъ и дру-«гихъ людей бранили. . . Изъ листовъ вашихъ я не примѣ-«тилъ, чтобы вы нисходящему своему роду такое преподали гдѣ-«либо ученіе; однако нѣкоторые изъ пишущихъ и издающихъ «недѣльные сочиненія показываютъ въ семъ ремеслѣ удиви-«тельные успѣхи и насъ оными забавляти стараются, не вѣ-«дая того, что благоразумный человѣкъ. . . негодовать дол-«женъ на сочинителей, въ храмъ вѣчности и славы продираю-«щихся, видя вмѣсто полезныхъ поученій разсѣваемые ими и «примѣромъ ихъ одобряемые такіе плевелы»²⁾).

Въ эту журнальную войну вмѣшались и другія періодическія изданія. «Смѣсь» и «Адская Почта» стали за «Трутню», а жур-

¹⁾ «Трутень» 1769 г., стр. 57—59.

²⁾ Стр. 213—214, 224.

налъ «И то, и сѣ» за «Всячину». «Смѣсь» выступила противъ «Всякой Всячины» съ нѣсколькими довольно-мѣткими статьями: «Объявите мнѣ (читаемъ въ этомъ журналѣ), отчего происходитъ желаніе причитаться въ родню? затѣмъ, что я вижу «въ городѣ такую *бабушку*, которая всѣхъ писателей. журна-
«ловъ включаетъ въ свое племя и всегда на нихъ ворчитъ «сквозь зубы: изъ чего заключаю, что они не отъ нея произхо-
«дятъ, а она сама на нихъ клеплетъ. Но почто же называться «роднею? Или она уже выжила изъ ума? Сомнѣніе мое часъ
«отъ часу умножается: я разсматривалъ ея труды и послѣ «сличалъ съ ея потомствомъ, однако не находилъ ни малыхъ
«слѣдовъ, чтобъ она была способна къ такому дѣторожденію; «ибо послѣдніе ея внучата поразумнѣе бабушки; въ нихъ я не
«вижу такихъ противорѣчій, въ какихъ она запуталась. Ба- «бушка въ добрый часъ намѣряется исправлять пороки, а въ
«блажной даетъ имъ послабленіе. Она говоритъ, что подья- «чихъ искушаютъ и для того они берутъ взятки; а это такъ
«на правду походить, какъ то, что чортъ искушаетъ людей и «велитъ имъ дѣлать злое. Сія же старушка совѣтуетъ: чтобы
«не таскаться по приказнымъ крючкамъ, то должно мириться «и раздѣлываться добровольно; всякой сіе знаетъ, и конечно
«по пустому тягаться не сыщется охотниковъ. Вѣрно, еслибъ «всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно бы
«было и судовъ и приказовъ, и подьячнмъ бы не шло госу- «дарево жалованье. Но когда сіе необходимо, то для чего ей
«защищать подьячнхъ? Знать, что они-то истинное ея поко- «лѣніе». Въ заключеніе «Смѣсь» отказывается отъ *бабушки*,
которая будто и печатаетъ только то, чтѣ ей изъ милости пришлютъ (замѣчаніе несовсѣмъ правдивое), и осмѣиваетъ мнѣніе, въ силу котораго мѣткая сатира и критика называются бранью, а Горацій, Ювеналъ, Буало — ругателями и за- біяками: «имъ бы надлежало быть скромными въ рассужденіи

людских пороков!»¹⁾). Отрекаясь от родства со «Всеячиною», «Смѣсь» дѣлаетъ такое обращеніе къ другимъ современнымъ журналамъ :

«Пора вамъ, господа внучата и племянники извѣстной здѣсь «старушки, попросить вашу бабушку, чтобъ она въ листкахъ «своихъ получше наблюдала постоянство, старости ея лѣтъ «приличное; а то она нынѣ, какъ молодое пиво, бродить и на «одномъ основаніи мыслей остановить не можетъ. Прежде «божилась она, что только будетъ исправлять пороки, и ни- «какого автора не тронетъ; но послѣ, будучи въ томъ крѣпко «увѣрена, что мертвые на критики не отвѣчаютъ, такъ было «спривязалась къ «Телемахидѣ», что едва сію ворчливую ста- «рушку отъ «Телемахиды» отогналъ кто-то такой, ей письмомъ «своимъ доказавшій, что авторъ сей книги древнюю и всю «огромную Римскую исторію и много иныхъ обществу полез- «ныхъ книгъ перевелъ, и листками «Всеякой Всеячины» повреж- «денъ быть не можетъ. Послѣ завела она ссоры между своими «внучатами . . . Знаете ли, почему она увѣнчана толикими по- «хвалами, въ листкахъ ея видными? Я вамъ скажу. Во пер- «выхъ скажу, потому что многія похвалы сама себѣ спле- «таетъ; потомъ по причинѣ той, что разгласила, будто въ ея «собраніи многіе знатные господа находятся; итакъ нѣкото- «рые, можетъ статья, думая хваленіемъ ихъ сочиненій войти «въ ихъ милость, засыпали похвалами «Всеякую Всеячину»²⁾).

Эти обвиненія, сдѣланныя «Смѣсю», требуютъ нѣкоторыхъ поясненій. Одно обвиненіе заключалось въ томъ, что «Всеячина», давая слишкомъ тѣсныя границы сатирѣ, противорѣ- чить сама себѣ; прежде она обѣщала исправить дурные нравы (вотъ ея подлинныя слова: «мы не сомнѣваемся о скоромъ ис-

¹⁾ Стр. 85—87, 114—115.

²⁾ Стр. 81—82, 94—95.

правленіи нравовъ и ожидаемъ немедленно искорененія всѣхъ пороковъ, ибо уже начали твердить наизусть «Всякую Всячину») ¹⁾; а потомъ появилась на ея листахъ статья въ защиту подьячихъ и неправдивыхъ судей, которыхъ мѣтко и остроумно преслѣдовала современная сатира. «Нѣкоторые дурные шмели, говорятъ «Всячина», нажужжали мнѣ въ уши о мнимомъ правосудіи; но нигдѣ нѣтъ больше несправедливости, какъ въ насъ самихъ; перестанемъ быть злыми, перестанемъ тягаться — и не будетъ причинъ жаловаться на судей» ²⁾). Статья эта, впрочемъ, составляетъ исключеніе; ибо «Всячина» весьма обильна рѣзкими и злыми напаками на взяточничество и ябеду; вообще надо замѣтить, это былъ одинъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ своего времени, не смотря на несовсѣмъ выгодную для него полемику съ другими изданіями. По поводу спора о правосудіи, «Адская Почта» напечатала такую статью: «На сихъ дняхъ былъ я въ домѣ Г. . . , гдѣ случились два спорщика. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что многіе страдаютъ отъ несправосудія; а другой утверждалъ, что судьи виноваты быть не могутъ, поелику во всемъ свѣтѣ много такихъ, какъ здѣсь, судей, и что больше виноваты истцы, нежели судьи. . . . «Весьма маловажная будетъ такимъ судьямъ защита, ежели кто скажетъ, что во всемъ свѣтѣ несправедливые есть судьи, следовательно и наши извиненія достойны. Поэтому, ежели вездѣ есть воры, то и здѣсь ихъ ловить и наказывать не должно? Я на то согласенъ, что въ нынѣшнее счастливое время больше есть справедливыхъ судей, нежели несправедливыхъ; но не могу подуматъ, чтобъ отъ злаго состава чосто добрый не заражался. Следовательно должно отрѣзывать

¹⁾ Стр. 123.

²⁾ Стр. 276—280.

«что тѣла злой составъ, чтобъ сохранить добрый. Не могу также винить и истца обиженного, разореннаго и въ горести погибающаго, если онъ ищетъ справедливости и, не сыскавъ, на оную жалуется. Разсуждая по человѣчеству, думаю, что нельзя не застонать и за то мѣсто не хватиться рукою, гдѣ крѣпко болитъ... Прекрасно нѣкто написалъ, что будьте не-зловивы, судьи не будутъ виноваты. Рѣчь его весьма хороша, и видно, что произошла отъ добраго сердца; но дѣло невозможное: никто, думаю, не захочетъ быть обиженнымъ и разореннымъ единственно для того, чтобъ идти въ судъ. «Весьма бы было хорошо, если бы весь свѣтъ всегда пребы-валъ въ предѣлахъ добродѣтели; но когда родилось въ свѣтѣ зло, и много въ немъ есть обидчиковъ, то что осталось дѣ-лать обиженнымъ, когда нѣкоторые правоучители имъ не велятъ жалобами своими бездокоить судей и искать спра-ведливости?»¹⁾).

Другое обвиненіе состояло въ томъ, что «Всячина» напрасно позволила себѣ нападки на Тредьяковскаго, совѣтуя одной да-мѣ, страдающей безсонницею, прочитывать на ночь по шести страницъ «Телемахиды» и по нѣсколькx стиховъ изъ переве-денной Тредьяковскимъ «Аргениды». Въ защиту памяти тру-долюбиваго Тредьяковскаго написалъ кто-то письмо, которое тогда же было напечатано во «Всякой Всячинѣ»²⁾. Объ этихъ насмѣшкахъ надъ авторомъ «Телемахиды» «Трутенъ» говоритъ, что весь городъ хохоталъ дѣлую недѣлю насчетъ насмѣшника³⁾.

Третье обвиненіе, что «Всячина» сама себѣ печатаетъ по-хвалы⁴⁾; обвиненіе это было высказано и въ журналѣ Рубана. Печатать такія дѣйствительныя или мнимыя похвалы, выражае-

¹⁾ Стр. 278—281, въ «Курьерѣ» стр. 238—242.

²⁾ Стр. 15, 31, 109—110.

³⁾ Стр. 156 (1769 года).

⁴⁾ См. «Всячины» стр. 86 и другія.

мы въ письмахъ отъ неизвѣстныхъ лицъ къ редактору журнала, было весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. «Слѣдуя такому (нецеремонному) праву, вздумалось и мнѣ, говорить насмѣшливо «И то и сѣ», «похвалить себя подъ именемъ присланнаго ко мнѣ письма; «а оное письмо сдѣлаю я, и буду писать самъ къ себѣ, какъ «многіе то дѣлаютъ подъ разными видами: Господицъ сочинитель И того и сего! Сочиненіе ваше похваляется во всякомъ углу столичнаго города С. Петербурга; слава его носится по многимъ домамъ и по рынку. Всѣ незнающіе другихъ языковъ люди благодарятъ васъ отъ искреннаго сердца, включая нѣкоторыхъ полуученыхъ господъ, стиховъ и прозы писателей... Сердце мое наполняется сладостію, когда прекрасная Аврора показываетъ свой носъ на нашемъ горизонтѣ «и крылатое время, шествуя передъ нею, пишетъ надъ нами: «вторникъ *). Я открываю мои глаза и устремляю мои мысли «единственно только къ вашему сочиненію, называемому «И тѣмъ и сѣмъ». Въ началѣ люблюся цвѣтками, поставленными въ заглавіи; во вторыхъ — «И то и сѣ» проговариваю въ великомъ восхищеніи и повторяю оное разъ съ полдесятка; «потомъ увеселяюся линейкой, которая подъ названіемъ недѣльнымъ протянута весьма прямо; наконецъ теряю мѣе понятіе и удивляюся остротѣ вашего разума въ томъ, что въ «вашемъ сочиненіи всѣ строки поставлены такъ прямо, что «одна другой ни мало препятствія не учиняетъ. Ужасъ меня «тогда объемлетъ, когда увижу я двѣ или три типографскія «погрѣшности, безъ которыхъ ни одинъ листокъ вашъ не бываетъ. Далѣе собравшись со всѣмъ моимъ духомъ... начинаю читать сочиненіе ваше по порядку; но и тутъ по окончаніи каждой строчки отдыхаю. Великость вашего духа, важ-

*) «И то и сѣ» выходило по вторникамъ.

«ные замыслы, красота въ вѣдѣчїи, искусство въ изъясненїяхъ, стройное и порядочное расположенїе — накопятся въ «моихъ устахъ, заслоняютъ дорогу дыханїю. . . О великій человекъ и сочинитель «И того и сего»! ежели бы мы не имѣли счастья видѣть твой еженедѣльникъ, то бы и доннѣ сидѣли въ безднѣ заблужденїа, были бы грубыми невѣждами и «не умѣли бы отличить худое отъ хорошаго». . . и проч.¹⁾ Въ 1770 году «Парнасскїй Щепетильникъ», объявляя о своемъ изданїи, общалъ не хвалить себя «подъ видомъ присылаемыхъ къ редактору писемъ»²⁾).

Возражая «Всякой Всячинѣ» и нападая на ея слабыя стороны, «Смѣсъ» напечатала на своихъ страницахъ письмо, подписанное буквами Д. К., въ которомъ сказано, что въ сатирахъ «Трутня» нѣтъ ни злоправїа, ни невѣжества, какъ думаютъ нѣкоторые злонаправные невѣжи, а есть ѣдкая соль; что въ сатирахъ этихъ выводятся пороки безъ околичностей и осмѣиваются испорченные нравы. «Пускай, говоритъ Д. К., «злоразумники проповѣдуютъ, что вы (издатель «Трутня») объявили себя непрїателемъ всего человѣческаго рода, что злость «вашего сердца видна въ вашихъ сочиненїяхъ, что вы пишете «только наглую брань: это не умаляетъ достойную вамъ похвалу, но умножаетъ»³⁾. «Адская Почта» выразила свое сочувствїе направленїю «Трутня» слѣдующею статьею, въ которой подъ вымышленнымъ именемъ Эрнеста, вѣроятно, разумѣлася фамилія Новикова: «Вчера за ужиномъ разсуждали о Эрнестѣ; нѣкоторые его сочиненїа хвалили, а другїе утверждали, что «пишетъ весьма колко и что такїа ругательства, какими наполнены его сочиненїа, должны быть наказаны; напротивъ «того, онъ ничего ругательству подобнаго не печаталъ, а

¹⁾ Недѣля 46.

²⁾ Стр. 11.

³⁾ Стр. 154.

«только что писать правду и никому ласкательствовать не хочеть. Теперь же всё почти привыкли къ нѣжнымъ словамъ. «Лучше каждый снесетъ, если ему скажешь : *изволишь быть дуракъ*, нежели : *ты мало смыслишь* . . . Ругательства нигдѣ «не годятся ; но прямо описывать пороки и называть вора — во- «ромъ, разбойника — разбойникомъ, кажется, дѣло справедли- «вое *)». Кромѣ того, «Почта» возражала и на вышеупомянутое письмо Добросовѣтова, помѣщенное во «Всячинѣ». Возраженіе это высказано рѣзко и прямо. Сатира, по мнѣнію «Почты», всёмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ уполномочена на осмѣяніе пороковъ и порочныхъ ; вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности, и отвлеченная мораль ни къ чему не поведутъ ; ибо кому какое дѣло до подобныхъ *враненыхъ* правоученій ? Разсуждающіе по модѣ увѣряютъ, что сатира рождается отъ злобы писателей и достойна презрѣнія ; но пусть они посоветуются прежде съ древними классическими писателями. Еслибъ они когда-нибудь потрудились прочесть ихъ, то скоро бы предали мысль свою должному забвенію. Развѣ имъ не извѣстно, что правоучительная философія не разъ объявляла себя гонительницею пороковъ и порочныхъ ? Лукіанъ и Сенека многократно упрекали любимцевъ Нерона, однако сочиненія ихъ признаны за достойныя вѣчнаго уваженія. Пожалуй ты, г. Добросовѣтовъ, отважишься сказать, что Ювеналъ былъ злонаравенъ, а Гораций злобенъ, потому что писали сатиры ; а Цицерона, укоряющаго въ глаза Катилину, назовешь безпокойнымъ человекомъ. Сожалѣя о твоей слабости, я скажу, что ты разсуждаешь криво ; «когда всё славнѣйшіе и великіе люди дозволяютъ «и государямъ прямо говорить истину, то для чѣгожь оную не «представлять нашимъ сбражданамъ ? Вижу, Добросовѣтовъ, «что ты такимъ своимъ правоученіемъ всёмъ правиться хо-

*) Стр. 288 ; въ «Курьеръ» стр. 251—252.

«чешь; но повѣрь мнѣ, что придетъ время, въ которое будешь «подобенъ безобразному лицу, бѣлами и румянами не кстати «раскрашенному. Знай, что отъ всеенѣдающаго времени ничто «укрыться не можетъ. Оно когда-нибудь пожретъ и твою сла- «бую политику. Когда твои политическія бѣла и румяна «сойдутъ, тогда настоящее бытіе твоихъ мыслей виднымъ сдѣ- «лается»^{*)}). Противъ того мнѣнія «Всячины», что сатира мѣ- «шаетъ человѣколюбію, «Почта» возражала: «Знаю я, что мно- «гіе нынѣшняго вѣка люди все то почитаютъ либо за ложь, «или за брань, что не въ ихъ похвалу сказано; вѣдаю и то, «что родилось въ свѣтѣ такое человѣколюбіе, которое не «только о паденіи пороковъ обильныя проливаетъ слезы, но и «еще о участникахъ оныхъ черезчуръ соболѣзнуетъ. Слав- «ный у многихъ авторъ, написавшій: *должно ненавидѣть по- «роки, а сожалѣть о порочныхъ* — есть толь великій упо- «мянутаго человѣколюбія подерѣпитель, что множество людей и «довольно просвѣщенныхъ на свою обратилъ сторону. Но я «сказать отважусь, что сіе странное человѣколюбіе произвела «на свѣтѣ привычка видѣть часто людей порочныхъ, о нихъ «нерѣдко слышать, а иногда съ ними и обращаться; а воспи- «тало оное нѣжное (не хочу сказать: слабое) сложеніе че- «ловѣческихъ сердець, которыя и самой справедливости ужа- «саются... Если правосудіе, ненавидя убійство, строго нака- «зываетъ убійцу, то не знаю, какъ можно любителямъ право- «судія, ненавидя пороки, любить порочнаго, оными преиспол- «неннаго. Вся нашего сердца нѣжность и человѣколюбіе мо-

^{*)} Стр. 73—78; также стр. 375 и далѣе: «Что жъ нѣкоторые писцы «(писатели), точнаго понятія о вещахъ не имѣющіе, сатиру произ- «водятъ отъ злости сердца авторовой, (то) происходитъ отъ ихъ невѣ- «жества. Гораций, Ювеналъ, Персей и Буало у людей просвѣщенныхъ «всегда въ вѣчномъ пребудутъ почтеніи, а въ посыланіи тѣ, кои ихъ «не разумѣя критикуютъ».

«гуть ли на то согласиться, чтобъ порочному въ противныхъ «человѣчеству дѣлахъ чинить потачку, или еще и одобрение? «Не должно ли намъ стараться, чтобъ какии-либо образомъ «своротить его съ такого пути, которымъ онъ къ собствен- «ной своей спѣшить погибели? Если слѣпаго, ко рву прибли- «жающагося, отъ онаго человѣколюбіе отвести повелѣваетъ; «но какъ можетъ тожь самое человѣколюбіе запрещать: пороч- «наго отвращати отъ пороковъ?»¹⁾).

Въ этихъ спорахъ противники нерѣдко слишкомъ увлекались и забывали о свѣтскихъ приличіяхъ; критика ихъ была испол- пена страсти и личныхъ намековъ. Эминъ жаловался, что одинъ изъ современныхъ ему стихотворцевъ назвалъ его *ямы- чаромъ*; другой критикъ увѣрялъ, что Эминъ, спознавшись съ бѣсами, труды свои больше употреблялъ на услуги *аду*, нежели обществу²⁾).

Въ спорѣ за значеніе сатиры, журналъ «И то и сѣ» раздѣ- лялъ мнѣнія «Всѣчины», хотя и съ этою послѣднею не жилъ въ согласіи. «И то и сѣ» держало себя враждебно относительно почти всѣхъ современныхъ ему журналовъ, не оставивъ въ покоѣ даже «Поденьшину». На листахъ, выпущенныхъ въ 24-ю и 25-ю недѣли, издатель журнала «И то и сѣ» жалуется, зачѣмъ появилось столько еженедѣльныхъ изданій, въ кото- рыхъ будто бы повторяется одно и то-же; по его мнѣнію, «Трудолюбивая Пчела» Сумарокова и изданія академическія были ведены несравненно лучше. «Невозможно, прибавляетъ онъ, чтобъ публика имѣла одинаковое вниманіе ко всѣмъ жур- налаамъ; ибо и родители, страстно привязанные къ единствен- ному ребенку, охлаждаютъ къ дѣтямъ, когда ихъ родится нѣ- сколько; излишество во всемъ худо!» Эта странная жалоба

¹⁾ Стр. 329—336.

²⁾ Стр. 324—325, 334, 371.

заслужила насмѣшку, съ которой выступилъ «Трутень»: «Въ «нѣкоторомъ журналѣ кто-то сердится, что много журналовъ «печатаются. Видно, что соки ума его уже высохли . . . Гнѣ- «ваться онъ имѣеть немалую причину: (другіе) журналы сдѣ- «дали то, что его листочковъ теперь почти никто не покупа- «еть, а ему на новый разживъ деньги надобны. Въ упомяну- «томъ журналѣ еще при досугѣ нѣкто бредитъ слѣдующее: «отецъ многихъ имѣеть дѣтей, однако не всѣхъ равно любить, «и что подобнымъ образомъ и журналы публикою равно люби- «мы быть не могутъ. Онъ отчасти сказалъ правду, узнавъ «оную изъ опытовъ на свой счетъ; однако изъ того заклю- «чить не надлежитъ, что когда его и матери его («Всячины») «журналы явились въ свѣтъ, то другимъ оныхъ издавать не «надлежало. Я увѣренъ, что онъ самъ своему правоученію не «послѣдуетъ, и если будетъ имѣть отъ жены своей одного «или двухъ любезныхъ сынковъ, то вѣрно тѣмъ не будетъ до- «воленъ, но станетъ стараться и о сочиненіи другихъ *)». За- «дѣтое за-живо «И то и сѣ» выступило разомъ противъ трехъ журналовъ. Здѣсь въ формѣ письма отъ Д. П. къ издателю напечатано было такое разсужденіе: «Нѣсколько дней разсуж- «далъ я, у котораго бы изъ сочинителей испросить позволеніе «къ перепискѣ? Древность почитать всѣмъ намъ свойственно, «почему «Всякая Всячина», какъ праматерь, овладѣла было «моимъ желаніемъ: но забылъ, что старость имѣеть свои сла- «бости, и что съ уменьшеніемъ тѣлесныхъ силъ ослабѣвають «вмѣстѣ и душевныя дарованія. Приведа сіе на мысль, раз- «судилъ я прежде прочесть послѣдній листокъ ея сочиненій. «Но какъ я удивился, увидя ее начинающею учиться *лагушачья* «языка». Это намекъ на одну сатирическую статью «Всячины», въ которой сочинитель передаетъ будто бы подслушанный имъ

*) 1769 года, стр. 95—96.

разговоръ лягушекъ¹⁾). Далѣе читаемъ : «Съ крайнимъ сожалѣніемъ сердца познавъ сіе ея состояніе, Боже мой! сказалъ «я тогда съ внутреннимъ соболѣзнованіемъ : вотъ каковъ человѣкъ на свѣтѣ! Черезъ нѣсколько лѣтъ и я «Всякой Всячинѣ» подобенъ буду, потерявши то, что украшаетъ человѣчество . . . Потомъ попало мнѣ въ руки сочиненіе «Трутня». «Сей человѣкъ показался мнѣ, что онъ объявилъ себя непріателемъ всего рода человѣческаго. Тутъ, кромѣ язвительныхъ браней и ругательства, я не нашелъ ничего добраго . . . «тутъ грубость и злонавіе въ наивысочайшемъ блистали совершенствѣ; его вѣдомости соплетены были изъ ругательства и поношенія ближнимъ, и еслибъ ему вѣрить, то бы надлежало возимѣть совершенное ото всѣхъ людей отвращеніе ; «но я подумалъ, что и онъ человѣкъ же, и что, можетъ быть, «пороки, которыми язвить другихъ, ему еще болѣе всѣхъ свойственны» и т. д. . . «Адская Почта», хотя наименованіемъ «своимъ меня и не устрашаетъ ; но какъ она весьма нова и «имѣетъ еще нѣкоторыя невразумительныя намѣренія, почему «о ней и никакого заключенія сдѣлать невозможно ; притомъ «же я съ самаго младенчества къ духамъ адскимъ толикое получилъ омерзеніе, что не токмо переписки съ ними, но и полученіе писемъ чрезъ курьера сего рода мнѣ не нравится. Наконецъ, читая изданіе ваше («И то и се»), удовольствовалъ «мое желаніе. Оно показалось мнѣ невиннымъ упражненіемъ, «приносящимъ иногда пользу, иногда увеселеніе ; а не примѣтилъ въ немъ ни грубости, ни невѣжества, ни также язвительной критики²⁾». Такимъ образомъ Чулковъ, который такъ ловко осмѣивалъ журнальное самохвальство, спокойно допускалъ его въ своемъ собственномъ изданіи и притомъ рядомъ съ до-

¹⁾ Стр. 203—207.

²⁾ Недѣля 28. «И то и се» нападаетъ на «Трутень» еще на листѣ 52-й недѣли.

вольно грубыми и несправедливыми обвиненіями другихъ журналистовъ. Вслѣдъ за приведеннымъ нами письмомъ, «И то и сѣ» напечатало стихотвореніе, направленное на Новикова и Эмина, какъ сочинителя «Россійской исторіи» и нѣсколькихъ романовъ :

Кто праотцевъ своихъ сатирами поноситъ
И похвалы себѣ отъ всѣхъ за это проситъ —

Дуракъ.

Кто взялся написать исторію безъ смысла
И ставитъ тутъ Неву, гдѣ протекаетъ Висла —

Дуракъ.

Кто въ запуски писать принимается съ Вольтеромъ
И думаетъ тому въ письмѣ онъ быть примѣромъ —

Дуракъ.

Кто думаетъ себя хвалою превознести
За то, что онъ увиѣлъ романа съ три слеста —

Дуракъ.

Кто всѣхъ безъ выбору сограждановъ ругаетъ
И только одного себя лишь почитаетъ —

Дуракъ...

и такъ далѣе. Надъ исторіею, сочиненною Эминымъ, «И то и сѣ» посмѣялось еще слѣдующею выходкою: «На нѣсколько «томовъ нѣкоторой исторіи (объявлено здѣсь) потребно толку «пудовъ до пяти и болѣе — для того, что исторія сія невразумительна и непонятна. Желающіе поставить оный толкъ «водою или сухимъ путемъ, только на своихъ подводахъ и «своимъ коштомъ, могутъ явиться во всякомъ мѣстѣ, а за «поставленной товаръ получать со многихъ по низкому по-«клону»*)»).

Въ сатирической поэмѣ: «Плачевное паденіе стихотворцевъ», сочиненной Чулковымъ, слѣдующіе стихи, кажется, задѣваютъ Эмина, намекая на его путешествія и происшествіе, случившееся съ нимъ въ Турціи :

*) Недѣля 29.

Еще и прозою прелестною сказалъ,
 Что въ Римѣ часто былъ и папу тамъ видалъ,
 Въ Ерусалимѣ жилъ, Египеть точно знаетъ,
 О комъ завсегда въ простыхъ людяхъ болтаеть;
 Пекинъ ему знакомъ, извѣстенъ Ионаганъ,
 Видалъ онъ городъ Крымъ, видалъ и Астраханъ;
 Въ Царьградѣ продавалъ подовые па рынокъ,
 Которы пашивалъ въ лукошкѣ онъ и въ кринкѣ,
 Турецкииъ языкомъ «горячіе» кричалъ,
 И каждой онъ пирогъ по левку продавалъ.
 Паши и визири подовые ѣдали
 И тутъ-то всѣ его придворные узнали;
 Имамъ по утрамъ горячіе носилъ,
У него и алкоранъ на память заучилъ.
 Константинополь весь въ то время ужаснулся,
 Какъ онъ, съ лукошкомъ шедъ, на камень спотыкнулся,
 Разсмазалъ пироги, разбилъ тогда горшокъ,
 Понеже въ синю онъ почувствовалъ толчокъ,
 А какъ оверѣлся въ задъ, совѣстника увидѣлъ,
 Котораго предъ симъ недавно онъ обидѣлъ;
 Супружницу его въ любовь къ себѣ склонилъ
 И пару пироговъ за то ей подарилъ.
 Онъ въ судъ его водилъ, а тамо присудили,
 Чтобъ ноги по землѣ его ужъ не ходили,
 Хотѣли сжечь огнемъ, но дервиши ягня
 Пришедши вырвали изъ самаго огня
 И заперли въ чуланъ, въ которомъ онъ снасася,
 И тако живъ и цѣлъ на свѣтъ семъ остался...

Въ стихахъ Чулкова «На качели» находимъ намѣкъ на переведенный Эминимъ романъ, подъ заглавіемъ: «Любовный вертоградъ или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены. Спб. 1763 г.» Авторъ на ряду съ Бовою-королевичемъ, Усынею-богатыремъ и другими подобными произведеніями ставить *и сплетенные виршами любовны вертограды,*

Которы строены безъ вѣдома Паллады.

«Трутенъ» не оставилъ безъ отвѣта ни прозы, ни стиховъ Чулкова. Эминъ, скрывшій свое имя подъ буквами Б. К. (бѣсъ

кривой?), помѣстил въ этомъ журналѣ такое письмо къ издателью :

«Пламя войны и между сочинителями возгорѣлось. Вооружились колкими своими перьями гг. писатели; вашему «Трутню» немалое было бомбардированіе; «Всякая Всячина» «добрый вытерпѣла залпъ; «Адскую Почту» атаковала какая-то неизвѣстная партія. Что касается до *моихъ бльсовъ*, то я «на оныхъ наступающаго увѣрить могу, что ему ихъ бояться «никакой причины нѣтъ, когда онъ человекъ честный, ибо «добродѣтельнаго человека *мои бльсы* добродѣтели лишить не «могутъ. Я бы сему ихъ непріятелю совѣтывалъ истребить «то предубѣжденіе, которое, какъ онъ самъ пишетъ, при немъ «обитаешь, и когда онъ о дѣлахъ, по свойству ихъ, а не по названію разсуждать захочетъ, то можетъ статья имя моихъ «бльсовъ не столько будетъ ему противно*). — Что касается «до пасквиля, который былъ присланъ нѣкоторымъ писателемъ для напечатанія, который ему назадъ отосланъ и который носится по многимъ рукамъ; то я оный, если когда «нибудъ явится въ свѣтъ, съ прочими сего рода сочиненіями, «предаю на судъ публики, которую я считаю за судью справедливаго. . . Я не только имена сихъ извѣстныхъ имъ моихъ «клеветниковъ здѣсь умалчиваю, но и ниже какими-либо «личностями публикѣ ихъ лица означивать буду; ибо я намѣренъ только доказать мою справедливость, а не бранить лично другихъ». Къ этимъ замѣчаніямъ Эмина Новиковъ присоединилъ свои: «Бомбардированіе, сдѣланное моему «Трутню», «мнѣ не страшно, да уповаю, что и «Всякой Всячинѣ» сдѣланный залпъ никакого вреда не причинить; ибо въ сію про-

*) Еще въ началѣ своего изданія Эминъ писалъ: «Нинѣ обмолвенно женщины, ежели кого хитраго или передъ ними вертѣющаго захотятъ понѣжить, говорятъ: *Какой ты бльсъ!* и такъ имя сіе не будетъ имъ ни ужасомъ, ни радостію» («Адск. Почта», стр. 3).

«тивъ насъ войну ополчилося невѣжество. Въ письмѣ господина Д. П. написано, что «Всякая Всячина» выжила изъ ума. Хотя бы это было и подлинно, то я бы и тогда сказалъ, что гораздо славнѣе дожившему съ пользою и съ разсудкомъ до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться безъ ума. Но сей глубокой древности во «Всякой Всячинѣ» никто не примѣтилъ. Что-жь касается до моего «Трутня», въ которомъ (по мнѣнію господина Д. П.) ничего нѣтъ, кромѣ язвительныхъ браней, что въ ономъ въ наивысочайшей степени блистаетъ невѣжество; на то скажу: пусть «И то и сѣ» похваляется господиномъ Д. П. и подобными ему; меня это не прельщаетъ, потому что желаніе мое стремится заслужить вниманіе безпристрастныхъ и разумныхъ читателей»¹⁾). Кромѣ того, въ отвѣтъ на бранчивые стихи, напечатанные Чулковымъ, Новиковъ помѣтилъ въ «Трутнѣ» стихотвореніе *Задача*:

Читатели! прошу рѣшить сію задачу:

Кто дара не имѣвъ, а пишетъ на удачу —

Умень или дуракъ?

Кто, отъ роду не бывъ со музами знакомъ,

Дерзаетъ воспѣвать качели съ семикомъ²⁾ —

Умень или дуракъ?

Кто въ прозѣ и въ стихахъ наставилъ столько словъ,

Которыхъ не сvezутъ и тысяча ословъ —

Умень или дуракъ?

Кто хвалитъ самъ себя, а прочихъ всѣхъ ругаетъ

И въ семъ одномъ свое искусство полагаетъ —

Умень или дуракъ?.. и проч.³⁾.

Такова была полемика въ 1769 году. Никакъ нельзя сказать, чтобъ она отличалась мягкостью и соблюденіемъ приличій:

¹⁾ 1769 года, стр. 110—111.

²⁾ Намѣкъ на стихотворенія Чулкова о гуляньѣ подъ качелями во время семика, напечатанныя въ журналѣ: «И то и сѣ».

³⁾ 1769 г., стр. 111—112.

Если взгляды «Всячины», а еще болѣе взгляды журнала «И то и сѣ», далеко не былъ безукоризненъ, то и Правдолюбовъ, ратовавшій въ «Трутенѣ» за сатиру, перешелъ въ крайность; въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ слишкомъ расширяетъ значеніе сатиры и вмѣсто изображенія общихъ типическихъ недостатковъ разныхъ классовъ общества требовалъ, чтобы въ сатирическихъ изображеніяхъ были допускаемы и намѣки на отдѣльныя личности. Онъ утверждалъ, что должно «критиковать» порочнаго *на лицо*, а не вообще порока; надобно только, чтобы сатира не совсѣмъ была открыта, потому что въ такомъ случаѣ она, вмѣсто раскаянія, произведетъ въ порочномъ злобу. Но «критика на лицо — безъ имени, удаленная сколько возможно и потребно, производитъ въ порочномъ раскаяніе»^{*)}. Такой взглядъ, конечно, ошибоченъ: литература не должна допускать ни личностей, ни брани.

Толки ли, указанные нами, или недостатокъ матеріаловъ были тому причиною, но «Трутенъ» 1770 года былъ менѣе откровененъ и менѣе занимателенъ, нежели «Трутенъ» предъидущаго года. То же случилось и со «Всячиною»: «Барышекъ» ея гораздо-слабѣе прежде изданныхъ листовъ. Публика не могла не замѣтить этой перемѣны; издатель «Трутеня» получилъ по этому случаю нѣсколько писемъ, которыя и напечатаны имъ въ собственномъ же изданіи. Изъ этихъ писемъ любопытны слѣдующія два:

«Господинъ «Трутенъ»! кой чортъ! что тебѣ сдѣлалось? «ты совсѣмъ сталъ не тотъ; развѣ тебѣ наскучило, что мы «тебя хвалили, и захотѣлось послушать, какъ станемъ бранить? . . . Пожалуй, скажи, для какой причины перемѣнилъ «ты прошлагодній свой планъ, чтобы издавать свои сатирическія сочиненія? Ежели для того, какъ ты самъ жаловался,

^{*)} Тамъ-же, стр. 193—196.

«что тебя бранили; такъ знай, что ты превеликую сдѣлалъ ошибку. Послушай, нынѣ тебя не бранятъ, но говорятъ, что нынѣшній «Трутенъ» прошлогоднему не годится и въ слуги, и что ты нынѣ также бредишь, какъ и другіе. Надобно знать, что хулы есть разныя: одни происходятъ отъ зависти, а другія отъ истины; итакъ я совѣтую лучше терпѣть первыя, нежели послѣднія... Послушай, г. новый «Трутенъ», преобразись въ стараго... ты увидишь, что и тебѣ отъ того больше будетъ пользы; а то вѣтъ, я чаю, ты бѣдненькой останешься въ накладѣ. Мнѣ сказывалъ твой книгопродавецъ, что нынѣшняго года листовъ не покупаютъ и въ десятую долю противъ прежняго». Другое письмо начинается такъ: «Мнѣ кажется, что тебя избаловали похвалами, почему ты и вздумалъ, что всякой вздоръ, да лишь бы напечатанъ былъ подъ заглавіемъ «Трутеня», то примется читателями, равно какъ и хорошія сочиненія, въ немъ напечатанныя. Если ты такъ думаешь, такъ повѣрь, что ты много ошибаешься...»). Новиковъ жаловался, что изданіемъ его недовольны, хотя онъ и старается избѣгать того, въ чемъ прошлаго года видѣли брань, и предполагалъ, что «Трутенъ» 1769 года имѣлъ успѣхъ болѣе по своей новости. Но несправедливость такого заключенія засвидѣтельствована успѣхомъ послѣдующихъ сатирическихъ изданій. Истина, высказанная въ колкихъ и мѣткихъ изображеніяхъ, хотя и можетъ раздражить нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, но цѣлою публикою всегда встрѣчается съ благороднымъ сочувствіемъ; а картины, далекія отъ дѣйствительности, не могутъ заинтересовать большинства, которое болѣе или менѣе всегда надѣлено вѣрнымъ тактомъ различать правду ото лжи.

Въ журналѣ «И то и сѣ» встрѣчаемъ еще полемику, напра-

*) 1770 г., стр. 102, 113—115, 118.

вленную противъ «Поденьшины»; которая въ первомъ своемъ выпускѣ имѣла неосторожность затронуть это изданіе. Разъ, говоритъ издатель «Поденьшины», я встрѣтился съ мальчикомъ, который, кривляясь и махая руками, поднесъ ко мнѣ печатные листы: «дядюшка! не хочешь ли купить листочки?» Я посмотрѣлъ и увидѣлъ въ началѣ крупными буквами написано: «И то и сѣ». «Почемъ они продаются?» — «По алтыну». — «Мнѣ надо на полушку, отрѣжь мнѣ». — Это не гороховой кисель, этого на полушку не рѣжутъ». Послѣ за однѣ латинскія строчки давалъ я ему денежку — не взялъ. Случилось мнѣ спросить нѣкогда у ученаго человѣка, для чего бы ставились въ русскихъ книгахъ латинскіе рѣчи въ заглавіяхъ¹⁾ . . . Причина тому та, отвѣчалъ онъ мнѣ, что если много сочинителя вся книга ничего не будетъ значить, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы тѣ стишки, которые обыкновенно берутся изъ хорошихъ авторовъ, со смысломъ остаться могли²⁾. Надо, однако, замѣтить, что полемическія статьи журнала «И то и сѣ» лишены остроумія и касаются только наружнаго вида «Поденьшины», которая сначала выходила на листкахъ нѣсколько бѣльшаго формата, чѣмъ послѣ. Приведемъ выписку, какъ образчикъ тогдашней критики. Нѣкто изъ моихъ «пріятелей (говоритъ «И то и сѣ») принесъ мнѣ нѣсколько «бумажекъ, на которыхъ напечатана «Поденьшина». . . Со-«чинялъ ее *малляръ*³⁾, такъ я разсудилъ за благо переплести «ее въ разноцвѣтную мраморную кожу. Пріятель мой и переплетчикъ принуждены были цѣлые сутки ни ѣсть, ни спать;

¹⁾ «И то и сѣ» имѣло эпиграфъ: «Concordia res parvae crescunt, discordia magna dilabuntur». (Отъ согласія малыя вещи возрастаютъ, а отъ несогласія великія разрушаются.)

²⁾ Стр. 17—18.

³⁾ Издатель «Поденьшины» выдаетъ себя на первыхъ листахъ своего журнала за живописца.

«я приказалъ запереть ворота и не пускать никого, чтобъ не помѣшали намъ приладить страницу къ страницѣ, потому что «первые нумера «Поденьшины» были напечатаны на осьмушкахъ, а остальные на «лоскуточкахъ»; сіи-то лоскуточки помѣшали нашъ разумъ . . . Переплетчикъ прикладывалъ тѣ лоскуточки къ первымъ осьмушкамъ и къ верху, и къ низу, и въ головы, и въ ноги, и сзади, и спереди, и по бокамъ, и наконецъ къ каждому углу; однако никуда не приставали. Отчего помѣшался мозгъ во всей его столицѣ, ошибъ его обморокъ, и былъ я принужденъ пустить ему два раза кровь». Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ однажды критикъ ошибкою принялъ «Поденьшину» за поминальникъ. «Кстатиъ это, прибавляетъ онъ, вмѣсто поминанья посылать въ церковь такую *пустошь* и *вораки*?» Признаваясь въ желаніи *нѣсколько разсердить* издателя «Поденьшины», «И то и сѣ» не задумалось прибавить, что только «критика со вкусомъ» приноситъ пользу.

«Поденьшина» не оставалась безответною противъ *хуленій* Чулкова: «Не прискорбно-бъ мнѣ было (говорить она), еслибъ хуленія эти были написаны въ другомъ изданіи; но господиъ «И то и сѣ» — нѣтъ господиномъ нельзя назвать; го-«спожа — и госпожею нельзя, хотя нѣсколько и ближе. «И «то и сѣ» рода средняго, а къ вещамъ средняго рода господства въ русскомъ языкѣ не придають; ибо не можно сказать: «ни *юсподинъ* *дерево*, ни *юспожа* *безуміе*, а можно сказать: «*юсподинъ* *дуракъ*», и то не всегда. Итакъ скажу я просто: «И «то и сѣ», какъ *нѣчто сумасшедшее*, не стоило бы и отвѣта, «да не отвѣчать нельзя: назовутъ трусомъ». Отвѣтъ свой «Поденьшина» скрѣпляетъ словами, что ея противнику *законъ написанъ* *). Чулковъ съ своей стороны просилъ «Поденьшину»

*) Стр. 71—73.

уняться и не отягощать читателей несносною вздорливостію, а дать ему время продолжать начатое предпріятіе ¹⁾).

Кромѣ «Барышка Всячины» и «Трутня» въ 1770 году появились два новые журнала : «Парнасской Щепетильникъ» (съ мая) и «Пустомеля» (съ іюня). «Щепетильникъ» заступилъ мѣсто періодическаго изданія : «И то и сѣ». Чулковъ объявилъ, что въ новомъ своемъ журналѣ онъ постарается избѣгать всего, что можетъ быть непріятно для нѣжнаго слуха и способно показаться кому-либо подозрительнымъ ; что перо его будетъ справедливо, ибо оно ни льститъ, ни потворствовать не умѣетъ ²⁾). Онъ напечаталъ здѣсь нѣсколько статей, касающихся отечественной исторіи ; но главная цѣль, при изданіи въ свѣтъ «Парнасскаго Щепетильника», была осмѣять непризванныхъ и бездарныхъ стихотворцевъ, которыхъ расплодилось тогда слишкомъ-много : всѣ, умѣющіе писать, бросились за сочиненіе одъ торжественныхъ и громкихъ. На плохихъ стихотворцевъ нападали Сумароковъ, Нахимовъ, Петровъ ; журналы 1769 года также не пощадили ихъ. «Всячина» смѣется, что люди, познакомившіеся съ риторикою и піитикою, дѣлаются заносчивыми : они и за могиллой готовы бравиться и читать всякому что-то такое, отъ чего непременно зазѣваешься ³⁾). «Адская Почта» увѣряла, что Парнасъ осѣлъ глубоко въ землю и сдѣлался доступенъ всякому ; что Мильціадъ и Аннибалъ не были столько смѣлы, какъ наши стихотворцы, которые льютъ чернила потоками на бѣлое поле бумагъ и называютъ сами себя питомцами Минервы : такова то ихъ licentia роётиса ⁴⁾). «Трутень» утверждалъ : «Здѣшній воздухъ весьма противенъ англійскому. Тамъ умные люди съ

¹⁾ Недѣли 9, 10 и 11-ая.

²⁾ Стр. 10—11.

³⁾ Стр. 177—178.

⁴⁾ Стр. 174, 346—347.

«ума сходять, а здѣсь разсудка неимѣющіе разумными предста-
«вляются. Кто можетъ на рифмахъ сказать : *байка, лайка, фу-*
«*файка*, тотъ ужь печатаетъ оды, трагедіи, элегіи и проч.,
«которые . . . полезно читать развѣ тому, кто принималъ рвот-
«ное, и оно не подѣйствовало». По словамъ этого журнала,
стихотаратели въ тогдашнее время расплодился, какъ кра-
пива въ пустомъ саду, почему не однихъ подъячихъ, но и
стихотарателей надо бы называть *кравивными стьменемъ*. Та-
кое размноженіе стихотворцевъ заставило наконецъ Пегаса
подать Аполлону челобитную объ отставкѣ¹⁾). Тоже свидѣ-
тельствуетъ и журналъ «И то и сѣ». Болѣзнь стихоманіи,
по его мнѣнію, весьма прилипчива и до того распространилась
въ Петербургѣ, что всякій, кто только умѣетъ держать въ
рукахъ перо, уже спѣшитъ отдавать свое маранье въ печать.
Оттого на Парнасѣ сдѣлалась великая тѣснота, и скоро дой-
детъ до того, что рифмачи начнутъ спихивать другъ друга
съ этой крутой горы : тогда-то будетъ плачь неутѣшный и
драка неописанная!²⁾).

Еще сильнѣе нападалъ на плохихъ стихотворцевъ Чулковъ
въ «Парнасскомъ Щепетильникѣ». Вотъ что онъ говоритъ о
цѣли этого изданія : «Нѣкоторымъ сочинителямъ не знаніе и
«науки, но одно слѣпое счастье доставило титло людей разум-
«ныхъ и ученыхъ. Всякое ихъ сочиненіе и выдумка похвалены
«бывали всѣмъ городомъ публично, а мы, убогая братія, со
«страхомъ и трепетомъ взирали на дѣла сихъ *преузорочныхъ* и
«высокосмысленныхъ особъ, и не токмо, что всенародно не

¹⁾ 1769 года, стр. 95, 137, 139, 151. 1770 года, стр. 91.

²⁾ Недѣли 18, 29, 41, 49. Насмѣхался надъ стихотворцами, «И то
и сѣ» говоритъ, что они такъ опредѣляютъ *любовь* : «любовь есть пче-
ла, которая за маленькую крошку взятаго у нея меду весьма больно
жалитъ ; любовь есть тайно-жгучій огонь, пріятная язва, сладостный
ядъ и весьма вкусная горечь ; любовь есть милая болѣзнь, забавная
шутка и веселая смерть».

«осмѣливались находить въ нихъ погрѣшности, но ужасались «я наединѣ имѣть о нихъ толь злое помышленіе. Отъ сея робости и раболѣпствія нашего набилось ихъ столько на Парнасъ, что по послѣдней ревизіи оказалось болѣе 100,000 «человѣкъ. Толкое множество жадныхъ писателей инокренскій и кастальскій источники и рѣка Пермессъ не могли «удовольствовать врачевными своими водами, и начали ужь «взысывать : чего ради покровитель и богъ наукъ великій Аполлонъ, предупреждая толикое зло, по общему съ музами со- «гласію, опредѣлилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ послать въ дальные «города въ рангахъ переводчиковъ и сочинителей рацей и дру- «гихъ духовныхъ кантовъ, которые весьма часто припѣваются «въ подьяческихъ бесѣдахъ ; нѣкоторыхъ для сочиненія элегій «и любовныхъ пѣсенъ ; другихъ по селамъ дьячками, третьихъ «по деревнямъ старостами и выборными, и такъ далѣе ; а остав- «шеяся число на Парнасъ, сдѣлавъ (меня) аукціонистомъ и «нарекши *щептильникомъ*¹⁾, а негодныхъ стихотворцевъ на- «меновавъ *парнасскою ветошью*, приказалъ распродать здѣсь «съ молотка, и собранную за нихъ сумму велѣно мнѣ упо- «требить на пропитаніе такихъ людей, которые, весьма мно- «гому учаяся, ничего не разумѣютъ». Приступая къ аукціонной продажѣ, «Щептильникъ» объявилъ, что стихотворцы эти, кромѣ производства стиховъ, ни къ чему другому неспособ- ны²⁾, и потомъ сталъ выкрикивать :

«ПРОДАЕТСЯ СТИХОТВОРЕЦЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ:
«сей человѣкъ живетъ въ такомъ домѣ, который наполненъ
«безграмотными профессорами и тунеядцами, а изъ принужде-
«нія носить и онъ на себѣ всё сіи достоинства . . . Сочиняетъ
«стихи изъ однихъ односложныхъ словъ, а многосложныя не-

¹⁾ Щептильникъ—продавецъ мелкихъ товаровъ.

²⁾ Стр. 8.

«навидитъ, и отъ того-то стихи его ни остры, ни замыслова-
сты, и таковы точно, какъ итальянскія ноты, проигрываемыя
«на російскомъ гудкѣ. Впрочемъ не соглашается онъ вѣрить,
«что труды его негодны; удобнѣе принудить его проплясать
«на площади, нежели что-нибудь въ стихахъ его поправить,
«и кто ему о томъ выговорить, того почитаетъ онъ такимъ
«злодѣемъ, съ которымъ не должно и на дорогѣ встрѣчаться.
«Сколько онъ малосмысленъ, столько, или еще больше, же-
«лаетъ казаться людямъ ученымъ... Часто шатается по ули-
«цамъ единственно только для того, что поправляетъ грамма-
«тическія погрѣшности въ мужицкихъ разговорахъ... За всѣ
«его книги и за него самого возьму я рубль восемь гривенъ».

«ПРОДАЕТСЯ СТИХОТВОРЕЦЪ ЛИРИЧЕСКІЙ: онъ;
«какъ древній законникъ, ожидаетъ отъ народа въ честь себѣ
«статуи, не изъ дикаго камня, но изъ найденнаго здѣсь на озе-
«рахъ мрамора, и желаетъ, чтобъ сохраняли стихи его въ на-
«срочно сдѣланныхъ къ тому золотыхъ сосудахъ. Съ тѣхъ са-
«мыхъ поръ, какъ узналъ онъ премудрость и могъ очинить
«перо, страдаетъ парнасскою горячкою и, будучи въ великомъ
«жару, такъ высоко бредитъ, что нерѣдко карабкается на об-
«лака... Судьба одѣваетъ его теперь въ новую одежду, а ку-
«печеская рука насыпаетъ полные карманы денегъ. Многимъ
«покажется удивительно, что стихотворецъ имѣетъ участіе
«въ богатствѣ, но надобно каждому разумѣть, что не стихи
«его питаютъ, а обогащаютъ крестьяне, которыхъ онъ одного за
«другимъ, хотя и безъ очереди, однако каждый день продаетъ.
«Сего стихотворца, господа, извольте оцѣнить сами, или возъ-
«мите его безъ денегъ; я васъ охотно онымъ подарю*).

Затѣмъ выставлены были «Щепетильникомъ» и другіе про-
дажные стихотворцы; изъ нихъ вотъ :

*) 12—17.

Сочинитель нѣжныхъ, любовныхъ стиховъ; «онъ влюбленъ въ одну дѣвушку. Въ началѣ его страсти приступалъ онъ къ сердцу ея стихами и сочинялъ посредственно-хорошія пѣсни, клалъ ихъ на ноты и пропѣвалъ передъ нею; но, по нечастію его, былъ хуже музыкантъ, нежели стихотворецъ, «и такъ пѣніемъ своими отнималъ у нихъ и послѣднюю красоту; слѣдовательно самъ родомъ стихотворства не могъ онъ поправиться такой красавицѣ, которая ни одной минуты не «хочетъ потратить на бесполезные вздохи; да и на что оно, «когда и безъ вздоховъ вершится нынѣ любовное дѣло и всякая пріятность получается въ непродолжительномъ времени». Любовные же стихи годятся развѣ на подвивку волосъ или на подстилку подъ пироги¹⁾. Очень вѣроятно, что въ этихъ портретахъ были намеки на современныхъ писателей, но разгадать ихъ едва ли возможно въ настоящее время.

Все эти бездарные стихотворцы, по словамъ «Щенетяльника» народъ ужасно гордый и самолюбивый; рассуждая печатно о томъ, въ чемъ *не смыслятъ ни уха, ни рыла*, они требуютъ, чтобъ публика была ко всему безчувственна, кромѣ ихъ рифмосплетеній. Тотъ-же самый стихотворецъ, который терпѣливо снесетъ названіе нерахи и не совѣтъ честнаго человѣка, взбѣсится, если (чего Боже сохрани!) кто-нибудь назоветъ его безмозглымъ рифмачомъ²⁾. Точно также опасно при одномъ стихотворцѣ похвалить другаго: тутъ подымется буря злословія, достанется и роду и племени, и прозвнесется строгій судъ, если окажется хоть одна ошибка въ падежѣ или строчномъ преиннаніи³⁾. Не терпя чужихъ сочиненій, парнасскіе витязи любили восхищаться своими собственными, и

¹⁾ Стр. 26—27, 106.

²⁾ Стр. 99, 107.

³⁾ «Вечера», ч. I, стр. 99—100.

готовы были во всякое время и всякому читать их «со всеми украшеніями и возвышеніями голоса»^{*)}.

Сатира на расплодившихся непризванныхъ «шитовъ», «не-
безполезная по своему вліянію на литературу и вкусъ публи-
ки, нашла сочувствіе въ господинѣ И. Л., который писалъ
къ Чулкову: «Хвалю васъ, господинъ сочинитель! что пред-
«пріяли вы исправлять произходящія отъ самолюбія пороки
«стихоплетущихъ рифмачей, приложившихся по писанію ско-
«тамъ несмысленнымъ. Я напередъ предъзналъ, что это
«сочиненіе («Щепетильникъ») обѣчетъ крылья многимъ и у
«насъ (близь Днѣпра) проявившимся недавно стихобродамъ,
«которые, скажу по просту съ вами, *не смысла ни уха, ни рыла*
«и намаравши нѣсколько стиховъ, стремятся вскарбаться
«на Парнасъ и самовластно обладать онымъ, называя всѣ пра-
«вила совершеннаго стихотворства ученымъ вздоромъ, пусто-
«стою и враками, причиняющими излишнее лишъ и совсѣмъ не-
«надобное затрудненіе. . . Твердо надѣюсь я, что если не пре-
«станете вы продолженіемъ вашего «Щепетильника» обличать
«нихъ, по крайней мѣрѣ хотя наши стихомаратели, какъ тва-
«ри, не совсѣмъ еще въ разсужденіи вашихъ упившіяся безу-
«міемъ, современемъ перестанутъ проявлять и сблевывать
«скарденые плоды онаго. И больше скажу, я съ восхище-
«ніемъ вижу въ нѣкоторыхъ головахъ цѣлительное дѣйствіе;
«ибо многіе, донныѣ присматриваясь пристально къ описан-
«нымъ весьма худыми красками лицамъ и находя въ нихъ не
«знаю какое-то съ собою подобіе, совершенно бросили юрод-
«ствовать и принялись за разумъ». При этомъ письмѣ И. Л.
прислалъ «Похвальные стихи полустихотворцамъ», которые и
были напечатаны въ «Щепетильникѣ». Содержаніе стиховъ
таково: скажите, спрашиваетъ авторъ, отчего хлѣбъ родится

^{*)} «Щепетильникъ», стр. 28—29.

плохо? и небо не посылаетъ дождя? — Небеса прогнѣваны; потому что къ ихъ высотамъ отовсюду возносятся несносныя и нестерпимыя враки въ безчисленныхъ поэмахъ, одахъ, стансахъ, сонетахъ и дѣсяняхъ. Плохіе пѣнты размножились; для нихъ Ипокрена впадаетъ въ Неглинную, а спартанская Елена живеть въ Валдаѣ, словомъ, сонную мечту они принимаютъ за восторгъ¹⁾.

И послѣ «Щепетильника» долго слышались въ нашей литературѣ жалобы на плохихъ стихотворцевъ, такъ зло осмѣянныхъ впоследствии въ «Чужомъ толкѣ» Дмитріева. Въ «Вечерахъ» было напечатано стихотвореніе, подъ заглавіемъ *Мысли*:

Возри, усмотришь ты здѣсь многіе примѣры:
Здѣсь школьники уже считаются Гомеры;
Кто нѣсколько стиховъ негодныхъ издастъ въ свѣтъ,
Уже межъ многими *Виргиліевъ* слыветъ;
Кто портитъ только слогъ пѣвцовъ преславныхъ россовъ,
Уже считается второй здѣсь *Домосовъ*...
А если хочешь ты пѣвчій уми людское,
Старайся только въ стихъ собирать слова такіа,
Которыхъ бы никто совѣтъ не разумѣлъ,
Чтобъ стихъ твой у тебя безъ разума *зрѣлъ*.
Такіе-то у насъ писцы въ великой модѣ,
Которые совѣтъ вопреки идутъ природѣ!...
Пиши поэмы ты и оды *музыкаль* слогомъ,
То будешь возглашенъ межъ всѣхъ парнасскихъ богомъ.
Чѣмъ будетъ болѣе затѣнныхъ мыслей въ ней,
Тѣмъ болѣе хвалы услышишь отъ людей.
Лишь только подражать Хераскову блюдися,
А Майкову во слѣдъ совѣтъ идти стыдися:
Не въ модѣ между всѣхъ невяждъ писатель сей —
Какой превздорный имъ въ свѣтъ издастъ *Елисей*²⁾!

Судьба стихотворцевъ въ эпоху 1770-хъ годовъ была несовѣтъ блестящая. Многіе изъ нихъ пѣли торжествен-

¹⁾ Стр. 275—277, 280—286.

²⁾ Ч. I, стр. 19; ч. 2, стр. 27—41.

ные гимны и оды по заказу на общественныя и семейныя празднества и торговали своими поздравительными виршами. «Вечера», говоря о пнтахъ, которые пишутъ стихи по подряду и свой бездѣльный трудъ продають, будто лапти, приводятъ разсказъ о томъ, какъ одинъ богатый человѣкъ нанялъ стихотворца сочинить оду на его свадебное торжество :

Уже вспѣвка мой тащится на Парнасъ,
Варить для жениха стихи онъ, какъ ушное,
Кладетъ въ уху сію чеснокъ и ананасъ,
И подлинно сварилъ онъ кушанье смѣшное...
Помчался мой пѣвецъ въ селенія небесимъ,
Венеру съ облаковъ на свадьбу притащилъ;
Не думавъ жениху содѣлать тѣмъ обиды,
Не пожалѣлъ стащить отголѣ и купиды...¹⁾.

Въ журналѣ «И то и сѣ» есть разсказъ о барынѣ, которая приглашала стихотворца воспѣть въ плачевной элегіи смерть ея постельной собачки²⁾.

«Парнасской Щепетильникъ», однако, не имѣлъ большаго успѣха. Еще въ октябрскомъ выпускѣ издатель жаловался, что общество потеряло охоту къ повременнымъ изданіямъ³⁾, а въ декабрскомъ онъ объявилъ : «Сочиненіе сіе («Щепетильникъ») продолжалось до конца сего года по обѣщанію издателя, хотя и съ великимъ ему убыткомъ ; онъ хотѣлъ лучше «устоять въ своемъ словѣ, нежели солгать передъ всею публикою... Не хотѣлъ онъ послѣдовать тѣмъ премудрымъ авторамъ, кои, напечатавъ первый листъ, роздали билеты и «обобрали съ желающихъ деньги, а на второмъ листѣ преврали свое сочиненіе». Въ «Щепетильникѣ» участвовалъ знакомый нашъ Рубанъ.

«Пустомеля» издавалась помѣсячно и продолжалась недолго.

¹⁾ Ч. I, стр. 77—78.

²⁾ Недѣля 42.

³⁾ Стр. 264.

го : июнь и июль. Имя издателя ея неизвѣстно. Обращаясь къ читателю, онъ самъ говоритъ : «Можетъ быть, захочешь ты прежде всего узнать мое имя, однакожь не жди, чтобы я тебя объ ономъ увѣдомилъ. Сколько хочешь думай, отгадывай, развѣдывай и трудись, мнѣ до того нужды нѣтъ . . . «Вы часто о сочиненіяхъ судите по сочинителямъ, а нѣкоторые изъ васъ и не читавши, но по одному только слуху, дѣлаютъ неправильныя заключенія. Итакъ польза моя требуетъ, чтобы я имя свое утаилъ. Не знавши онаго, какъ скоро прочтешь ты десять строкъ моего сочиненія, то навѣрно заключишь, что я писатель не третьей статьи ; можетъ быть подумаешь, что я человекъ знатный ; слѣдовательно критиковать не осмѣлишься»¹⁾). Названіе «Пустомели», вѣроятно, дано въ подражаніе англійскому періодическому изданію «The Tattler» (Болтунъ), которое съ 1709 до 1711 года выходило подъ редакціею Стиля. Въ «Пустомелѣ» напечатано, между прочимъ, фонъ-Визиново «Посланіе къ слугамъ моимъ: Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ» и, судя по тону замѣтки, сдѣланной при этомъ отъ редакціи, напечатано здѣсь впервые²⁾). Кромѣ этого посланія, въ «Пустомелѣ» нѣтъ статей сатирическаго содержанія, но за то въ ней есть интересныя свидѣтельства о современной литературѣ и театрѣ, на которыя укажемъ въ своемъ мѣстѣ. «Я боюсь обѣщать море, чтобъ не вылилась лужа», говоритъ въ предисловіи осторожный издатель, и потому, умалчивая о направ-

¹⁾ Стр. 11—12.

²⁾ Показаніе митрополита Евгенія, что «Посланіе къ слугамъ» явилось въ первый разъ въ Москвѣ, во время публичнаго наskarа въ 1763 году, едва ли вѣрно (Слов. св. пис. т. I, стр. 80, или въ «Другъ Просвѣщен.» ч. III, стр. 252), тѣмъ болѣе, что всѣ старанія удостовѣриться въ существованіи тѣхъ литературныхъ сатурналій, о которыхъ говоритъ митрополитъ Евгеній, оставались доселѣ безуспѣшными («Фонвизинъ», соч. кн. Вяземскаго, стр. 47).

леніи и цѣли своего журнала, онъ высказываетъ только свой взглядъ на литературныя требованія и по этому поводу дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній о современныхъ писателяхъ; между этими замѣчаніями нельзя не примѣтить нападенія на «Парнасской Щепетильникъ» Чулкова.

«Пустаго (говорить издатель «Пустомели») писать не хочется, а хорошее скоро ли придумаешь? Мнѣ и самому не «сносны тѣ авторы, которые сочиненія свои начинаютъ вздоромъ, вздоромъ наполняютъ и оканчиваютъ вздоромъ, пишутъ все, что ни попадется, спорять, критикуютъ, рѣшать, а запутавшись въ мысляхъ изъясняются весьма не ясно: тутъ «слѣдуютъ у нихъ сухія шутки, будто оставляютъ темныя мѣста на догадку читателя; но ежели сочинитель по чистой совѣсти захочетъ признаться, то скажетъ, что и самъ онъ того не понимаетъ... Многіе нынѣ принимаютъ писать, думая, что «хорошо сочинять также легко, какъ продавать шурки, серьги, «запонки, наперстки, иголки и прочіе мелочные товары, коими щепетильники торгуютъ въ деревняхъ и мѣняютъ оныя на «лапти и яйца; но они обманываются. Чтобы хорошо писать, «надо образованіе, острота, здравый умъ, хорошій вкусъ, знаніе языка и понятіе о вещахъ; иначе будешь не писателемъ, «а бумагомарателемъ. По несчастію у насъ много такихъ сочинителей, которые пишутъ все, что съ ними ни повстрѣчается, хватаются за все, начинаютъ и никогда не оканчиваютъ»^{*)}). Вѣроятно, Чулковъ не оставилъ этотъ вызовъ безъ отвѣта; но трудно отгадать, какая изъ его сатирическихъ выходокъ направлена противъ «Пустомели».

Затѣмъ издатель «Пустомели», обращаясь къ самому себѣ, продолжаетъ: «Пускай бѣдные писатели со слезами просятъ, «чтобы ихъ изъ милосердія не критиковали и пусть испраши-

^{*)} Стр. 5—8.

«вають они у читателейъ благосклоннаго принятія трудовъ «своихъ; тебя не такая ожидаетъ участь, и для того поступи съ читателями отиѣнно. Прими на себя важный видъ, «подобно тѣмъ авторамъ, которые, не больше десяти строкъ «написавъ, отнимають первенство у всѣхъ прежде ихъ про- «славившихся творцовъ». Съ первыхъ строкъ науки своихъ читателей и, не давая имъ опомниться, заставь гоняться за летучими мыслями твоего парящаго разума. Если же ты самъ устанешь, то осѣдай Пегаса, мучь его сколько угодно: онъ будетъ тебѣ покоренъ. «Но если паче чаянія онъ попроти- «вится и тебя не пуститъ сѣсть, то... но этому быть не «можно. Когда всѣ несмысленные рифмоворцы сего бѣдняка «мучать, то какъ онъ осмѣлится противиться тебѣ? ... За- «будь, что не умѣешь ты ни одного соплестъ стихика; что «нужды, что не знаешь ты правилъ стихотворства? Пиши «прозу и научись только прибирать рифмы, ты и тѣмъ себя про- «славить можешь. Многие въ стихотворствѣ не больше твоего «знанія имѣють, но совсѣмъ тѣмъ пишутъ трагедіи, оды, эле- «гии, поэмы и все, что имъ вздумается»¹⁾. Короче сказать, поймай Пегаса за гриву, оборви ему крылья, сядь насильно и поѣзжай прямо на Парнасъ; Аполлона за худое правленіе накажи, сдѣлай его парнасскимъ комиссаромъ для приѣма новыхъ стихотвореній, а самъ садись на его мѣсто и греми на лирѣ, складно или нѣтъ — все равно, только погромче — и тебѣ стануть удивляться. Музамъ издатель «Пустомели» назначаетъ столь же характеристичныя должности, какъ и Аполлону²⁾, но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Кромѣ статей число-литературныхъ, въ «Пустомелѣ» печат-

¹⁾ На стр. 84 «Пустомели» читаемъ: «если посмотрѣть на молодыхъ вышшихъ писцовъ (писателей), то можно подумать, что труднѣе быть посредственнымъ сапожникомъ, нежели авторомъ».

²⁾ Стр. 9—22.

тались еще статьи политическаго содержанія, проникнутыя легкой ироніей и для насъ любопытныя, какъ отголосокъ тогдашняго общественнаго мнѣнія. Подобныя статьи встрѣчались и въ «Адской Почтѣ»; но въ «Пустомелѣ» онѣ отличаются бѣльшей живостью. Здѣсь находимъ насмѣшливыя отзывы о туркахъ и французакъ, по поводу современной войны Россіи съ Портою. Отзывы эти печатались подъ особеннымъ заглавіемъ: «Вѣдомостей изъ Константинополя». Интересны — «Тайныя серальскія извѣстія»: «На мѣсто стараго выбранъ «новый муфти, который меньше прежняго къ войнѣ имѣетъ «склонности. Онъ, собравши всѣхъ толкователей Алкорана, «предложилъ имъ для рѣшенія самую трудную задачу, а именно: отчего русскіе солдаты несравненно превосходятъ храбростію турокъ? Толкователи пришли отъ сего вопроса въ «недоумѣніе; они очень долго потѣли, пріискивая приличное «сему въ алкоранѣ; наконецъ заключили, что храбрость сія «и неустрасимось происходятъ отъ завиванія и пудренія «волосовъ. Муфти предложилъ сіе султану, и давалъ свое разрѣшеніе, чтобы всѣмъ янычарамъ обрить бороды и завивать «волосы. Султанъ приказалъ немедленно требовать у министра нѣкоторой доброжелательной намъ державы (Франціи), «чтобы онъ для турецкой арміи выписалъ парикмахеровъ, пудры и помады... сіе почитаютъ вдохновеніемъ пророка Магомета, почему и великую на сіе полагаютъ надежду». Къ этой статьѣ присоединено извѣстіе изъ «нѣкотораго европейскаго города» (Парижа): «Дружелюбіе нашего двора съ Оттоманскою Портою всему свѣту извѣстно... по требованію «Порты набираются у насъ по всѣмъ мѣстамъ парикмахеры и «заготавливается безчисленное множество пудры и помады, что «въ скоромъ времени къ блистательной Портѣ и отправится. «Вспоможеніе сіе немалой важности; ибо всѣ жители нашего «города не безпричинно опасаются, чтобы не ходить имъ съ не-

«завитыми и непудренными волосами до того времени, пока «заведутся новые парикмахеры. . . Поговариваютъ, что мини-«стерство наше вознамѣрилось къ Портѣ отправить нѣсколько «тысячь книгъ о парикмахерскомъ искусствѣ»¹⁾). Въ новомъ выпускѣ «Пустомели», въ извѣстіяхъ изъ Константинополя объявлено: «Почти никакого не видимъ мы средства къ нашему «избавленію; ужъ и парикмахеры намъ не помогаютъ! . . . «Повседневно приходящія къ намъ извѣстія о успѣхахъ непріятельскаго противъ насъ оружія умножаютъ народное смятеніе. До какого несчастія Порты дошла! Ужъ и греки подъ «предводительствомъ россіянъ насъ побѣждаютъ. . . повсюду «въ турецкихъ областяхъ россійскій летаетъ орелъ, неся съ «собою ужасъ и смерть. . . Нѣкто на сихъ дняхъ подалъ султану выдумку о наборѣ войскъ въ сераляхъ, которая, какъ «сказываютъ, и утверждена»²⁾).

Рубанъ, который въ 1769 году издавалъ «Ни то, ни сѣ», не смотря на свои увѣренія, не излѣчился отъ болѣзни сочинительства, и въ 1771 году выступилъ съ новымъ еженедѣльникомъ, названнымъ «Трудолюбивый Муравей». Журналъ этотъ издавался по образцу «Трудолюбивой Пчелы» Сумарокова, о чемъ было замѣчено въ самомъ «Муравьѣ»³⁾). Объявляя о своемъ изданіи на 1771 годъ, Рубанъ говоритъ :

«Минувшій 1769-й годъ весьма изобилень былъ еженедѣльными листами, такъ что и самые жадные охотники едва успѣвали ихъ всѣхъ за великимъ множествомъ прочитывать. «Прошлаго 1770 года начали было показываться понедѣльно «Трутень» и помѣсячно «Пустомеля», но оба, не окончивъ

¹⁾ Стр. 43—49.

²⁾ Стр. 106—108. Въ «Вечерахъ» (ч. I, стр. 41—47) было помѣщено письмо съ Сатурна, въ которомъ аллегорически говорится о современныхъ отношеніяхъ Россіи, Турціи и Франціи.

³⁾ Стр. 91.

«года, пресѣклись. Одинъ только «Щепетильникъ», начавшись съ мая, совершалъ теченіе свое постоянно до окончанія года, не выдерживая въ типографіяхъ, по примѣру прочихъ, карантина; но, будучи одержимъ подагрой, немного «расхаживалъ по свѣту, и теперь еще отдыхаетъ на одрѣ у книгопродавцевъ. Сею болѣзнію и многіе третьегодичные «недѣльные листочки страдаютъ; а многіе отъ долговременнаго недуга и бока себѣ до самыхъ реберъ уже пролежали; нѣкоторые же, будучи взаперти, совсѣмъ исчахли, и бытіе свое въ небытіе премѣнили. О семъ неизбѣжномъ всѣмъ «жребіи сожалѣя, выходящій нынѣ на свѣтъ «Муравей», желая «(еть) выходомъ своимъ оживотворить и кости успшихъ своихъ «собратій, и произвести вновь съ собою бумажныхъ современниковъ, и увеселить публику, въ скукѣ доселѣ безъ еженедѣльныхъ новостей сидящую, а тѣмъ для себя и читателей «доставить сугубое удовольствіе. Къ поспѣшествованію же «трудовъ своихъ приглашаетъ онъ каждого и всѣхъ къ періодическимъ сочиненіямъ охотниковъ, и обнадеживаетъ ихъ въ «изданіе свое вмѣщать всѣ присылаемыя къ нему сочиненныя «или переведенныя въ прозѣ и стихахъ піесы, которыя здравому разуму и благопристойности противны не будутъ». Какъ-бы оправдывая названіе своего журнала, Рубанъ въ первомъ же номерѣ его помѣстилъ разсужденіе о природныхъ свойствахъ и склонностяхъ муравьевъ. «Трудолюбивый Муравей» почти вовсе не содержитъ въ себѣ указаній на характеръ современнаго ему быта; главною цѣлью его было печатать статьи, касающіяся русской исторіи и географіи, стихи и небольшіе разсказы, далекіе отъ русской дѣйствительности и ея интересовъ. Въ письмѣ, напечатанномъ въ этомъ журналѣ, неизвѣстный корреспондентъ говоритъ: «Въ вашемъ «журналѣ не увидишь ни брани, ничего такого, что называютъ «господа авторы въ свое оправданіе *сатирами*; а мнѣ какая

«нужда — сатира или другое что, да коли меня выбрантъ, «хотя бы то было и правильно, такъ мнѣ право досадно, и я «такого автора самъ до послѣдняго издыханія бранить не перестану... Ваше изданіе, право, карантиновъ въ типогра- «фіяхъ выдерживать не будетъ, а для насъ то-то и хорошо»¹⁾). При концѣ года, обращаясь къ публикѣ, издатель говоритъ, что листы его журнала пользовались большимъ расходомъ. Во сколько справедливо это показаніе — сказать трудно; но извѣстно, что только сатирическіе журналы выдерживали по нѣскольку изданій, и что въ доброе старое время журналисты позволяли себѣ печатать похвалы своимъ собственнымъ трудамъ. Рубанъ въ своемъ журналѣ помѣстилъ слѣдующее похвальное себѣ стихотвореніе, подписанное буквами Т. М. (то есть «Трудолюбивый Муравей») :

Отъ сладка сна влечетъ насъ райской соловей,
Къ трудамъ примѣръ есть всѣмъ прилежный Муравей:
Почтутъ его труды и поэды наши чады
И воздадутъ ему хвалы въ росски грады!²⁾

12
Въ 1772—3 годахъ появился литературный и историческій сборникъ «Старина и Новизна», издававшійся Рубаномъ; кромѣ того, тогда же выходили два журнала: «Вечера» и «Живописецъ», изъ которыхъ первый выдержалъ два изданія, а послѣдній въ теченіе двадцати лѣтъ имѣлъ пять изданій (второе было въ 1773 году, третье въ 1775, четвертое въ 1784, а пятое въ 1793 г.). Въ 1773 году, сверхъ продолженія «Вечеровъ» и «Живописца», стала выходить «Мѣшанина». На страницахъ этихъ изданій встрѣчаемъ три знаменитыя въ нашей литературѣ имени: во второй части «Старины и Новизны» была помѣщена прозаическая героида: «Вивлида къ Кавну»,

¹⁾ Стр. 92.

²⁾ Стр. 89.

переведенная съ нѣмецкаго, по свидѣтельству митрополита Евгенія, *Державиннымъ*¹⁾; въ «Вечерахъ» напечатана ода Вольтера къ императрицѣ Екатеринѣ Великой, въ переводѣ *Богдамовича*²⁾; въ «Живописцѣ» выступилъ *фонъ-Визинъ* съ своимъ «Словомъ на выздоровленіе государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича». Можетъ быть, ему принадлежатъ и нѣкоторыя сатирическія письма, напечатанныя въ «Живописцѣ» и живо напоминающія слогу и манеру автора «Бригадира» и «Недоросля».

Изданіе «Вечеровъ» приписываютъ Новикову; но есть обстоятельства, которыя заставляютъ сомнѣваться въ томъ. Мы знаемъ, что съ именемъ Новикова связывали даже изданіе «Парнаскаго Щепетильника», издателемъ котораго онъ никогда не былъ; слѣдовательно показаніями словарей и каталоговъ надобно пользоваться осторожно. Приписывать «Вечера» Новикову могли на томъ основаніи, что второе изданіе этого журнала вышло отъ типографской компаніи. Но, судя по указаніямъ, которыя встрѣчаемъ въ предисловіи къ «Вечерамъ», и по взгляду этого изданія на сатиру, взгляду, который нисколько не соответствуетъ убѣжденіямъ Новикова, трудно повѣрить, чтобъ «Вечера» издавались именно имъ, тѣмъ болѣе, что въ то-же самое время Новиковъ уже издавалъ «Живописца».

Въ объявленіи объ изданіи «Вечеровъ» сказано: «Мы, благодаря Бога, насущный хлѣбъ имѣемъ, и пишемъ для того, что намъ писать очень захотѣлось. Тутъ нѣтъ ни корыстолюбія, ни худаго намѣренія, а меньше всего авторскаго выскомерія. Мы всѣ составляемъ небольшое общество. Сіе общество вознамѣрилось испытать, можетъ ли благородный

¹⁾ «Словарь свѣтск. писат.» т. 1, стр. 171.

²⁾ «Вечера», изд. 2, ч. I, стр. 206. Ссылки сдѣланы вездѣ на второе изданіе «Вечеровъ».

«одинъ вечеръ въ недѣлѣ не играть ни въ вистъ, ни въ ломберъ, и сразу пять часовъ въ словесныхъ наукахъ упражняться? Многіе изъ насъ о томъ уже начали сомнѣваться. «И какъ таковыя мнѣнія въ свѣтскихъ бесѣдахъ весьма прилипчивы, такъ опасно, чтобъ и всѣ мы сею мыслию не заразились, и тѣмъ бы наши труды не пресѣклись. Читатели! ежели вамъ полюбятся наши сочиненія, желайте, чтобы не совершились наши подозрѣнія и чтобы вподлинну всему чело­вѣческому роду въ томъ не утвердиться, что благо­рожденный чело­вѣкъ цѣлый вечеръ безъ игры пробыть не можетъ»¹⁾. Сатирическихъ статей въ «Вечерахъ», сравнительно съ не­сатирическими, мало; одинъ изъ корреспондентовъ этого жур­нала называетъ его издателей людьми *смирными и скромны­ми*²⁾. Сами издатели, соглашаясь, что оба рода сочиненій: и сатирическія и любовныя — похвальны, признаются, что въ ихъ журнальныхъ листахъ сатиры встрѣтишь меньше, не­жели другихъ сочиненій, и «сіе не для того (продолжаютъ они), чтобъ мы писать сатиру не умѣли; пороки осмѣивать не весьма трудно, но исправить ихъ мудрено»³⁾.

Вотъ еще любопытный отзывъ одного изъ корреспонден­товъ «Вечеровъ»: «Знаете ли (говоритъ онъ), что я всегда заводилъ чернильное знакомство съ господами издателями «журналовъ? Повѣрьте мнѣ, что это правда; много моихъ «писемъ во «Всякой Всячинѣ»... Однимъ словомъ, сколько «въ Россіи ни выходило жур­наловъ, то во всѣхъ есть что­нибудь мое, хотя не сочиненія, то по крайней мѣрѣ мысли «мои были писаны не знаю кѣмъ. Вообразите же, какъ я об­срадовался, будучи страстнымъ охотникомъ до журналовъ, что «вдругъ принесли ко мнѣ цѣлую кучу листовъ. . . Отгадайте,

¹⁾ Ч. I, стр. 6—7.

²⁾ Ч. II, стр. 126.

³⁾ Ч. II, стр. 130.

«за какіе листы я прежде всѣхъ принялся? За ваши «Вечера», затѣмъ что изображеніе сатира въ заглавіи вашего «журнала мнѣ много обѣщало. Итакъ я «Вечера» началъ читать прежде, нежели «Живописца»; но если вы любите правду, то могу сказать, что сатиры вашъ только что смѣется и космѣхаетъ, а не кусаетъ и не язвитъ, какъ въ нынѣшнее «время, не помню, въ которое-то время многіе вздумали, что «посквили суть сатиры высокаго слога и достойны удивленія и похвалы. Однако критиковать никого я не намѣренъ»*)». Письмо это было отголоскомъ старыхъ журнальныхъ споровъ о значеніи сатиры и, очевидно, было направлено противъ мнѣній, высказанныхъ въ «Трутѣ».

Если сатиры «Вечеровъ» не больно кусался, то нельзя было пожаловаться въ этомъ отношеніи на «Живописца». Это былъ лучший журналъ екатерининскаго времени; его обличительная сатира высказывалась съ неослабною энергіею и облекалась иногда въ формы истинно-художественныя; отъ многихъ ея изображеній вѣетъ дѣйствительною жизнью. Успѣхъ «Живописца» былъ полный, что доказывается многими его изданіями; просвѣщенные люди встрѣтили его съ сильнымъ участіемъ.

Въ первой части «Живописца» напечатано слѣдующее письмо: «Господинъ сочинитель «Живописца»! Сочиненія твои мнѣ весьма нравятся; но не тѣмъ, чѣмъ они нравятся другимъ, т. е. не слогомъ, а содержаніемъ. Какая мнѣ нужда въ красотѣ слога? Провались краснорѣчіе, ядомъ лести напоенное! Я ненавижу тѣхъ краснорѣчивыхъ разскащиковъ, которые, обольщая слухъ, обманываютъ насъ, а люблю въ писателѣ лучше всего доброе сердце и истинную любовь къ отечеству... Сказать ли тебѣ? Читая твой листокъ, я плакалъ отъ радости, что нашелся человекъ, который противъ

*) Ч. II, стр. 235—6.

«господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ. Великій Боже! Услыши моленіе осьмидесятилѣтняго старика, къ счастію нашему продли дни премудрыя государыни... Куда бы ты попалъ, бѣдняжка, еслибъ эту пѣсню запѣлъ въ то время, когда я былъ помоложе! Но «сказать ли тебѣ, другъ мой, ты многихъ вооружилъ противъ себя, тебя злословятъ: такъ-то воздають тѣмъ людямъ, которые говорятъ правду!... Не сердись за то, что люди испорченныхъ нравовъ тебя поносятъ; другъ мой! тебѣ это «такую же честь дѣлаеть, какъ и то, что честные люди благодарятъ тебя». Подъ письмомъ этимъ подпиши: «Осьмидесятилѣтній старикъ»*)).

Особенно-замѣчательно, что статьи «Живописца» пришлись по народному вкусу и расходились въ разныхъ слояхъ русскаго общества; вотъ какъ свидѣтельствуеть объ этомъ предисловіе къ пятому изданію «Живописца»:

«Благосклонное принятіе первымъ четырьмя изданіями этого «труда моего ободрило меня приступить къ пятому. Еслибъ я «былъ самолюбивъ, то скорый сей расходъ «Живописцу» не-«отмѣнно поставилъ бы на счетъ достоинства моего сочиненія; но, будучи о дарованіяхъ своихъ весьма умѣреннаго мнѣнія, лучше соглашаюсь вѣрить тому, что это сочиненіе пошло на вкусъ жѣщанъ нашихъ; ибо у насъ тѣ только книги «третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которые симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чувствителныхъ языковъ, нравятся. Люди же, разумы свои «знаніемъ французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги «въ число головныхъ украшеній, довольствуются всеми головными уборами, привозимыми изъ Франціи, какъ-то: пудрою, «шмадою, книгами и проч. Въ подтвержденіе сего моего мнѣ-

*) Ч. I, стр. 51—53. (1-го издан.)

«нія служатъ тѣ книги, кои отъ просвѣщенныхъ людей никакого уваженія не заслуживаютъ и читаются одними только мѣщанами; сія книги суть: *Троянская исторія, Синописисъ, Юности честное зеркало, Совершенное воспитаніе дѣтей, Азовская исторія* и другія нѣкоторыя. Напротивъ того, «книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ»*)).

О направленіи «Живописца» издатель откровенно высказался на второмъ листѣ этого журнала, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Авторъ къ самому себѣ», гдѣ остроумно осмѣяны тѣ современныя литературныя мнѣнія, которыя враждовали противъ комедіи и сатиры и увлекались поэзіею пастушескою. Обращаясь къ самому себѣ, издатель говоритъ: «ты дѣлаешься авторомъ, ты принимаешь названіе *Живописца*, но не такого, который пишетъ кистью, а живописца, перомъ изображающаго наисокровеннѣйшіе въ сердцахъ человѣческихъ пороки. Знаешь ли, мой другъ, какой ты участи себя подвергаешь? Въдаешь ли совершенно, какой предлежитъ тебѣ трудъ? Известны ли тебѣ твои свойства и твои читатели? Надѣешься ли всѣмъ имъ сдѣлать угожденіе? . . . Бѣдный авторъ! тутъ увидишь ты *нравоучителя*, порицающаго всѣхъ критиковъ и утверждающаго, что сатиры ожесточаютъ только нравы, а исправляютъ (ихъ) нравоученія. Но читатель ему отвѣтствуетъ: ты пишешь такъ сухо, что я не имѣю терпѣнія никогда читать твои сочиненія. Тамъ *сатирикъ* описываетъ пороки, язвитъ порочныхъ, забавляетъ разумъ острою сочиненія и приноситъ удовольствіе. Нѣкоторые читатели говорятъ ему: ты забавенъ, я читалъ тебя съ пріятностію, но

*) То-же предисловіе находимъ и при третьемъ и четвертомъ изданіяхъ.

«ты ѣдокъ; я тебя опасаюсь. А прочіе кричатъ : онъ все-
«свѣтнѣйшій ругатель ! О бѣдный авторъ ! Встрѣчается со мною
«*трагическій писатель* ; онъ сочиняетъ трагедію и говоритъ :
«комедія развращаетъ только нравы и научаетъ порокамъ, а
«не исправляетъ оныхъ ; такія сочиненія не только что без-
«полезны, но и вредны. Одна трагедія имѣетъ свою цѣлю
«добродѣтель и научаетъ оной самихъ царей. Какая завидная
«участъ ! Но читатель ему отвѣтствуетъ : ежели твоя трагедія
«хороша, то тогда услаждаетъ она мои чувства и питаетъ ра-
«зумъ ; но однакожь вѣдай, что до сея пищи охотниковъ не-
«многа. *Писатель комедій* говоритъ : трагедія показываетъ
«слѣды нравоученія тѣмъ людямъ, которые въ ономъ не имѣ-
«ютъ нужды ; обучать такихъ людей, кои или уже добродѣ-
«тельны, или не слушаютъ нравоученія, есть трудъ бесполез-
«ный. Напротивъ того, комедія пріятнымъ нравоученіемъ и
«забавною критикою исправляетъ нравы частныхъ людей, яз-
«витъ пороки, не даетъ имъ усиливаться, искореняетъ ихъ ;
«словомъ, изъ всѣхъ театральныхъ сочиненій одна комедія
«полезна. Но читатель ему говоритъ : знай, когда ты меня
«осмѣиваешь, тогда я тебя пересмѣхаю . . . Но мнѣ еще встрѣ-
«чается писатель : онъ сочиняетъ *пастушескія сочиненія* и
«на пѣжной своей лирѣ воспѣваетъ златый вѣкъ, говоритъ,
«что у городскихъ жителей нравы развращены, пороки цар-
«ствуютъ, все отравлено ядомъ ; что добродѣтель и блаженство
«бѣгаютъ отъ городовъ и живутъ въ прекрасныхъ долинахъ,
«насажденныхъ благоуханными деревьями, испещренныхъ раз-
«личными наилучшими цвѣтами, орошенныхъ источниками, про-
«текающими кристалловидными водами, которыя, тихо перели-
«ваясь по мелкимъ прозрачнымъ камешкамъ, восхитительный
«производятъ шумъ. *Блаженство* въ видѣ пастуха сидитъ при
«источникѣ, прикрытомъ отъ солнечныхъ лучей густою тѣнью
«того дуба, который слишкомъ три тысячи лѣтъ зеленымъ

«одѣвается листвіемъ. Пастухъ на нѣжной свирѣли воспѣваетъ свою любовь; вокругъ его летаютъ зефиры и тихимъ «дыханіемъ пріятное производятъ ему прохладеніе. *Невинность* въ видѣ поднебесныхъ птицъ совокупляетъ пріятное свое «пѣніе съ пастушескою свирѣлюю, и вся природа въ успокоеніи сему пріятному внимааетъ согласію. Сама *Добродѣтель* въ «видѣ прелестныя пастушки, одѣтая въ бѣлое платье и увѣнчанная цвѣтами, тихонько прокрадывается, (и) вдругъ предъ «нимъ показывается. Пастухъ кидаетъ свирѣль, бросается «во объятія своя любовницы и говоритъ: цари всего свѣта, «вы завидуете нашему блаженству! Г. авторъ восхищается, «что двумъ смертнымъ такое могъ дать блаженство, и какъ «хотя мысленнымъ не восхищаться блаженствомъ! Жаль только, «что оно никогда не существовало въ природѣ! Творецъ «сего блаженства, хотя знаетъ всю цѣну завидныя сея жизни, «однакожъ живетъ въ городѣ, въ суетахъ сего міра; а сіе, «какъ сказываютъ, дѣлаетъ онъ ради двухъ причинъ: первое, «что въ нашихъ долинахъ зимою много бываетъ снѣга, а второе, «что ежели бы онъ туда переселился, то городскіе жители совсѣмъ позабыли бы блаженство сея жизни. Читатель «ему отвѣтствуетъ старинною пословицею: чужую душу въ «рай, а самъ ни ногою. Бѣдный авторъ! ты другихъ и себя «обманываешь». Увѣрившись, что уже пора въ настоящій просвѣщенный вѣкъ снимать личину съ людей порочныхъ, издатель «Живописца» вознамѣрился быть изобразителемъ «наискровеннѣйшихъ человѣческихъ пороковъ», и предъ началомъ такого труднаго дѣла самъ себѣ даетъ слѣдующій совѣтъ: «требуютъ отъ тебя, чтобъ ты въ сей дорогъ никогда «не разлучался съ тою прекрасною женщиною, съ которою «иногда тебя видалъ; ты отгадать можешь, что она называется «ся *Осторожностью*» *).

*) Ч. I, стр. 9—16, 129. (1-го изд.)

Сотрудники «Живописца» скрылись подъ вымышленными именами: *Пустяковтоптатель*, *Любопытный зритель*, *Дворянинъ съ одною душою*, *Доброхотное сердечко* и др. Въ этомъ изданіи встрѣчаемъ, между прочимъ, стихотворенія неутонимаго В. Рубана, который означалъ свое имя и фамилію только начальными буквами.

15 Довольный успѣхомъ своихъ періодическихъ изданій, Новиковъ въ 1774 году задумалъ издавать новый журналъ: «Копелекъ». Въ предисловіи къ этому журналу онъ говоритъ: «Двѣ причины побудили меня издавать въ свѣтъ сіе слабое «твореніе и посвятить оное отечеству моему: первая, что я, «будучи рожденъ и воспитанъ въ нѣдрахъ отечества, обязанъ «оному за сіе служить посильными своими трудами и любить «оное, какъ я и люблю его . . . Я никогда не слѣдовалъ пра- «виламъ тѣхъ людей, кои безо всякаго изслѣдованія внутрен- «нихъ, обольщены будучи нѣкоторыми снаружи блестящими да- «рваніями иноземцевъ, не только что чужія земли предпочи- «тають своему отечеству, но еще, ко стыду цѣлой Россіи, и «гнушаются своими соотечественниками, и думаютъ, что рос- «сіянинъ долженъ заимствовать у иностранныхъ все, даже и «до характера, какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи «съ такою премудростію и надѣлившая всѣ области свойствен- «ными климатамъ ихъ дарваніями и обычаями, столько была «несправедлива, что одной Россіи, не давъ свойственного на- «роду ея характера, опредѣлила скитаться по всѣмъ областямъ «и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, чтобъ «изъ сей смѣси составить новый, никакому народу не свой- «ственный характеръ, а еще наипаче россіянину, выключая «только тѣхъ, кои добровольно изъ разумнаго человѣка пере- «дѣлываются въ несмысленныхъ обезьянъ, и представляютъ «себя на посмѣшище всея Европы. Таковые не только что не «видятъ добродѣтелей, россіанамъ природныхъ, но если бы гдѣ

«оня съ ними ненарочно и повстрѣчались, то безъ сомнѣ-
 «нія отвратили бы зрѣніе свое, именуя оня грубостію и
 «невѣжествомъ». Другой причины издатель не объясняетъ,
 чтобъ при первомъ знакомствѣ съ читателями «обойтись
 сколько возможно миролюбивѣ»; но по духу статей, напе-
 чатанныхъ въ «Кошелекѣ», видно, что Новиковъ, вооружась
 колкою сатирою, выступилъ съ этимъ изданіемъ на защиту
 русской народности противъ крайнихъ иноземныхъ вліяній. И
 въ другихъ журналахъ слышался по временамъ подобный же
 протестъ; но «Кошелекъ» избралъ эту задачу исключительною
 своею цѣлю. Самое названіе журнала уже указываетъ на
 такое его направленіе. «Долженъ бы я (говоритъ издатель)
 «объяснить читателю моему причину избранія заглавія сего
 «журнала, но сіе теперь оставляю, а впредь усмотритъ онъ
 «сіе изъ *Превращенія русскаго кошелька во французской,*
 «которое сочиненьице здѣсь помѣщено будетъ». Такого сочи-
 ненія не встрѣчаемъ въ настоящемъ журналѣ; но приведен-
 ная сейчасъ замѣтка намекала на введеніе *кошельковъ*, кото-
 рые привязывались къ парикамъ, и другихъ французскихъ
 модъ, за чтѣ дорогою цѣною расплачивались *кошельки* рус-
 скихъ петиметровъ. Негодуя на превращеніе нѣкоторыхъ рус-
 скихъ *молодчиковъ* во «французскихъ обезьянъ», журналъ Но-
 викова съ горькой ироніей высказываетъ: «О когда бы силы
 «человѣческія возмогли, дабы ко просвѣщенію россиянъ воз-
 «вратить и прежніе ихъ нравы, погубленные введеніемъ *ко-*
 «*шельковъ* въ употребленіе!»*)

Послѣ общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами о направленіи
 журналовъ 1769—1774 годовъ, необходимо указать ихъ кри-
 тическіе взгляды на современную литературу и искусство
 сценическое. Отзывы журнальной критики того времени лю-

*) Стр. 47.

бопытны, какъ выраженіе тогдашнихъ эстетическихъ убѣжденій и потребностей. Съ этой точки зрѣнія не лишены занимательности и споры между журналистами 1769—1770 годовъ; но послѣ, когда число періодическихъ изданій ограничивалось однимъ или двумя, сама-собою исчезла и журнальная полемика.

Имя Вольтера занимало первое мѣсто во всѣхъ европейскихъ литературахъ того времени. Въ журналахъ избранной нами эпохи довольно часто попадаются переводы изъ Вольтера; такъ, напримѣръ, здѣсь встрѣчаемъ: «Мемнонъ или премудрость человѣческая», «Скарментадовы путешествія» и другіе небольшіе рассказы и статьи. Любопытны неблагоклонные отзывы о Вольтерѣ «Адской Почты», которая на страницахъ 187—190 и 273—4 возвышаетъ противъ него обвинительный голосъ. Послѣ Вольтера, самымъ обычнымъ источникомъ для журнальныхъ переводовъ служили элегіи и «Превращенія» Овидія и сочиненія другихъ классическихъ писателей (Тита Ливія, Сенеки, Горація, Анакреона и Теофраста). Изъ новѣйшей литературы, между прочимъ, встрѣчаемъ переводы сатиръ Буало, «Юнговыхъ Ночей», идиллій Геснера и мадамъ Дезульеръ и героидъ («Письмо Константіи къ Θεодосію» въ «Трудолюбивомъ Муравьѣ»; «Электра къ Оресту»; письмо «Габріеллы де-Вержи къ графинѣ де-Рауль» въ «Вечерахъ»; «Вивлида къ Кавну» въ «Старинѣ и Новизнѣ», и друг.). Пастушеская поэзія была въ большой модѣ въ искусственной литературѣ XVIII-го вѣка; но у насъ, въ эпоху сатирическихъ журналовъ, отличавшихся довольно-строгимъ взглядомъ на жизнь, поэзія эта не возбуждала къ себѣ особеннаго сочувствія. Выше мы видѣли, какъ ловко и остроумно посмѣялся надъ нею «Живописецъ». На ряду съ яркими описаніями современныхъ нравовъ какъ-то странно читать подобныя *наивныя* стихотворенія, какъ, напримѣръ, это идиллическое обращеніе мадамъ Дезульеръ къ овечкамъ:

Овечки! ни наукъ, ни правилъ вы не зная,
 Паситесь въ тишинѣ: не нужно то для васъ;
 Хотя мечта намъ льститъ, всё мысли восхищая,
 Но вы счастливыте и вы умѣте насъ, и проч. 1)

Такое ложное настроеніе тогда же заслужило справедливое осмѣяніе. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ помѣщенной въ первой части «Вечеровъ» — *эклоги* :

Гдѣ снѣги вѣчные и стужи гдѣ несносны,
 Терновые кусты растутъ, высоки сосны,
 Стояла хижина
 Пастушка тамъ сидитъ, сжавъ руки, на пенёчкѣ,
 Въ печальномъ рублищѣ, въ замаранной сорочкѣ.
 Пастушка къ высотѣ простерла очи неба,
 Вѣщая: «нѣтъ у насъ куска къ обѣду хлѣба;
 А ты, невѣрный мой и лютой пастушокъ,
 На рынокъ потащилъ съ возьянками мѣшокъ,
 Пошелъ и въ хижину ко мнѣ не возвратился:
 Конечно, на шинкѣ, невѣрный, очутился
 Иль пьяный гдѣ сидишь»
 (Возвратясь) Пастухъ красавицу, по рожѣ глядя, нѣжитъ,
 Рассказываетъ все, краюшку хлѣба рѣжетъ, —
 Очистили они и ложки и горшки:
Такъ весело живутъ російски пастушки! 2)

Въ области русской литературы прославлялись тогда два славныхъ имени: Ломоносовъ и Сумароковъ. Оба талантливые, хотя и не въ равной степени, оба замѣчательные по своему влиянію на общество, по благородству своихъ убѣжденій и энергіи своей дѣятельности, но непримиримые личные враги между собою, они пользовались общимъ уваженіемъ. Журналы съ большими похвалами (иногда преувеличенными) отзываются о сочиненіяхъ Ломоносова и Сумарокова. «Всячина» называетъ ихъ свѣтильниками російскаго Парнаса 3);

1) «Вечера», ч. II, стр. 100.

2) Стр. 169—171.

3) Стр. 75.

«Трутень» говорить, что сочиненіямъ того и другаго будетъ удивляться отдаленное потомство, что Сумароковъ въ басняхъ сравнялся съ Лафонтеномъ, въ эклогахъ — съ Виргиліемъ, въ трагедіяхъ — съ Расиномъ и Вольтеромъ, что притчи его останутся навсегда неподражаемымъ образцомъ.

Почеть терновникомъ нельзя прекрасну розу —
 Такъ Сумарокова хулить стихи и прозу:
 Все плавно, хорошо; онъ первый здѣсь у насъ;
 Извѣстна лишь ему дорога на Парнасъ *).

Публика, которая обыкновенно любитъ разсуждать и спорить о превосходствѣ писателей, сравнивая Ломоносова и Сумарокова, раздѣлилась на двѣ партіи: одна стояла за лирика, другая за драматическаго писателя. На сторонѣ послѣдней былъ Эминъ. Одинъ изъ бѣсовъ «Адской Почты» разсказываетъ: «Вчерашняго дня обѣдалъ я у нѣкотораго человѣка, «любящаго словесныя науки... Дошло дѣло до россійскихъ «лучшихъ стихотворцевъ. Перечеть ихъ всѣхъ немного труда «стоитъ, ибо между хорошими стихотворцами понинѣ были «два, которыхъ сочиненія украшаютъ славу Россіи. Одинъ «изъ нихъ обожалъ Клію, а другой Мельпомену. Оба сіи сти- «хотворцы имѣютъ свои партіи, безъ которыхъ нинѣ въ свѣтѣ «разумнымъ быть не можно. Теперь и учоность требуетъ «разнощиковъ. Ежели по домамъ о ней кричать не будутъ, то «она въ храмнѣ своей сгніетъ. Большая часть гостей про- «славляла сочиненія лирическія, которыхъ многіе изъ нихъ «не разумѣютъ; а меньшая, но лучшаго вкуса, отдавала пер- «венство *нѣжностямъ*. Одною и другаго стихотворца обожаетели такой подняли шумъ, что и я принужденъ былъ длин- «ныя свои уши заткнуть. Наконецъ нѣкоторый человѣкъ, въ «наукахъ упражняющійся, который видѣлъ и знаетъ свѣтъ.

*) 1769 г., стр. 132, 183, 284.

«рѣшилъ ихъ споръ. Онъ такъ говорилъ, когда его спросили, кто лучший стихотворецъ : тотъ ли, кто обожаетъ Кляю, или тотъ, который чтитъ Мельпомену? — Я вамъ, отвѣчалъ М., скажу свою мысль... Рѣшить, кто изъ нихъ писалъ лучше, весьма трудно, ибо между двумя вещьми хорошими совершенное нужно понятіе объ оныхъ, чтобъ опредѣлить преимущество одной передъ другою... Клинъ обожатель служилъ съ великою славою одной только музѣ, и то въ одномъ родѣ *одическомъ*, а въ историческомъ хотя и упражнялся, но съ весьма малою удачею. Напротивъ того, трагическій стихотворецъ служилъ многимъ музамъ съ немалымъ успѣхомъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ славу отъ однихъ только одъ, которыми онъ несравненно превосходитъ оды другаго; но сей вмѣсто того несравненно лучше его писалъ трагедіи; эклоги его лучше собственныхъ его трагедій, а басни совершеннѣе всего рассказаны; слѣдовательно одинъ изъ нихъ въ одномъ родѣ стихотворства весьма хорошъ, а другой въ двухъ родахъ съ нимъ въ *хорошествѣ* равенъ, а въ третьемъ превосходитъ и самаго де-Лафонтена, въ которомъ есть весьма много ошибокъ въ плавности слога, сему роду весьма нужнаго, приимченнаго г. Волтеромъ; а въ басняхъ нашего стихотворца весьма мало ихъ найти можно... Не хочу я подтверждать написаннаго г. Волтеромъ, что гораздо славнѣе быть хорошимъ трагикомъ, нежели лирикомъ, чтобы такимъ размышленіемъ не причинить противной сторонѣ досады; но сколько мнѣ дозволено, буду разсуждать самъ для себя о родѣ одъ и трагедій. *Одистъ* на своей лирѣ говоритъ обыкновенно съ одними героями, а трагикъ со всеми людьми. Одинъ наполняетъ свое сочиненіе вымыслами, а другой истинными разсужденіями; тотъ летаетъ по воздуху, по небесамъ, по аду и по всѣмъ горамъ и долинамъ, а сей въ кругѣ своемъ идетъ прямо; ежели оглянется назадъ, то только для то-

«го, чтобъ путь его былъ прамъ и отъ средоточія не удаленъ. «Одинъ, философію ненавида, летаетъ почти за атмосферу, а «другой оную на землѣ обожаетъ; тотъ выдумываетъ, чего «нѣтъ и чему иногда быть не можно, а сей и то, что есть, «тонкостію своею разбираетъ; и ежели теперь больше въ «свѣтѣ людей, нежели героевъ, то смѣю сказать, что трагедія «полезнае оды . . . Слѣдовательно такому трагику, такому са- «тирику и такому прекрасному нравоучителю, какъ г. С. (Су- «мароковъ), можно скорѣе и больше сдѣлать людей хорошо мы- «слящихъ, нежели г. Л. (Ломоносову) героевъ; а изъ сего и «большинство пользы видно». Затѣмъ «Адская Почта» увѣ- «ряетъ, что ода и посредственная можетъ сойти за хорошую, но трагедія посредственности не терпитъ, почему и великіе пи- «сатели, принимаясь за этотъ родъ сочиненій, часто испыты- «вали неудачи. Такъ «Шекспиръ, англичанами обожаемый «трагикъ, весьма былъ высокомысленъ, остроуменъ и учонъ, «но упрямы и нехорошаю вкуса. Въ его трагедіяхъ харак- «теры людей безъ разбору описаны и перемѣшаны; въ его «Юліи Кесарѣ шутки, римскимъ грубымъ художникамъ при- «личныя, введены въ важнѣйшую сцену Брута и Кассія . . . «Г. С. (Сумароковъ) въ семь своемъ пути странствовалъ «счастливо, и если находятся въ его трагедіи пороки, то та- «кіе, какихъ и въ Корнелѣ и Расинѣ есть довольно. Любовь «есть общая зараза театра, безъ которой и славнѣйшіе писа- «тели въ трагическихъ своихъ сочиненіяхъ почти обойтись не «могли. Расинъ не могъ того миновать, чтобъ Митридата, «Александра и Пора не представить щеголами любовными, и «въ Корнелѣ рѣдко можно сыскать трагедію безъ такой люб- «ви, которая во многихъ мѣстахъ весьма нехорошо описана, «потому что положена не у мѣста, и ежели что-нибудь сему «подобное сыщется въ трагедіяхъ г. С. (Сумарокова), тому «причиною больше обыкновеніе нынѣшняго театра, нежели

«онъ... Многие и то г. С. (Сумарокову) причитываютъ въ «порокъ, что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подражалъ Расину. *Подражаніе есть лучшая стихотворства добродѣтель*: «Расинъ самъ очень много подражалъ Еврипиду, а г. Л. (Ломоносовъ) Гинтеру, котораго никакъ съ Расиномъ ни въ хо-рошемъ вкусѣ, ни въ возвышеніи мыслей, ни въ твердости сра-сужденій сравнять не можно. Я теперь сказать долженъ, «что оды одного, трагедіи, эклоги, а особливо притчи другаго «вѣчнаго почтенія достойны; однако одинъ, сдѣлавъ больше «другаго, у людей безпристрастныхъ имѣеть нѣкоторую от-«личность... Что-же вышло изъ рѣчей М.? То, что все го-«ворили: вивать лирикъ; онъ лучшій всѣхъ въ свѣтѣ стихо-«творцевъ, а С. (Сумароковъ) человекъ посредственнаго зна-«нія; но я почелъ рѣчь М. за справедливую, а особливо по-«тому, что *выхваляемый имъ стихотворецъ великій ему не-«приятель, вездѣ его ругалъ и ругаетъ, и мало ему не-«справедливымъ своимъ доношеніемъ жесточайшаго не при-«чинилъ злоключенія. М., о всемъ томъ зная и толь много* «отъ него претерпя, когда его хвалить, кажется, что въ та-«кой похвалѣ пристрастія быть не можетъ»*)).

Мы нарочно привели такую длинную выписку. Не смотря на тѣ одностороннія основы, какими тогда, подъ влияніемъ произ-веденій французской псевдоклассической школы, руководство-вались въ литературномъ судѣ, для насъ важень и поучителень въ этихъ уже отжившихъ мнѣніяхъ отголосокъ прошлой жизни.

Журнальные отзывы о Тредьяковскомъ мы привели выше. Не столь благосклонны были журналы къ Хераскову. Въ 1769 году издалъ онъ книжку своихъ стихотвореній подъ на-

*) «Адск. Почта», стр. 265—276. «Курьеръ», стр. 221—238. Въ другомъ письмѣ «Адская Почта» увѣряетъ, что М. выхваляетъ непріяз-неннаго ему стихотворца не изъ трусости, ибо «М. всегда *дѣло съ нимъ смѣривалъ*» (стр. 277).

званіемъ : «Философическія оды, или пѣсни Михайла Хера-скова» (печатаны при императорскомъ московскомъ университетѣ, въ 8-ю д. л.), на заглавномъ листѣ которой былъ изображенъ летящій Пегасъ. По поводу этихъ стихотвореній, въ «Смѣси» былъ напечатанъ слѣдующій разговоръ Меркурія съ издателемъ «Смѣси» : «я право не знаю, говорятъ Меркурій, «для чего Аполлонъ скупится давать Пегаса ; онъ нашъ братъ «безсмертной, и никакой стихотворецъ его не изъѣздитъ ; однако Аполлонъ очень рѣдкихъ на него сажаетъ. Да кстати «пришло, не хочешь ли посмотрѣть новыхъ пѣсень съ изображеніемъ Пегаса?» Издатель : «Я видѣлъ эту книжку, но не знак, для чего тутъ прилетенъ Пегасъ?» Мерк : «Ты видишь, что Пегасъ сердитъ и сшибъ съ себя сего писателя»¹⁾).

Журналы 1769 года болѣе всего вооружались противъ дурныхъ переводовъ, искажавшихъ не только красоту формы, но часто и смыслъ подлинника. Одинъ (говоритъ «Смѣсь»), переломавъ Виргиліеву Энеиду и испортивъ прекрасный слогъ сего писателя, думаетъ, что заслужилъ безсмертную славу ; другой изъ нѣжнаго Овидія сдѣлалъ несноснаго врага ; третій превратилъ Анакреона въ глупаго украинца²⁾. Говоря объ Овидіи и Виргиліевой Энеидѣ, «Смѣсь», кажется, намекала на переложеніе Майкова и на переводъ Энеиды (Василья Санковскаго), первая часть котораго вышла въ 1769 году³⁾. Из-

¹⁾ Стр. 163—4.

²⁾ Стр. 189. Смотри также «И то и сѣ», недѣля 49-ая. Противъ этого замѣчанія «Смѣси» Чулковъ (въ поэмѣ : «Плачевное паденіе стихотворцевъ») говоритъ, что критикъ не можетъ никому повредить, хотя и желаетъ :

Испорчены, кричить, на русскомъ Энеиды
И нинѣ Анакреонтъ — украинецъ, не грекъ,
Но сей премудрый мужъ, учоный человекъ
Не только Энеидъ, не смыслитъ и Эвдоны,
Понеже онъ у насъ похуже и Прадоны.

³⁾ «Опытъ историч. словаря Новикова», стр. 201.

датель «Пустомели» также не оставилъ безъ вниманія этого перевода. Распредѣляя музамъ новыя занятія, онъ насмѣшливо совѣтуетъ самому себѣ: «Калліопу сдѣлай приворотникомъ; украшенія всѣ съ нея оборви, она ихъ нынѣ недостойна; эпическіе стихи вырви изъ рукъ ея и брось, вмѣсто трубы дай ей рожокъ и прикажи напирать повѣсти о троянскихъ витязяхъ. Если жъ захочешь ты отвратить посѣщенія, которыя тебѣ, какъ новому воеводѣ (Парнаса) непременно прочими богами сдѣлаются, то прикажи ей читать одну изъ новыхъ книгъ; она конечно всѣхъ гостей рызаньемъ своимъ отгонитъ, ибо съ нѣкотораго времени Калліопы стала весьма обжорлива . . . Славныхъ авторовъ сдѣлай разнощиками, прикажи имъ по всѣмъ мѣстамъ продавать свои сочиненія и выхвалять ихъ, сколько возможно больше: имъ къ этому не привыкать . . . *«Виргилію, наклавиши полной мѣшкой нелѣпыхъ изреченій, прикажи ходить по рынку и продавать ихъ повольною цѣною»*»). Кто-то прислалъ въ «Трутенъ» эпиграмму на переводчика Энеиды, и она была напечатана:

Въ смущеніи творецъ труды свои читаетъ,
И, зря, что самъ писалъ, того не понимаетъ,
Блѣднѣетъ, сердится, судьбу свою клянетъ:
И, губы окусавъ, сивуху съ горя пьетъ;
Потомъ, какъ злой Зевесъ беретъ гремѣщи стрѣлы,
Онъ въ гнѣвъ, взявъ перо, разрушить всѣ предѣлы,
Начавъ съ російскими здѣсь Виргиліемъ «рвать».
Издатель! вотъ все то, что могъ тебѣ сказать.

Переводчикъ, по словамъ «Трутеня», раздраженный этими нападеніями, пожелалъ отмстить свою обиду. «По несчастію общему всѣхъ читателей, это случилось въ то самое время, когда онъ издавалъ въ печать книжку своего перевода. Тутъ-то онъ себя удовлетворилъ; ибо къ «книжкѣ, состоящей ме-

*) Стр. 17—19.

«иѣ трехъ листовъ, написалъ на четырехъ листахъ предисловіе, въ которомъ пространно утверждалъ, что критиковъ «еще люди злы. . . что онъ тѣ критики, яко *неистояробрѣльскую-щихся молодичей, малыми своими душевными добротами и слабоблещущими пылинками острою разума воспроизжелавшихъ посверкать, соблаговолеть уничтожатъ и презирать*, и что онъ на нихъ ни единого не будетъ отвѣтствовать слова: но забывшись исписалъ цѣлыя четыре стра-ницы»). «Смѣсь» смѣялась и надъ другими странными выражениями и неправильными оборотами, допущенными переводчикомъ Энеиды.

Она напечатала двѣ бранчивыя статьи, наполненныя разными нелитературными намеками. На пятнадцатомъ листѣ этого изданія сказано: «Клеонъ, превознесенный хвалами, думаетъ о себѣ, что онъ превосходитъ Пиндара за тѣмъ, что обучался риторикѣ въ какомъ-то монастырѣ и вытвердилъ наизусть *Виргилія*. Но не подумай того, читатель, чтобъ онъ писалъ согласно съ здравымъ разсудкомъ; онъ столько гордъ, что и разсудокъ презираетъ; ему нѣтъ до него нужды, а надобны только стопы и рифмы, ибо въ его стихахъ: *музыки ревъ бодритъ и нѣжитъ духъ; въ предсердіи кипитъ и кровь; герои всѣ локтѣми сверкаютъ, челою махаютъ, и духъ его героямъ плещетъ; надъ мыслей дѣюща понятность* и прочее сему подобное». Эти строки вызвали слѣдующее посланіе, подписанное буквами Н. Н.: «Господинъ сочинитель! Вашъ 15-й листъ заставилъ меня думать, кто таковъ сей вами описуемый стихотворецъ, который реветъ на лирѣ, мычитъ на трубѣ, а гремитъ на свирѣли, у котораго сѣрдца есть прихожая комната, *предсердіе* называемая, и который видѣлъ сверканіе локтей, можетъ быть, тогда, когда получалъ оплеухи (!). Наконецъ я догадался, куда вы

*) 1770 г., стр. 103, 131—2.

цѣлите. Знаете, почему онъ многими въ разумѣ похваляется? «Мнѣ кажется потому, что у насъ почти всѣ къ новостямъ охотники. У него разумъ а-ла-грекъ . . . Нѣкоторый господинъ пуще всего избаловалъ известнаго вамъ умника, что онъ больше имѣетъ способностей, нежели славный нашъ лирикъ (Ломоносовъ?). Но я смѣло скажу, дай Боже, чтобъ сей господинъ могъ порядочно разумѣть сего лирика, не только опредѣлять цѣну его знанію и его атестовать; по моему сходнѣе сказать, что муха равна со слономъ, нежели сравнивать нескладныя и на удачу писанныя его сочиненія съ одами славнаго нашего стихотворца. Теперь пошла мода на кривой толкъ и на самолюбіе. Сей мнимый умникъ со всѣмъ своимъ невѣжествомъ такъ гордъ, что, *не успѣвъ стѣсть на скамейку, говоритъ, что ему давно бы уже надлежало сидѣть на президентскихъ креслахъ*; но несчастіе въ томъ, что свѣтъ не знаетъ цѣны его достоинствъ. Однакожъ, многіе толкуютъ, что онъ будетъ великій человекъ. Онъ и теперь великій, но къ сему прилагательному существительное имя умалчиваю»¹⁾. Такъ безцеремонны были прежніе критики!

«Всячина», «Смѣсь», «Трутень», «Адская Почта» и «Пустомеля» единогласно возставали противъ переводовъ Владимира Лукина²⁾, который въ 1768 году напечаталъ двѣ комедіи, переведенныя имъ съ французскаго: *Тестъ и зять* («*Depuis et Deronnais*» par Collé) и *Разумный вертопрахъ* («*Le Sage étourdi*», par Boissy). Обѣ пьесы были играны во время масленицы на театрѣ, но приняты публикою неблагосклонно, потому что неточность перевода и неправильное употребленіе нѣкоторыхъ безпрестанно-повторяемыхъ выраженій помѣшали хорошему исполненію ихъ на сценѣ. А. В. Храповицкій при-

¹⁾ Стр. 119—120, 131—3.

²⁾ О Лукинѣ смотри интересную статью г. Пыпина въ «Отечеств. Записк.» 1833 г., № 8 и 9.

слалъ во «Всячину» отъ имени дѣвицы письмо ¹⁾, въ которомъ, увѣряя, что Колле въ пьесѣ «Тестъ и зять» также обезображенъ, какъ Фенелонъ въ Телемахидѣ Тредьяковскаго, онъ смѣется надъ интригою комедіи Лукина и рассказываетъ объ одной своей пріятельницѣ, заболѣвшей во время ея представленія. «Дама эта отъ природы была чрезвычайно чувствительна и нѣжна. Лишь открыли занавѣсу, она задумалась, и «по окончаніи нѣсколькихъ явленій спрашивала, по какимъ «театральнымъ правиламъ актеры часто кричатъ: *а! а!* и что «сіе значитъ? также для чего Исидоръ, называя за глаза любовницу свою Софьею Менандровною ²⁾, самой ей всегда говоритъ: *Софья! а, Софья! я тебя прямо обожаю.* Комедія передѣлана на наши нравы и дѣйствіе происходитъ въ «Петербургѣ; однако здѣсь любовники такъ не говорятъ. Поэтому она жаловалась, что безпрестанныя *а! а!* разломали «ей голову. Наконецъ увидя, что Софья Менандровна, представляющая двадцатипяти-лѣтнюю дѣвицу, пошла, заплакавъ «о томъ, что хотя вѣрно обѣщали выдать ее замужь, но зачѣмъ не выдаютъ въ тотъ самый день, она столько сему «смѣялась, что подступило къ ней колотье, и послѣ комедіи «привезли ее домой больною. Теперь ей полегче, и она смѣется плачущему Менандру Васильевичу, который, назначивъ «свадьбу завтра, говоритъ, что въ исполненіи сего обѣщанія «не ручается, кое, по видимому, сдѣлалъ только для окончанія «комедіи. Впрочемъ, можно думать, что какъ Исидоръ *прямо «обожаетъ Софью Менандровну*, такъ Менандръ Васильевичъ «прямо до своей смерти ихъ не обвиняетъ; почему же онъ «названъ *прямо тестъ*, а Исидоръ *прямо зять?*» ³⁾ Дѣйстви-

¹⁾ «Сумароковъ и современ. ему критика», стр. 255.

²⁾ Исидоръ, Софья Менандровна и Менандръ Васильевичъ — дѣйствующія лица въ комедіи: «Тестъ и зять».

³⁾ Стр. 44—45, 78.

тельно комедія «Тестъ и зять» наполнена безпрерывными восклицаніями: *a! a!* и неуиѣстнымъ потвореніемъ слова: «прямо». Критика того времени почти исключительно обращала вниманіе на языкъ и ограничивалась замѣчаніями о неправильности оборотовъ и выраженій; болѣе-серьезной цѣли она еще не сознавала, или сознавала ее весьма слабо. Въ «Трутнѣ» напечатано было письмо, въ которомъ ловко пародированы манера и слогъ Лукина¹⁾; въ этомъ же изданіи появились прогнѣтъ Лукина и Федора Козельскаго слѣдующіе стихи:

Издатель! многіе глупцы тебя ругаютъ,
 Затѣмъ, что твари тѣ и разумъ отвергаютъ;
 Ты долженъ сомнѣше вралей всѣхъ презирать.
 Никто не запретитъ бумагу имъ марать.
Разумный вертопрахъ съ Пантеею ²⁾ свидѣтель,
 Какой имъ даръ писать парнасскій далъ владѣтель;
 Но думаютъ они, что всѣхъ тѣмъ веселятъ,
 И забываютъ то, что музы не велятъ
 Несмысленнымъ творцамъ врать мерзкими стихами...
 Д* (Лукинъ) съ своимъ худымъ ты слогомъ и невольнымъ
 Читателя зови хоть сто разъ благосклоннымъ
И въ предисловіи хоть въ нош поклонись ³⁾,
 Или за сіи слова со мною побранись,
 Что худо пишешь ты — всегда скажу я смѣло,
 Что *a!* на мѣсто *ax!* успѣха не имѣло,
 Что *какъ-ли-ни* ⁴⁾ твоихъ нигдѣ не напишу
 И противъ истини во вѣкъ не погрѣшу ⁵⁾.

«Смѣсь» съ насмѣшливою откровенностью увѣряетъ, что въ обѣихъ комедіяхъ Лукина много пустыхъ словъ и въ награду за то очень мало смысла, что «*sage étourdi*» обратился у него

¹⁾ 1769 г. стр. 18—27.

²⁾ Пантея, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Ф. Козельскаго. Спб. 1769 г. Новиковъ отзывается объ этой пьесѣ неблагоклонно.

³⁾ Намѣкъ на длинныя предисловія къ комедіямъ, изданнымъ Лукинымъ.

⁴⁾ Выраженіе, часто встрѣчаемое въ комедіяхъ Лукина.

⁵⁾ 1769 г. стр. 132—3.

изъ разумнаго повѣсы въ несноснаго враля, что трагедія Козельскаго «самая несчастная», что въ ней нельзя похвалить ни единого стиха и что, наконецъ, самъ авторъ едва-ли ѣзжалъ на Пегасъ¹⁾).

«Адская Почта» напечатала такой разсказъ объ одномъ сочинителѣ комедій, въ которомъ видно намѣреніе представить Луккина. «Онъ (говорить «Почта») бранитъ всѣхъ комедіантовъ, утверждая, что они портятъ комедіи, не представляя оныя такъ, какъ надобно. Ему съ нимъ разговаривающій «сказалъ, что наши комедіанты въ томъ невиноваты, что имъ «дурнаго сочиненія хорошимъ представить не можно, что «здѣшніе нѣкоторые актеры и актрисы дѣлаютъ честь нашему театру и что, конечно, онъ за то ихъ возненавидѣлъ, что «здѣшній весьма хорошій актеръ (Дмитревскій), съѣздивъ въ «Парижъ, пріѣхалъ еще лучшимъ, а онъ, будучи неудачливымъ сочинителемъ, *возвратился изъ Парижа*²⁾ худшимъ «авторомъ, нежели какъ былъ прежде. Ты лжешь, съ гнѣвомъ отвѣчалъ сей авторъ, у меня есть пьеса, которую и «Мольеръ бы похвалилъ, или бы еще оной позавидовалъ, если «бы былъ живъ... Потомъ, вынувъ изъ кармана свое сочиненіе, съ такимъ восхищеніемъ, шумомъ, крикомъ, бѣшенствомъ, воздыханіемъ и хохотаніемъ оное читалъ, что, если «бы то было въ Англіи, то посадили бы его въ шальной домъ. «Прочетши нѣсколько явленій, привелъ въ великій смѣхъ съ «нимъ спорящаго. Тогда сей авторъ сказалъ смѣющемуся : ты «глупъ, ничего не смыслишь, вкуса въ театрѣ не знаешь, сочинять не умѣешь, театральныя правила тебѣ неизвѣстны. «Соперникъ его, видя, что такой чрезвычайный жаръ требуетъ охлажденія, вылилъ ему въ глаза стаканъ воды... Не-

¹⁾ Стр. 69, 163—4.

²⁾ См. статью Пыпина въ «Отеч. Зап.» 1853 г., № 8, стр. 65—66.

«давно нѣкоторый сочинитель мало не покритиковалъ его доброю великороссійскою пощечиною за то, что бранилъ при людяхъ того, у котораго сей сочинитель въ повелѣніи»¹⁾. Трудно повѣрить въ наше время возможности подобныхъ сценъ; но если въ литературѣ допускались брань и личности, нарушавшія всѣ приличія, то до чего могло довести раздраженное самолюбіе писателей, при ихъ враждебныхъ встрѣчахъ въ обществѣ?

Въ защиту Лукина «Всячина» стала, вопреки Храповицкому, утверждать, что при тогдашнемъ состояніи просвѣщенія гораздо полезнѣе поощрять литераторовъ и переводчиковъ, нежели строго критиковать ихъ, и что ради двухъ или трехъ непривычныхъ выраженій нельзя признать весь переводъ дурнымъ²⁾. Эта апологія вызвала возраженіе Сумарокова (въ журналѣ «И то и сѣ»), который, какъ извѣстно, сильно не ладилъ съ Лукинымъ; онъ настаивалъ на той мысли, что труднѣе критиковать со вкусомъ, нежели сочинять безъ всякаго вкуса, и что просвѣщеніе у насъ вовсе не въ такомъ печальномъ положеніи, какъ думаетъ господинъ защитникъ; ибо Теофановы проповѣди, похвальное слово императрицѣ Елизаветѣ и нѣкоторыя строфы Ломоносова, проповѣди исковскаго и тверскаго архіереевъ и троицкаго архимандрита не показываютъ «парнаскаго младенчества въ Россіи», и одобреніе худымъ писателямъ, хотя бы и молодымъ, не нужно; въ комедіяхъ же Лукина погрѣшности не мелкія, а самыя крупныя и непростительныя.

Но этимъ не кончились литературныя истязанія Лукина; насмѣшки надъ нимъ продолжались и въ 1770 году. Издатель «Пустомели», осмѣивая современныя трагедіи и комедіи

¹⁾ Стр. 155—7.

²⁾ «Всякая Всячина», стр. 46.

Лукина, совѣтуетъ такъ распорядиться съ музами: «Плакси-
 «вую Мельпомену одѣнь въ платье изъ трагическихъ листовъ;
 «въ одну руку дай ей чернилицу съ перомъ вмѣсто кинжа-
 «ла, а другою прикажи чаще размахиваться, бить себя по
 «лицу и безпрестанно кричать: *ахъ, увы, поибло все!*...
 «Талию — о! эту насмѣшницу надобно хорошенько помучить;
 «до сего времени она всѣхъ осмѣивала, но ты сдѣлай такъ,
 «чтобы всѣ на нее глядя смѣялись. Платье шей ей гаерское,
 «въ руку вмѣсто маски дай ей вызолоченный пузырь съ горо-
 «хомъ и *заставь читать Л** (Лукина) комедии*, которыхъ
 «она терпѣть не можетъ и которыя ее, конечно, измучать».
 Въ другомъ мѣстѣ издатель «Пустомели» дѣлаетъ такой от-
 зывъ о произведеніяхъ Лукина: «Если когда-нибудь тебѣ, чи-
 «татель, случилось быть въ бесѣдѣ съ пустомелею, который
 «безпрестанно болтаетъ, а самъ никого не слушаетъ, или...
 «наконецъ, со стихотворцемъ, который ровняетъ себя со слав-
 «ными російскими писателями и говорить только о чищеніи
 «россійскаго языка, похвалу себѣ и хулу другимъ, и которое
 «чищеніе разумные люди называютъ порчею російскаго, безъ
 «порчи прекраснаго нарѣчія, итакъ если господинъ читатель
 «съ сими людьми когда-нибудь бывалъ, такъ ты знаешь: ка-
 «ковы они несносны. Таковъ-то несносенъ былъ я самъ себѣ
 «(задумавъ трудное предпріятіе издавать журналъ), или еще
 «столько, сколько несносны *Талии Л** (Лукина) комедии*»*).

Чулковъ, нападая на дурныхъ переводчиковъ, въ то-же
 время замѣчалъ, что появилась мода выдавать переводы за со-
 чиненія оригинальныя; писатели болѣе думаютъ о минутномъ
 успѣхѣ, нежели о дѣйствительной славѣ; «они таскаютъ изъ
 «разныхъ сочиненій и, выдавая оныя подъ своимъ именемъ, ни

*) Стр. 13—17, 90—91.

«мало не страшатся быть уличены въ похищеніи чужаго «добра»¹⁾).

Въ избранную нами эпоху драматическія произведенія, составляющія репертуаръ столичныхъ театровъ, болѣею частью были переводныя или передѣланныя съ французскаго языка; вездѣ было подражаніе произведеніямъ такъ-называемой псевдоклассической школы и весьма мало оригинальности: герои и героини трагедій сопровождались непремѣнными наперсниками и наперсницами; въ комедіяхъ пронырливые и бойкіе слуги и служанки разсуждали, остряли и заправляли всѣмъ дѣйствіемъ съ истинно-французскою свободою; всѣ условныя сценическіе приемы соблюдались строго. Особенною славою въ это время пользовались драматическія сочиненія Сумарокова и сценическій талантъ актера Дмитревскаго, который игрою своею исторгалъ общую дань удивленія. «Смѣсь» говоритъ о немъ, какъ о первомъ русскомъ артистѣ, достойномъ соперникѣ Гарика и Лекеня; къ этому она присоединяетъ, что Дмитревскій въ трагедіяхъ не только равнялся по таланту своему съ Лекенемъ, но даже превосходилъ его силою любовной страсти, въ чемъ будто признавались и сами французы. Чтобъ сдѣлаться Дмитревскимъ, надо (по словамъ «Смѣси») родиться актеромъ; когда онъ являлся въ роли Мизантропа, то, глядя на его игру, ни о чемъ болѣе нельзя было думать, какъ только о Мизантропѣ. Въ честь Дмитревскаго въ этомъ журналѣ напечатано слѣдующее четверостишіе:

*Dmitrewsky, des talens possédant l'avantage,
 Elève son théâtre dont il fait tout l'honneur:
 Comme Garick ou Le-Kain, il charme et parle au coeur,
 Et du français surpris enlève le suffrage²⁾.*

«Пустомеля» сообщаетъ любопытныя для насъ указанія объ

¹⁾ Недѣля 5, 41.

²⁾ Стр. 23, 55—56.

игрѣ Дмитревскаго и Троепольской, которыя и передаемъ здѣсь вполнѣ :

Въ июньскомъ выпускѣ : «*Изъ Москвы*. Г. Д***, актеръ «придворнаго російскаго театра, прїѣхавъ къ намъ, столько «надѣлалъ шуму, что во всемъ городѣ только и разговоровъ, «что о немъ; и подлинно московскіе жители увидѣли въ немъ «славнаго актера. Онъ игралъ въ *Семиръ* — Оскольда и всѣхъ «зрителей плѣнилъ; въ *Евгеніи* комедіи — графа Кларандо- «на : искусство, съ какимъ онъ сей роль представлялъ, при- «нудило зрителей оную комедію просить еще три раза, въ «чемъ они были удовольствованы, и въ каждое представленіе «въ новое приходили восхищеніе ; казалось, будто искусство «г. Д*** по степенямъ еще больше возрастало. Надобно от- «дать справедливую похвалу и господину переводчику сей ко- «медіи ; ибо онъ всѣ красоты, находящіяся въ подлинникѣ, со- «хранилъ и на російскомъ языкѣ. Г. Д*** игралъ еще *Вы- «шеслава* и *Ревниваго* съ равномѣрною же отъ всѣхъ похва- «лою, а еще ожидаютъ представленія *Хорева* и *Беверлей*. «Зрители собиралися въ театръ въ такомъ множествѣ, что «многіе, по причинѣ великой тѣсноты, не могли получать «билетовъ, если хотя мало опаздывали. Наконецъ, должно «сіе заключить тѣмъ, что г. Д*** московскихъ жителей уди- «вилъ, привелъ въ восхищеніе и заставилъ о себѣ говорить «по малой мѣрѣ два мѣсяца»*).

Въ июльскомъ выпускѣ : «*Въ Санктпетербургѣ*. Недавно

*) Стр. 49—51. «Семира», «Вышеславъ» и «Хоревъ» трагедіи А. Сумарокова; «Ревнивый, изъ заблужденія выведенный», комедія Кампистрона, переведенная съ французскаго въ 1764 г. М. «Беверлей», трагедія, переведенная И. Дмитревскимъ; «Евгенія» (comédie или drame larmoyante), соч. Бомарше, перев. въ 1770 г. Ник. Пушкиновымъ. Представленіе «Евгенія» было причиной неудовольствій Сумарокова съ московскою публикою.

«здѣсь на придворномъ императорскомъ театрѣ представлена была *Синавъ и Труворъ* — трагедія г. Сумарокова. Трагедія сія играна была по переправленному вновь господиномъ авторомъ подлиннику. Нѣтъ нужды выхвалять сего почтеннаго автора сочиненій; они такъ хороши, что кто только ихъ читалъ и кто имѣетъ разумъ, то все ему, отдавая справедливую похвалу, удивляются... Чтожь касается до актеровъ, представлявшихъ сію трагедію, то надлежитъ отдать справедливость, что г. *Дмитревскій* и г-жа *Тропольская* привели зрителей въ удивленіе. Нынѣ ужъ въ Петербургѣ неудивительны ни Гарики, ни Лекены, ни Госсенши. Приѣзжающіе вновь французскіе актеры и актрисы то подтверждаютъ. Со всемъ тѣмъ нельзя пропустить, чтобы не замѣтить слабость и пристрастіе къ французамъ одного господина, который во время представленія сей трагедіи, когда г. Д. и г-жа Т. зрителей искусствомъ своимъ восхищали, онъ воздыхаячи сказалъ: *жалъ, что они не французы; ихъ бы можно почесть совершенными и родскими въ своемъ искусствѣ*. Черезъ нѣсколько дней, когда представлена была французская піеса, то сей господинъ не смогъ выдержать ни чрезмѣрной радости и восхищенія, ни также чрезмѣрнаго и смѣшнаго своего пристрастія, дѣлая похвалу французскимъ актерамъ, и хотя комедія играна была смѣшная, однакожь онъ собою гораздо больше дѣлалъ смѣха*).

По свидѣтельству повѣсти, помѣщенной въ «Пустомелѣ», на театрѣ чаще всего представляемы были: «Привидѣніе съ барбаномъ, или пророчествующій женатый» (переводъ съ французскаго А. Нартова); «Новопріѣзжіе» (соч. Леграна, переводъ А. Волкова, М. 1759 г.); комедіи Мольера: «Скапиновы обманы», «Лѣкарь по неволѣ», «Жоржъ Дандинъ», «Мнимый

*) Стр. 109—110.

рогоносецъ», «Принужденная женитьба» и подобныя *смыслы* комедіи¹⁾). Такимъ образомъ театръ держался передѣлками съ французскаго, Мольеромъ и пьесами Сумарокова.

Таковъ былъ взглядъ современниковъ на Дмитревскаго; но трудно сказать, на сколько было справедливо это увлеченіе и эти похвалы. XVIII-й вѣкъ вносилъ такъ много условнаго въ свои сужденія объ искусствѣ! Пѣвучая декламация и заучоныя торжественныя позы и жесты могли для зрителей того времени замѣнять живую и всегда простую природу. Сохранились преданія, что Дмитревскій, умный, вѣжливый и тонкій придворный, вовсе не былъ превосходнымъ актеромъ, не любилъ естественности и не обладалъ сильными чувствами²⁾). Но тогда иначе смотрѣли и на драму, и на сценическое искусство, и на Дмитревскаго.

Публикою и поведеніемъ ея въ театрѣ, журналы вообще не совсѣмъ были довольны. «Всячина» печатно жаловалась на тѣхъ, которые, проповѣдуя о тишинѣ французскаго театра, мѣшаютъ слушать въ русскомъ и не даютъ внимательно слѣдить за превосходною игрою Дмитревскаго (въ трагедіи «Синавъ»). Наши дворяне, замѣчаетъ «Всячина», и большая часть молодыхъ людей обыкновенно увѣряютъ, что они великіе охотники до театральныя представленія, и почитаютъ себя знатоками въ этомъ дѣлѣ. «Едва услышатъ они о новой драмѣ, то уже толпами собираются въ театрѣ и съ нетерпѣливостію дожидаются дѣйствія. Но какое имѣютъ они при томъ намѣреніе? Чтобы примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры, «ни представляемые. Они болѣе берутъ участія въ неболь-

¹⁾ Стр. 32—33. О театрѣ и тогдашнихъ актерахъ: Дмитревскомъ, Шумскомъ, Поповѣ и Михайловой сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія Луккинымъ въ предисловіяхъ къ его комедіямъ.

²⁾ «Москвитинищъ» 1853 г., № 3 (Дневн. студента), и «Комета», альманахъ 1851 г. (второй разсказъ г. Щепкина).

«сихъ спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ
«тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ комкъ они намъ
«являются. Какъ Дмитревскій, ле-Сажъ, или Троепольская,
«Мартеньша и проч. одѣты были, ихъ голоса, движенія, осан-
«ска — составляютъ предметъ многочисленныхъ разговоровъ.
«Но Синава жестокая страсть, погубившая брата его, любов-
«ницу и его самого, Гарпагонова гнусная скупость, Магоме-
«тово злодѣйство и ложью ослѣпленное суевѣріе, ополчающія
«руки чадъ на родителя, исправленіе мота¹⁾, словомъ, всѣ сіи
«живо изображенные характеры, вымышленные стихотворцами,
«возбуждающіе въ насъ благородныя чувства, исправляющіе
«наши нравы... предаются молчанію и столь мало внимаются,
«будто бы никакого примѣчанія не заслуживаютъ. Иные при-
«нуждаютъ себя казаться знающими въ драматическихъ сочине-
«ніяхъ и любителями оныхъ и говорятъ, что балетъ только отъ
«скуки смотреть; но со всѣмъ тѣмъ можно видѣть, что ничто
«имъ больше онаго не нравится»²⁾. Въ «Вечерахъ» было помѣ-
«щено письмо такого содержанія: «Господа издатели! усердѣй-
«ше прошу васъ дать пристойно восчувствовать нашимъ сограж-
«данамъ, въ чемъ состоитъ цѣль въ установленіи театровъ, и
«что на таковыя позорища, какъ комедія и трагедія, ѣздятъ,
«чтобъ слушать, а не только глядѣть, или себя казать и смот-
«рѣть другихъ, и что благоразумное воспитаніе учитъ въ со-
«браніяхъ, гдѣ чего-бы-то ни было и какое-либо сообщество со-

¹⁾ «Синавъ» трагедія Сумарокова; «Гарпагонъ» (Скупой), комед. Мольера; «Магометъ», траг. Вольтера; «Мотъ, любовью исправлен- ный», комедія Лукина, имѣвшая значительный успѣхъ на сценѣ; ибо авторъ, по свидѣтельству Новикова («Опытъ истор. словаря», стр. 131), вывелъ «два смѣшныя подлинника, которыхъ представлявшіе ак- теры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужим- ками, тѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зри- телей весьма много смѣшили».

²⁾ Стр. 120, 420—423.

«бралось слушать, если самъ слушать не хочешь, то другимъ не смѣшать. Мнѣ случилось быть въ театрѣ, когда русскаго «Бе-верлея» представляли; истинно съ крайнею прискорбною слышала: во первыхъ, что не умолкали говорить; многія дамы для прохладенія медку изъ караульни посылали просить, другія кушали, наконецъ въ театрѣ хототали, на чтѣ, конечно, другой причины тѣмъ забавнымъ людямъ не было, какъ только названіе комедіи, въ которую, по ихъ мнѣнію, надлежитъ смѣяться... Молчаніе и тихость не прежде возстановились, когда въ самомъ дѣлѣ только глазами, а не слухомъ вниманіе имѣть должно, то есть въ балетѣ. Размышляя о семъ, мнѣ пришла на умъ и та неутѣшная мысль, что намъ предъ чужестранными и тѣмъ извиниться не можно, что «парадись, или въ другихъ мѣстахъ партеръ, всякого состоянія людьми въ вольныхъ позорищахъ наполняется, потому что въ императорской театрѣ, кромѣ благородныхъ, положено не впускать, почему титулованныя особы суть одни въ немъ зрители»¹⁾. Сумароковъ жаловался на московскую публику, что она съѣзжается въ театрѣ грызть орѣхи и кричать²⁾, а Лукинъ — на петербургскую, которая во время представленій (по его словамъ) сморкается, разговариваетъ и шумитъ.

Переводы и передѣлки французскихъ драматическихъ произведеній, выведившихъ на сцену болѣе или менѣе чуждые намъ нравы и обыкновенія, не могли удовлетворять людей съ сколько-нибудь вѣрнымъ эстетическимъ тактомъ. Лукинъ, извѣстный своими передѣлками съ французскаго, уже самъ чувствовалъ недостаточность подобныхъ подражаній; въ предисловіяхъ къ своимъ комедіямъ онъ высказываетъ мысль о необходимости дать комедіи болѣе самобытное, народное зна-

¹⁾ Ч. 2, стр. 67—68.

²⁾ «Поли. собр. сочин. Сумарокова», ч. VII, стр. 352.

ченіе. «Мнѣ (говорить онъ) всегда несвойственно казалось «слышать чужестранныя рѣченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя должны изображеніемъ нашихъ правовъ исправлять не столько общіе всею свѣта, но болѣе частныя *нашего народа пороки*... Многіе зрители отъ комедій въ чужихъ правахъ не получаютъ никакого поправленія; они «мыслятъ, что не ихъ, а чужеземцевъ осмѣиваютъ». Лукинъ удивляется, что дѣйствующія лица драматическихъ пьесъ изъясняются не въ нашихъ правахъ, одѣваются въ незнакомыя намъ одежды; что въ комедіяхъ являются нотариусы для заключенія неизвѣстнаго у насъ брачнаго контракта; что слуги и служанки, выводимыя на сцену, болѣе похожи на нашихъ петиметровъ и свѣтскихъ дамъ, нежели на слугъ¹⁾).

Потребность въ народномъ театрѣ живо ощущалась и открыто высказывалась въ тогдашнихъ журналахъ, выступившихъ на защиту русской національности противъ односторонности и крайностей французскаго вліянія. «Я думаю, замѣчаетъ «Всячина», что не въ однихъ книгахъ должно держаться правила, *чтобъ русскимъ представлять русскія умоначертанія*, но и въ позорищахъ; ибо маркизъ на русскомъ театрѣ уши деретъ, а къ свадебному контракту тетушка моя «и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться; незнакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые»²⁾. «Кощелекъ» убѣждалъ, что даваемые на сценѣ де-Тушевы и другія комедіи мало принесутъ пользы и что на театрѣ народномъ необходимо должны быть представляемы такія пьесы, «которыя бы главною своею цѣлью имѣли *народную забаву*»³⁾).

¹⁾ «Переводы и сочин. В. Лукина», ч. 2 (предисловіе къ «Наград. постоянству»).

²⁾ Стр. 552.

³⁾ Стр. 81—82.

Трагедіи псевдоклассической школы также не могли постоянно и всѣмъ нравиться; видѣть челоуѣка, по выраженію одного журнала, въ старинномъ римскомъ кафтанѣ, во французской шляпѣ и въ русскихъ лаптяхъ на босую ногу — смѣшно, а не трогательно ¹⁾.

При такомъ настроеніи образованнаго общества въ пользу народнаго театра, комедіи фонъ-Визина и императрицы Екатерины II-й должны были вызывать, и дѣйствительно вызвали большое сочувствіе и имѣли огромный успѣхъ. «Трутенъ», «Адская Почта» и «Пустомеля» встрѣтили единодушными похвальными отзывами литературные труды фонъ-Визина. «У насъ «теперь въ городѣ довольно хорошихъ сочиненій, сказано «въ Почтѣ». Читалъ я театральныя сочиненія Н. ²⁾ и В. (фонъ-Визина); въ одномъ изъ нихъ больше интриги и правоучительныхъ разсужденій, а въ другомъ — острыхъ словъ и прекрасныхъ шутокъ; одинъ изъ нихъ писалъ больше на вкусъ Дидеротовъ, а другой на Мольеровъ; въ обоихъ сихъ сочиненіяхъ рѣдкости (не хочу сказать невозможности) — у одного «въ добродѣтели, а у другаго въ порокахъ; однако обоихъ сочиненія немалой похвалы достойны. . . Немногіе здѣсь имѣютъ дарованіе такъ хорошо шутить, какъ В.» ³⁾. Въ «Трутнѣ» 1769 года находимъ такое извѣстіе: «Здѣсь (на Парнастѣ) все «въ великомъ замѣшательствѣ: славные стихотворцы, обезображенные худыми переводами, чрезвычайно огорчились и «просили Аполлона о заступленіи. Всѣ музы, прославленные «въ Россіи г. С. (Сумароковымъ), приходили къ своему отцу

¹⁾ «И то и сѣ», недѣля 49-ая

²⁾ Не должно ли здѣсь разумѣть С. В. Нарышкина, который сочинилъ комедію: «Истинное дружество» во вкусъ Дидеротовомъ? (См. о три «Опытъ историч. слов.», стр. 147.) Комедія эта въ свое время заслужила многія похвалы.

³⁾ Стр. 277.

«и со слезами жаловался на дерзновение молодых писателей: Мельпомена и Талия проливали слезы и казались неутѣшными. Великій Аполлонъ увѣрялъ ихъ, что сіе сдѣлалось безъ его позволенія . . . и показалъ Талии новую русскую комедію ***, сочиненную однимъ молодымъ писателемъ. (Рѣчь, вѣроятно, идетъ о «Бригадирѣ»). Талия, прочитавъ «оную, приняла на себя обыкновенный свой веселой видъ, и «сказала Аполлону, что она сего автора съ удовольствіемъ «признаетъ законнымъ своимъ сыномъ. Она записала его имя «въ памятную книжку, въ число своихъ любимцевъ»¹⁾).

Но особенно-любопытенъ отзывъ о фонъ-Визинѣ, напечатанный въ видѣ примѣчанія къ его *Посланію къ слугамъ*, въ июльскомъ выпускѣ «Пустомели». Вотъ это интересное примѣчаніе:

«Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о имени автора сего «Посланія»; перо, писавшее сіе, россійскому учоному свѣту и всѣмъ любящимъ словесныя науки «довольно извѣстно. Многія письменныя сего автора сочиненія носятся по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ «удовольствіемъ и похваляются сколько за ясность и чистоту «слога, столько за остроу и живость мыслей, легкость и «пріятность изображенія; словомъ, если обстоятельства автору сему позволятъ упражняться въ словесныхъ наукахъ, «то не безъосновательно и справедливо многіе ожидаютъ увидѣть въ немъ россійскаго Буало. Его комедія *** столько «по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лучшаго и Мольеръ во Франціи своимъ комедіямъ не видалъ принятія и не желалъ; но я умолчу, дабы «завистниковъ не возбудить отъ сна, послѣднимъ благоразуміемъ на нихъ наложеннаго»²⁾).

¹⁾ Стр. 138—9, 184.

²⁾ Стр. 104—5. Этими свѣдѣніями, къ сожалѣнію, никто изъ писавшихъ о фонъ-Визинѣ не пользовался.

Еще полнѣе и откровеннѣе высказалъ издатель журнала «Трутенъ» свое теплое сочувствіе и благородное уваженіе къ прекрасной комедіи, сочиненной императрицею Екатериною Великою, подъ заглавіемъ: «*О, время!*» Посвящая своего «Живописца» неизвѣстному сочинителю комедіи: «*О, время!*» Новиковъ говорить :

«Государь мой! я не знаю кто вы; но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности. Ваша комедія *О, время!* троекратно представлена была на императорскомъ придворномъ театрѣ, и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. И какъ не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такимъ искусствомъ и острою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе, и вы первый достойны по справедливости великія похвалы, въ представленіе вашей комедіи оказанныя. Продолжайте, государь мой, къ славъ Россіи, къ чести своего имени и къ великому удовольствію единосемцевъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ Мольеровымъ. Слѣдуйте-жъ его примѣру: взгляните безпристрастнымъ окомъ на пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще простиранное поле къ прославленію вашему осталось. Истребите изъ сердца своего всякое пристрастіе, не взирайте на лица; порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ презрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣиваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть причины роптать, что пороки въ бѣдности только единой пе-

«ромъ вашимъ угнѣтаются; а превосходительство, удрученное пороками, въ первой разъ въ жизни своей восчувствуетъ равенство съ низкостепенными. Вы первый достойны показать, что дарованная вольность умамъ российскимъ употребляется въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя, имя — всеобщія достойное благодарности? я никакія не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя только стоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? — Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благородная смѣлость опасаться угнѣтенія въ то время, когда, ко счастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, владычествуетъ нами премудрая Екатерина?... Но можетъ быть особенныя причины принуждаютъ васъ укрывать свое имя; ежели такъ, то не тшусь проникать оныхъ. И хотя имя ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, однакожь почтеніе мое къ вамъ никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію вамъ журнала, подъ названіемъ «Живописца». Примите, государь мой, сей знакъ благодарности отъ единоплеменца вашего»¹⁾).

Государыня отвѣчала слѣдующимъ посланіемъ, напечатаннымъ на листахъ «Живописца»:

«Государь мой! Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная мною комедія: *О, время!* таковой имѣла успѣхъ, каковымъ вы меня увѣряете; а тѣмъ паче не воображалъ себя той чести, которую вы приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ листовъ мнѣ сдѣлали. Комедию мою сочинилъ я, живучи въ уединеніи²⁾ во время свирѣпствовавшей язвы, и при сочине-

¹⁾ Ч. I, стр. 3—7 (1-го изд.)

²⁾ Императрица Екатерина II написала въ бытность свою въ 1772 году въ Ярославль три комедіи: «О, время!», «Имянины госпожи Ворчалкиной» и «Госпожа Вагнникова съ семейю». «Живописецъ» (ibid.

«ни оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни «откуда, кромѣ собственной моей семьи; слѣдовательно, не «выходя изъ дому своего, нашель въ немъ одномъ къ состав- «ленію забавнаго позорища¹⁾ довольно обширное поле для «искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почи- «таю. Что до меня касается, я никакихъ ни требованій, ни «желаній не имѣю. Пишу для собственной своей забавы, и «если малыя сочиненія мои приобрѣтутъ успѣхъ и принесутъ «удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награж- «денъ буду. Напротивъ того, если услышу, что нѣтъ въ «нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавида праздно- «сть, «отъ писанія и не воздержуся, однакожъ выдавать ихъ болѣ «не стану. Имени своего я не скрываю, но и не напишу его, «дабы въ первый разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи ко- «медій, чтѣ для меня самого было бы комедіею; а прибыли въ «томъ никому нѣтъ — Карпомъ ли, или Сидоромъ меня зовутъ. «Итакъ, оставя сіе, позвольте мнѣ включить здѣсь нѣкоторое «примѣчаніе на недавно-сочиненную мною комедію, названную «*Имянины юспожи Ворчалкиной*. Дошло до меня, что нѣ- «которые критики за непристойно поставляютъ, что г. *Фир- «лифюшковъ* за безстыдное словонесдержаніе наказанъ пал- «кою. Говорятъ они, что какъ дескать *дворянина* за безчест- «ное дѣло бить палкою? Я не стану приводить здѣсь бывало ль «такое гдѣ-нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять «поступокъ *Геркулова*²⁾. Онъ дѣйствительно въ обыкновен-

«стр. 45—46) напечаталъ извѣстіе изъ Ярославля: «Въ нашемъ городѣ «сочиненныя комедіи представляются въ С. Петербургѣ на придворномъ «россійскомъ театрѣ, принимаются съ превеликою похвалою и почи- «таются лучшими комедіями въ россійскомъ театрѣ. И мы можемъ «хвалиться, что Ярославль первый изъ городовъ россійскихъ обогатилъ «русской театрѣ тремя комедіями въ нашихъ нравахъ».

¹⁾ Своєю семьею Екатерина Великая называла всю Русь.

²⁾ Фирлифюшковъ и Геркуловъ — дѣйствующія лица въ комедіи «Имя-

«номъ общежитіи жестоко. Но себя я легко оправдать могу, сославшись на самое уложение. Въ немъ господа критики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣлство люди подвергаются.» Письмо это подписано такъ : «вашъ охотный слуга, сочинитель комедіи : О, время!»¹⁾

Такъ защищала Екатерина Великая свои произведенія отъ неудачныхъ критическихъ замѣчаній, какія позволяли себѣ высказывать близорукіе представители тогдашняго моднаго свѣта. Одностороннія мнѣнія современныхъ петиметровъ и шеголихъ, приверженцевъ французской литературы, ловко осмѣялъ «Живописецъ» въ своихъ сатирическихъ письмахъ. Въ одномъ письмѣ слышится такой голосъ : «все похвалы давно уже истощены не знаю какому-то сочинителю комедій : *О время, Иманинъ, Вѣстниковой* — сносно ли это ! Я бѣшусь и прихожу въ отчаяніе ! вотъ до чего мы дожили, вотъ какой вкусъ въ комедіяхъ утверждается : русской, русской . . . Какая глупость ! Французской театр постарѣе нашего ; такъ намъ ли принятое ими перемѣнять ?»²⁾

Требуя отъ драматическихъ произведеній народности, журналы 1769 — 1774 годовъ, вѣрные своему сатирическому направленію, желали, чтобъ комедія выставяла на общій смѣхъ дѣйствительные недостатки и пороки общества, чтобы она была вѣрною картиною современныхъ нравовъ и чтобъ нападала на все пошлое и лишенное нравственныхъ основъ, не щадя даже и тѣхъ людей, которые почтены чинами и которымъ нужда велить кланяться. Такая комедія должна была

нимъ г-жи Ворчалкиной». Фирлиѣюшковъ — пустой и легкомысленный франтъ, выросшій подъ вліяніемъ поверхностнаго французскаго воспитанія. Геркуловъ бьетъ палкою Фирлиѣюшкова на сценѣ за неплатежъ долга.

¹⁾ Ч. I, стр. 49—51 (1-го изд.)

²⁾ Изд. 1-ое ч. I, стр. 167.

затронуть многихъ, сознававшихъ за собой различныя слабости. «Важный Менандръ, говоритъ «Смѣсь», презираетъ всѣ театральныя зрѣлища, говоря, что они служатъ только къ «развращенію разума несмысленныхъ людей. Иной подумаетъ, «что онъ углубился въ высокія науки; напротивъ, онъ цѣлый день сидитъ подь окномъ, смотритъ на проѣзжихъ, ловитъ «мухъ и играетъ съ своею собакою»¹⁾).

Прежде, нежели представимъ содержаніе журнальной сатиры, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнихъ формахъ сатирическихъ статей, наполнявшихъ собою періодическія изданія. Формы эти были довольно однообразны. Самою обыкновенною и любимую формою было *письмо*. Отъ имени неизвѣстныхъ или вымышленныхъ лицъ печатались въ журналахъ къ ихъ издателямъ письма, въ которыхъ мнимые авторы, оправдывая свои одностороннія и достойныя осмѣянія мнѣнія или несправедливыя и безнравственныя поступки, какъ-будто ненарочно, но ярко обнаруживаютъ ихъ смѣшную и вредную стороны. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ написаны перомъ мастерскимъ, съ соблюденіемъ вѣрнаго художническаго такта; таковы помѣщенные въ «Живописецъ» и «Трутникъ» письма къ Фалалею отъ его отца, матери и дяди, отписки крестьянъ къ помещику, и другія, живо напоминающія манеру и остроуміе Фонъ-Визина въ его сатирическихъ письмахъ²⁾). Здѣсь нѣтъ тѣхъ преувеличеній, которыми такъ легко могутъ увлекаться сатирики и которыя замѣтны въ другихъ журнальныхъ статьяхъ того времени; напротивъ, все дышетъ неподдѣльною естественностью. Невѣжество, суевѣріе и порокъ разоблачаютъ себя съ необыкновенною наивностью, сами того не подозревая. Иногда неизвѣстные сочинители писемъ прибѣгали къ издателю жур-

¹⁾ Стр. 117—8.

²⁾ Письмо Взяткина къ покойному его превосходительству, письма Дурькина, и др.

нала за совѣтами, и тотъ, давая отвѣты, пользовался случаемъ посмѣяться и дать наставленіе. Въ «Вечерахъ» были напечатаны три сатирическія письма съ Сатурна; авторъ описываетъ однако землю и земныя страсти и увлеченія, хотя и прикрываетъ свои намѣки именемъ другой планеты. Набрасывать такой кажущійся покровъ на свои сатирическія описанія было тогда въ модѣ. Рисуя темныя стороны дѣйствительной жизни, любили выставлять ихъ на-показъ подъ чуждыми именами лицъ и мѣстностей, или придавать имъ фантастической характеръ: появились *восточныя повѣсти, волшебныя сказки, разговоры въ царствѣ мертвыхъ, рассказы о видѣнномъ во снѣ*; Эминъ даже заставилъ переписываться бѣсовъ. Но всѣ знали, куда мѣтили эти восточныя повѣсти и волшебныя сказки; всѣ легко догадывались, что видѣнное во снѣ весьма часто случалось на-яву, въ обыкновенной жизни; а въ царствѣ мертвыхъ разговариваютъ о слабостяхъ, свойственныхъ живымъ людямъ; таковы разговоры: между рогоносцемъ и соблазнителемъ, скупымъ и должникомъ, и другіе.

Сатирическія *вѣдомости* также были одною изъ наиболѣе употребительныхъ формъ въ нашихъ журналахъ. Въ этихъ вѣдомостяхъ, подъ рубриками извѣстій изъ разныхъ городовъ и мѣсть, подрядовъ, поставокъ, объявленій о куплѣ и продажѣ, различныхъ вызововъ и проч. печатались злыя насмѣшки надъ взяточничествомъ приказныхъ и судей, волокитствомъ и мотовствомъ щеголихъ и франтовъ, жестокостью господъ, суевѣріемъ и невѣжествомъ противниковъ просвѣщенія. Въ формѣ этой однако замѣчается искусственность, условливаемая несбыточностью многихъ торговыхъ и другихъ сдѣлокъ, о которыхъ публикуютъ вѣдомости: здѣсь судья продаетъ за ненадобностью свою совѣсть, а тамъ какому-нибудь спѣсивцу понадобилось нѣсколько пудовъ здраваго смысла! Такая искусственность, которая отчасти лишала сатиру ея мѣткости,

неразлучна и съ другими формами журнальныхъ статей, съ такъ называемыми сатирическими *портретами*, или *картинками*, изображающими разные порочные характеры, и сатирическимъ *льчебникомъ*, въ которомъ описывались нравственные недуги и цѣлебныя противъ нихъ лѣкарства, напримѣръ: «*Глушомысль* желаетъ невозможнаго и для него вреднаго. Сіе произошло отъ худыхъ мокротъ, усилившихся въ немъ при его воспитаніи. Для очищенія его отъ сихъ мокротъ, надлежитъ ему «привить *благоразуміе*, такъ-какъ оно обыкновенно прививается въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ»¹⁾).

Кромѣ указанныхъ формъ, въ журналахъ встрѣчаемъ еще : *вопросы и отвѣты* и сатирической *словарь*. Вопросы и отвѣты — форма, замѣчательная въ нашей литературѣ, потому что ею воспользовался фонъ-Визинъ, обратившійся съ любопытными вопросами къ императрицѣ Екатеринѣ II.

Въ журналахъ «И то и сѣ» и «Трудолюбивая Пчела» были помѣщены извлеченія изъ сатирическаго словаря Рабенера. Словарь этотъ объясняетъ слова въ томъ переносномъ смыслѣ, какой скрытъ въ нихъ условными общественными мнѣніями и приличіями, напримѣръ : «*Радуюсь, что васъ вижу* — значить : мнѣ все равно, что вижу или нѣтъ»²⁾).

Таковы были формы сатирическихъ статей, помѣщавшихся въ журналахъ XVIII-го столѣтія. Если формы эти и не давали творческой фантазіи того простора, какой возможенъ въ повѣсти и романѣ, тѣмъ не менѣе въ нихъ легко и свободно вкладывалось горячее слово сатиры, сохранившее для насъ яркія, характеристическія свидѣтельства о тогдешнемъ общественномъ бытѣ.

¹⁾ «Трутень» 1769 г., стр. 216.

²⁾ «И то и сѣ», ведля 10. Подобный же словарь смотри въ сочиненіяхъ Книжнина.

II.

Опредѣливъ общее направленіе журналовъ 1769—1774 годовъ, воспользуемся собранными въ нихъ матеріалами и представимъ, по скольку возможно, характеристику тогдашняго общества.

Журналы избраннаго нами времени являлись представителями образованія, водвореннаго на Руси Петромъ I и Екатериною II, и вмѣстѣ жаркими защитниками русской національности отъ всякихъ одностороннихъ чужеземныхъ вліяній: этимъ опредѣлилось отношеніе ихъ къ современности и тѣсная связь ихъ съ эпохою преобразованій Петра Великаго. Лучшіе, образованнѣйшіе умы того вѣка глубоко вѣрили и съ благодарнымъ сочувствіемъ повторяли:

Петръ далъ намъ *бытіе*, Екатерина — *душу* ¹⁾.

Удивляясь заслугамъ преобразователя, великаго не только *въ геройствѣ, но еще болѣе въ человечествѣ* ²⁾, они въ императрицѣ Екатеринѣ II видѣли продолжательницу его славныхъ дѣлъ:

Петра Великаго ты (Россія) нынѣ
Въ премудрой зришь Екатеринѣ! ³⁾

Императрица Екатерина, предъ геніемъ которой преклонялись знаменитые иностранцы, въ литературѣ нашей названа «Россійскою Минервою». Ея громкіе подвиги, заставившіе признать, «что слава была ея барабанъ, а исторія — записная книжка», блескъ и роскошь того вѣка, ея живой умъ, ги-

¹⁾ «Всячина», стр. 139. Сличь со словами Бецкаго, сказанными Екатеринѣ II: «Петръ Великій создалъ въ Россіи людей; ваше величество влагаеи въ нихъ души».

²⁾ «Адск. почта», стр. 55—56.

³⁾ «Кощеевъ», стр. 147.

гантскія предпріятія, обходительность — все увлекало вслѣдъ за нею. «Ты судъ великихъ дѣлъ потомкамъ оставляешь» сказалъ Петровъ въ одѣ, обращенной къ императрицѣ (1767 года)¹⁾. Екатерина Великая съ справедливою гордостью могла отвѣчать на вопросъ фонъ-Визина: «чѣмъ возвыситъ упавшія души дворянства?» — этими словами: «Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, koliko души ободрены, либо упали. Самая наружность, походка и проч. то уже оказываютъ»²⁾. Литература съ особеннымъ одушевленіемъ и участіемъ спѣшила записать въ свою лѣтопись великія дѣла великаго царствованія. Сколько торжественныхъ одъ! Сколько прямыхъ и задушевныхъ выраженій благодарнаго чувства! Державинъ и за нимъ все другіе поэты громко славили «Фелицу»:

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
 Что ты ни мало не горда,
 Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
 Приятна въ дружбѣ и тверда...
 Еще же говорятъ неложно,
 Что будто всегда возможно
 Тебѣ и правду говорить.
 Неслыханное также дѣло,
 Достойное тебя одной,
 Что будто ты народу смѣло
 О всемъ, и въ-явь, и подъ рукой,
 И знать и мыслить позволяешь,
 И о себѣ не запрещаешь
 И быль и небыль говорить³⁾.

Фонъ-Визинъ прямо называетъ Екатерину Великую *честнымъ человекомъ*⁴⁾. Журналы выразили то-же благоговѣйное

¹⁾ «Сочин. В. Петрова» (Спб. 1811), ч. III, стр. 9.

²⁾ «Сочин. имп. Екатерины II», изд. Смирдина, ч. III, стр. 30.

³⁾ «Сочин. Державина», изд. Смирд., ч. I, стр. 367—8.

⁴⁾ 14-й вопросъ, предложенный фонъ-Визинимъ Екатеринѣ Великой, начинается такъ: «Имя монархиню честнаго человека...»

сочувствіе къ ея славнымъ подвигамъ. «Трутень» удивляется ея неуспыннымъ трудамъ и попеченіямъ о благѣ подданныхъ, ея учрежденіямъ о вкорененіи добрыхъ нравовъ и введеніи наукъ и художествъ, ея щедротамъ, изобильно на всѣхъ изливаемымъ, и ея прозорливому избранію правящихъ властей¹⁾. Тоже повторяетъ «Кочелекъ»²⁾. «Живописецъ» поспѣшилъ передать на своихъ листахъ въ переводѣ: А) Письмо Доминика Діодати (изъ Неаполя) къ одному русекому, по случаю изданія «Наказа объ уложеніи». Въ этомъ письмѣ читаемъ: «хотя же она (императрица Екатерина II) совершенную и полную власть имѣетъ, однако законы постановляетъ . . . ищетъ въ томъ не собственной, но общей пользы. Въ ономъ («Наказѣ») отъ другихъ законовъ и то особенное примѣчается, что всѣ установленія съ великимъ человеколюбіемъ сопряжены. Добродѣтели награждаетъ, и всѣхъ къ почитанію ихъ прерасумно поощряетъ; исправляетъ погрѣшности и, дѣлая всѣхъ добрыми, ту имъ собственно похвалу оставляетъ, что они учинились такими безъ принужденія; печется о воспитаніи юношества, старается о благонаравіи и будущихъ гражданъ; отъ преступленій удерживаетъ кротостію . . . Въ недостатокъ жителей въ вашемъ государствѣ, какъ въ главнѣйшее дѣло, острою своего разума входитъ и разыскиваетъ оный философскимъ окомъ, которое во внутренности проникая самыя малѣйшія вещи подробно разсматриваетъ и, нашедъ толикаго вреда истинныя причины, государство жителями, а жителей изобиліемъ обогатить старается. Ко приобрѣтенію же сего предуготовляетъ нужное; на хлѣбопашество призираетъ милостиво; искусства и художества всѣ, способствующія либо къ спокойствію, либо къ пріятности жизни, возстановляетъ;

1) 1770 г., стр. 63.

2) Стр. 26 и 47.

«торговлю, какъ прамый богатства источникъ, облегчаетъ и «распространяетъ», и отвращаетъ все, оную стѣсняющее. Ни «чего во всемъ не оставляетъ безъ своего разсмотрѣнія, ни «чего не умалчиваетъ, все объявляя всенародно, для общаго «всѣхъ благополучія...»¹⁾. В) Письмо короля прусскаго къ императрицѣ (1767), который признается, что былъ восхищенъ не только правилами человѣчества и кротости, содержащимися въ «Наказѣ», но и порядкомъ соединенія понятій, ясностью, точностью и обширными свѣдѣніями, собранными въ этомъ твореніи; затѣмъ король прибавляетъ, что добрые законы, начертанные въ «Наказѣ», нуждаются для своего исполненія въ юрисконсультахъ, и совѣтуетъ основать «академію правъ, для наученія въ ней людей, опредѣленныхъ къ должности судейской и стряпческой»²⁾. С) Отрывокъ изъ III-го тома «Энциклопедическихъ Записокъ». Выхваляя заботы Екатерины II о поддержаніи кредита въ торговлѣ русскіхъ съ англичанами и голландцами, отрывокъ этотъ замѣчаетъ, что такія заботы служатъ «истиннымъ доказательствомъ тѣхъ чувствованій, кои она изъяснила въ письмѣ, «писанномъ въ берлинскую академію наукъ 1768 года. Наука «моя (такъ сказано ею) состоитъ въ прямомъ познаніи того, «что всѣ люди суть братія; а жизнь моя препровождена будеть такъ, чтобъ исполненіе дѣлъ соответствовало знанію «сему»³⁾. «Вечера» представили переводъ похвальныхъ стиховъ Екатерины Великой, сочиненныхъ Вольтеромъ: «она (говоритъ знаменитый писатель) водворила науки, для общаго покоя трудится день и ночь,

¹⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 86—87.

²⁾ Ibidem, стр. 158—160.

³⁾ Ч. II-я (изд. 1-е), стр. 407. «Mon savoir se borne à connaître, que tous les hommes sont mes frères, et à ne point m'écarter de ce principe dans toutes les actions de ma vie».

И межъ трудовъ ко мнѣ писать находить время¹⁾.

Войны, веденныя императрицею съ такими блистательными успѣхами, постоянно вызывали въ журналахъ различныя стихотворенія, исполненныя патріотическаго одушевленія²⁾: Въ 1769 году «Всякая Всячина» обращалась къ Екатеринѣ II съ такимъ поздравленіемъ :

«Всемиловѣйшая государыня!

«Всякая Всячина исполняетъ долгъ свой, приносить вашему императорскому величеству всеусердѣйшее поздравленіе съ побѣдой надъ врагомъ имени христіанскаго и имперіи вашей и со взятіемъ Хотина. Яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако исчезаетъ басурманская сила отъ любящихъ Бога, отъ благочестивой монархини и православнаго ея воинства. Успѣхи ваши, всемиловѣйшая государыня, соотвѣтствуютъ вашему трудолюбію и попеченію. Приобрѣтены тебѣ, Россія, менѣе года три знаменитыя крѣпости : Азовъ, Таганрогъ и Хотинъ, и восемь побѣдъ несравненными твоими войсками одержаны»³⁾.

Подобнымъ же поздравленіемъ начинается «Барышекъ Всячины» :

«Всемиловѣйшая государыня!

«Пріймите всеподданнѣйшее отъ писателей «Всякія Всячины» приносимое вамъ поздравленіе съ наступившимъ новымъ 1770 годомъ. Онъ намъ не можетъ не приводить на память дѣлъ вашего императорскаго величества противу врага христіанскаго имени, въ прошломъ годѣ благополучно и преславно совершенныхъ . . . Россія, толикими успѣхами въ одинъ годъ нечаянно увѣнчанная, . . . именуется ваше ве-

¹⁾ Ч. I, стр. 206—211.

²⁾ См. торжественныя оды, помѣщенныя въ журналахъ 1769—1774 годовъ; также «Трутенъ» 1769 г., стр. 164, и «Всячину», стр. 106—7

³⁾ Стр. 305.

«личество княгиней молдавскою и княгиней волоскою. Страны сіи покоятся теперь подъ тѣнію покровы вашего»¹⁾).

Въ предъидущей главѣ было приведено нами прекрасное посвященіе «Живописца» императрицѣ Екатеринѣ II, написанное Новиковымъ. Оно знакомитъ насъ съ тѣмъ отношеніемъ, въ какое поставила себя великая государыня къ современной литературѣ. Припомнимъ окончаніе этого посвященія: «хотя «имя ваше (сочинитель комедіи: «О, время!») останется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе къ вамъ мое никогда не умаляется. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію «вамъ журнала, подъ названіемъ *Живописца*. Примите, государь мой, сей знакъ благодарности за ваше преполезное сочиненіе (комедію: «О, время!») отъ единоземца вашего. Вы открыли мнѣ дорогу, которой всегда я страшился; вы возбуждали во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ — исправлять нравы своихъ единоземцевъ; вы поострили меня испытать въ томъ свои силы: и дай Боже! чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. Если жъ буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, и если принесутъ листы мои пользу и увеселеніе читателямъ, то за сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены; ибо безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки». Въ заключеніе Новиковъ проситъ сочинителя комедіи «О, время!» сдѣлать честь новому журналу сообщеніемъ какого-либо изъ мелкихъ его сочиненій²⁾). Итакъ, по собственному признанію Новикова, изданіе «Живописца» было вызвано сатирическимъ направленіемъ литературныхъ произведеній самой императрицы. Екатерина Великая любила заниматься литературою и

¹⁾ Стр. 411—2.

²⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 5—6 .

оставила нѣсколько замѣчательныхъ комедій; она учредила собраніе для перевода иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, назначивъ по 5,000 рублей ежегодно на уплату за труды переводчиковъ¹⁾; она участвовала своими статьями въ журналъ: «Собесѣдникъ любителей русскаго слова» (1783—1784 г.), и въ отвѣтъ на просьбу «Живописца» участвовать въ его изданіи писала: «вы хотите, чтобъ я присылала къ вамъ какія-нибудь мои сочиненія; сіе съ охотою впредь я исполню, и сожалею о томъ только, что на сей случай никакихъ у меня готовыхъ не случилось, ибо я цѣлые нять мѣсяцевъ заняты были сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣкоторыя изъ нихъ отосланы на театръ, а прочія туда же въ походъ собираются»²⁾. Какія изъ сочиненій, напечатанныхъ въ «Живописцѣ», принадлежатъ перу императрицы, и участвовала ль она, сверхъ приведеннаго письма, въ этомъ журналѣ — неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ переданныя нами свидѣтельства заслуживаютъ глубокаго уваженія и благодарнаго воспоминанія.

По указанію Екатерины Великой періодическія изданія выступили съ своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этомъ общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не признать высокой нравственной стороны современной эпохи. Старинныя суевѣрія, предрассудки и ложь отживали свой вѣкъ; въ ихъ дикомъ воплѣ противъ сатиры и правительственныхъ мѣръ слышится уже близкое торжество всеобновляющей правды. Посмотрите, какъ наивно жалуется на свое время уѣздный дворянинъ екатерининскаго вѣка, ясно доказывая своими жалобами всю несостоятельность своихъ требованій: «Да полно, нынче и вино-то въ сапогахъ ходить: экое времечко!

¹⁾ «Живопис.» (изд. 3), ч. I, стр. 74.

²⁾ Тоже, ч. I (изд. 2), стр. 46.

«Вотъ до чего дожили : и своего вина нельзя привезть въ городъ ; пей-де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль «откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе ! А говорить, что все «хорошо дѣлаютъ ; поэтому скоро изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность. Какая вольность ? Дали вольность, а ничего невозможно «своею волею сдѣлать : нельзя у сосѣда и земли отнять ; въ «старину-то побольше было намъ вольности. Бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле ; такъ ходи же онъ да про«си, такъ еще десять полей потеряетъ. А вина, бывало, кури «сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продать на «сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его «голову : то-то была воля-та ! Нынче и денегъ отдавать въ «проценты нельзя : больше шести рублей брать не велятъ ; а «бывало, такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. «Нѣтъ-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. «Нынче только и воли, что можно выйти изъ службы, да «поѣхать за море ; а не слышать, что тамъ дѣлать ; хлѣбъ-ать «мы и русской ѣдимъ, да таково-жъ живемъ. А изъ службы «тогда хоть и невольно было выйти, такъ были на это лѣка«ри : отнесешь ему *барашка въ бумажку* (то есть подарокъ), «да судъ другаго, такъ и оставить за болѣзнями. Да ужъ бы«вало, какъ пріѣдешь въ деревню-то, такъ это наверстаешь : «былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ со«сѣди и не куркай. То-то было житье ! Ты, Фалалеюшка, не «запомнишь этого»*).

Въ подобныхъ жалобахъ лучшая похвала екатерининскому вѣку, и съ этой точки зрѣнія получаютъ для насъ особенно любопытное и поучительное значеніе сатирическія нападки журналовъ на разныя темныя стороны отживавшаго быта.

*) «Живопис.», ч. I (изд. 2), стр. 106—7.

Чтобъ противодѣйствовать застарѣлымъ предрасудкамъ и порокамъ, журналы полагали необходимымъ сокрушить невѣжество и водворить въ отечествѣ образованіе европейское, однако на основахъ національныхъ, съ сохраненіемъ своей самостоятельности и уваженія къ родной странѣ и ея исторіи. Осмѣивая разные невѣжественные толки о значеніи и пользѣ наукъ, «Живописецъ» прекрасно обрисовываетъ нѣкоторыя типическія черты, выхваченныя имъ изъ тогдашняго общества: эта умная и мѣткая статья живо напоминаетъ намъ перую сатиру Кантемира («Къ уму своему»). Вотъ она :

«О времена! блаженные времена, въ которыя не учаеь грамотѣ становимся грамотѣями! Нѣкоторые ненавистники писемъ новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію «потребенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе російскаго языка и правилъ граматическихъ. Устыдитесь, государи мои строгіе судьи, устыдитесь своего мнѣнія; оставьте «ваше заблужденіе... Вы то проповѣдуете, чего не было, «или что вышло уже изъ моды: кто же будетъ вамъ слѣдовать?... Пропади знаніе російскаго языка, ежели и безъ «него можно жить въ большомъ свѣтѣ; а этотъ большой свѣтъ «составляютъ почтенные и любезные наши *щеголи* и *щеголихи*. «Исчезните правила граматическія! вы только пустое дѣлаете «затрудненіе. А ученіе — о, эта ненужная тягость совсѣмъ «брошена! Но что я слышу! строгіе, ученые и благоразумные люди негодуютъ, вооружаются противъ меня, хотятъ дѣлать опроверженіе моимъ правиламъ: я пропаль! Но стойте, государи мои, есть у меня защитники; они за меня отвѣтствовать вамъ будутъ. Благородные невѣжды, вѣтренные «щеголи, модныя вертопрашки, на васъ полагаю я надежду; «вы держитесь моихъ правилъ, защищайте ихъ: острые ваши «языки къ тому способны. И вы, *добрые старички*, вы думаете о наукахъ согласно со мною, но по другимъ только

«причинамъ. Вы разсуждаете такъ : дѣды наши и прадѣды ни-
 «чему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно ;
 «науки да книги переводятъ только деньги : какая отъ нихъ
 «прибыль ? одно разоренье ! Дѣтямъ своимъ вы говорите :
 «рости только великъ да будь счастливъ, а умъ будетъ¹⁾ —
 «прекрасное правоученіе ! неоспоримые доводы ! новая истина
 «открывается свѣту ! Премудрые воспитатели ! въ вашемъ не-
 «вѣжествѣ видно нѣкоторое подобіе славнѣйшія въ нашемъ вѣкѣ
 «человѣческія мудрости Жанъ Жака Руссо : онъ разумомъ,
 «а вы невѣжествомъ доказываете, что науки бесполезны . . .

«Послушаемъ теперъ, какъ молодые люди о наукахъ раз-
 «суждаютъ. Что въ наукахъ, говоритъ *Наркисъ* : астрономія
 «умножить ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ ? Нѣтъ ;
 «на что-жь мнѣ она ? Математика прибавитъ ли моихъ дохо-
 «довъ ?²⁾ Нѣтъ ; чортъ ли въ ней ! Физика изобрѣтетъ ли но-
 «выя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію ?
 «Нѣтъ ; куда она годится ! Исторія покажетъ ли мнѣ человѣ-
 «ка, который бы былъ прекраснѣе меня ? Нѣтъ ; какая-жь въ
 «ней нужда ? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе ? Нѣтъ ;
 «такъ она и недостойна моего вниманія. Прочія всѣ науки мо-
 «гутъ ли произвестъ чудо, чтобы красавицы въ меня не влю-
 «бились ? Нѣтъ, это невозможность ; слѣдовательно для меня

¹⁾ «Соч. Кантемира» (изд. Смирлина), стр. 4 :

Живали мы прежь сего, не зная латынѣ,
 Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ нынѣ,
 Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали ;
 Перенивъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Противъ односторонняго мнѣнія, что опытъ житейскій замѣняетъ
 всякое образованіе, журналъ «Смѣсь» замѣчаетъ : «всѣмъ извѣстно,
 что, проживъ 60 лѣтъ, не разсуждал ни о чемъ, узнаешь меньше то-
 го, кто два года прожилъ съ разсужденіемъ». (Сравни съ стихами
 Кантемира, сатир. VII, стр. 167—8).

²⁾ «Сочин. Кантемеръ», стр 5 (сатир. I).

«всѣ онѣ бесполезны. А о словесныхъ наукахъ и говорить нечего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое вниманіе: это — стихотворство, да и оно нужно мнѣ тогда только, когда захочется написать пѣсенку. Я бы началъ обучаться оному, да та бѣда, что я не знаю русскаго языка. Покойный батюшка его терпѣть не могъ; да и всю Россію ненавидѣлъ, и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился. Полно, этому дивиться нечему; она и подлинно это заслуживаетъ: человекъ съ моиими достоинствами не можетъ найдти счастья! То, что имѣю я, другой почелъ бы счастьемъ; но для меня этого мало. О, Россія, Россія! когда научишься ты познавать достоинства людскія? Такъ разсуждаетъ Наркисъ; достоинства его слѣдующія: танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ какъ ангель; красавицы почитаютъ его *Адонидомъ*, а солубовники *Мартомъ*, и всѣ его трепещутъ; да и есть чего и страшиться, ибо онъ уже принялъ нѣсколько уроковъ отъ французскаго *шакобойца*; къ дополненію его достоинствъ: играетъ онъ во всѣ карточныя игры совершенно, а притомъ разумѣетъ по французски. Не завидный ли это молодець? не совершенный ли онъ человекъ? Читатель, скажи мнѣ на ухо, каковы будутъ дѣти *Наркисовы*?*)».

«Худовоспитанникъ говоритъ: науки никакой не могутъ мнѣ принести пользы; я опредѣлилъ себя къ военной службѣ, и я имѣю уже офицерскій чинъ. Науки сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе? прибавятъ ли мнѣ храбрости? сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ; такъ они для меня и негодятся. Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть кричать: пали! коли! руби!.. Науки да книги умягчаютъ сердце, а отъ мягкосердечія до трусости одинъ только шагъ...»

«*Кривосудъ*, получа судейскій чинъ, говоритъ: по наукамъ

*) См. «Сочин. Каптен.», стр. 9 (сатир. 1).

«ли чины раздаются? я ничему не учился, и не хочу учиться; «однакожь я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, «чтобы знать наизусть всё указы и, въ случаѣ нужды, умѣть «ихъ употреблять въ свою пользу. Науками ли получаютъ «деньги? науками ли наживаютъ деревни? науками ли прио- «брѣтають себѣ покровителей? науками ли доставляютъ себѣ «въ старости спокойную жизнь? науками ли дѣлають дѣтей «своихъ счастливыми? Нѣтъ! такъ къ чему же онѣ годятся? «Будь учоный человекъ, хотя семи пядей во лбу, да попадись «къ намъ въ приказъ; то переучимъ мы его на свой салтыкъ, «буде не захочетъ ходить по міру. О науки! науки! бесполез- «ная тяжесть. О ученые! ученые! вы-то прямые дураки.

«Щюлиха говоритъ: какъ глупы тѣ люди, которые въ «наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужестъ какъ «смѣшны учоныя мужчины; а наши сестры учоныя — о! онѣ- «сто совершенныя дуры. Безпримѣрно, какъ онѣ смѣшны! Не «для географіи одарила насъ природа красотою лица; не для «математики дано намъ острое и пронизательное понятіе; не «для исторіи награждены мы пѣвнющимъ голосомъ; не для «физики вложены въ насъ нѣжныя сердца. Для чего же ода- «рены мы сими преимуществами? — чтобъ были обожаемы. «Въ словѣ: *умльть нравиться* — всё наши заключаются нау- «ки. За науки ли любятъ насъ до безумія; наукамъ ли въ «насъ удивляются? науки ли въ насъ обожаютъ? — Нѣтъ, «право нѣтъ. Пусть явится учоная женщина въ общество ще- «голихъ: никто съ нею и слова не промолвить; а если она «заговорить сама, то всё мужчины зѣвать стануть. И что-жь «она тѣмъ выиграеть? не больше какъ назовутъ ее учоною «женщиною, и то такіе люди, которыхъ самихъ называютъ «педантами. Прекрасная побѣда! безпримѣрно какъ слав- «на! Учоная женщина! учоная женщина! оуй! какъ это не- «словко. Напротивъ того, ежели пріѣду я въ такое собраніе,

«то въ мигъ окружать меня всѣ мужчины. Станутъ наперерывъ хвалить меня : одинъ удивляется красотѣ моего лица, другой хвалить руки, третій — станъ ; иной походку, тотъ пріятность моего голоса, иной превозноситъ нѣжность моего вкуса въ нарядахъ ; словомъ сказать, ни одна изъ бездѣлокъ моихъ даже до булавки не останется, чтобы не была расхваленна. Всѣ кричатъ : вотъ прекрасная, пріятная и любезная женщина ; вотъ чудесное произведеніе природы ! вотъ совершенное ея сотвореніе : она мила какъ ангелъ ! Разумѣется, что всѣ такія слова безъ проводника идутъ къ сердцу. Не усупью я осмотрѣться, какъ уже тысячи найду обожателей. Одинъ говорить, что онъ хотѣлъ бы быть вѣчно моимъ слугою, лишь бы могъ имѣть счастье всегда меня видѣть. Какъ это много ! *безпримѣрно* много ! Изъ благороднаго человѣка хочеть сдѣлаться слугою для того только, чтобъ чаще на меня смотрѣть и удивляться. Другой говорить, что онъ оставилъ бы престолъ всего свѣта, лишь бы могъ быть моимъ любимымъ невольникомъ. Ужасная мысль ! годится хоть въ трагедію ; по счастью, что онъ еще не король, а то бы и въ истину онъ такъ сдурачился . . . Слыша это, какъ не восхищаться ? Какъ за учтивости не платить ласкою ? Я такъ и спостуаю : съ однимъ поговорю, другаго похвалю, на третьяго брошу взглядъ, поражающій его сердце, и такъ далѣе. Я ни одному ничего не обѣщаю, но однакожь всѣхъ ихъ къ себѣ привязываю. *Ужестъ* какъ завидно состояніе красавицы, и какъ *безпримѣрно* жалко — ученой женщины !

«*Молокосось* говорить : я не хочу тратить времени для наукъ ; онѣ мнѣ не нужны. Чины получаю я по милости моего сядяюшки, гораздо еще преимущественнѣе предъ тѣми, которые въ наукахъ погубили молодыя свои лѣта. Деньги на мое содержаніе жалуетъ мнѣ батюшка, а когда не достаетъ оныхъ, тогда забираю въ долгъ, и мнѣ вѣрять . . .

«Волокита разсуждаетъ такъ : какая польза мнѣ въ наукахъ ? науками ли приходять въ любовь у прекраснаго пола ? науками ли имъ нравятся ? науками ли упорныя побѣждаютъ сердца ? науками ли украшаютъ лобъ ? науками ли торжествуютъ надъ соллюбовниками ? — Нѣтъ ; такъ онѣ для меня и не годятся. Моя наука состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ¹⁾, говорить всякія трюгающія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть *совсѣмъ развязану* ; словомъ, дойти до того, чтобъ называли *шалуномъ* тѣ люди, которыхъ мы дураками называемъ. Когда можно до этого дойти, то это значитъ — «дойти до совершенства въ моей наукѣ»²⁾).

Невѣжество, проповѣдовавшее противъ образованія, по указанію нашихъ сатириковъ, было двоякое : одни смотрѣли на науку со стороны матеріальной пользы, и если познанія не вели къ непосредственному и для всѣхъ наглядному удовлетворенію первоначальныхъ житейскихъ нуждъ, то объявляли ихъ бесплодными и ссылались при этомъ на примѣръ предковъ, которые и не учась жили не бѣднѣе нашего ; другіе, подъ вліяніемъ французскихъ нравовъ, все значеніе воспитанія полагали въ усвоеніи внѣшняго лоска, въ умѣньи держаться въ обществѣ, въ ловкости пріемовъ и въ легкомъ изученіи тѣхъ искусствъ, какія признавались модою за необходимыя ; знанія серьёзные и основательныя считали они излишнимъ и вмѣстѣ скучнымъ бременемъ. Вооружаясь противъ подобныхъ предразсудковъ, журналы должны были и дѣйствительно обратили самое живое вниманіе на методу *воспитанія*, какъ на основу общественнаго блага и въ настоящемъ и въ будущемъ. «Пріятное съ Полезнымъ» воспользовалось съ этою цѣлью

¹⁾ См. «Сочин. Кантем.», стр. 7 (сатир. 1).

²⁾ Ч. 1 (изд. 2), стр. 15—26.

англійскимъ изданіемъ «Юношеской бібліотеки» и помѣстило на своихъ страницахъ теоретическія статьи: *о воспитаніи, о наукахъ, преимущественныя дарованія жекцины для воспитанія дѣтей, о путешествіи (для образованія) въ чужіе края*. Этими статьями «Пріятное съ Полезнымъ» думало установить болѣе-правильный взглядъ на вопросы о воспитаніи. Пренебрегать воспитаніемъ (говорить названный нами журналъ) есть явная несправедливость, отъ которой терпитъ цѣлое общество; съ самаго малолѣтства надобно вкоренять въ юное сердце понятія чести и справедливости; надобно внушать дѣтямъ наклонность къ труду, «ибо ничто такъ не оказываетъ благородства духа, какъ безпрестанное упражненіе»; надобно приучать ихъ къ челоуѣколюбію, и для того обращаться съ ними кротко. «Если кто хочетъ сдѣлать своихъ дѣтей «честными людьми, тотъ долженъ быть имъ истиннымъ родителемъ, а не строгимъ и жестокосердымъ судьей. Надлежитъ «имъ доказать, что ихъ любишь; ибо когда они въ томъ удостоверятся, то и тебя взаимно любить будутъ. По сей къ тебѣ любви они стануть почитать твою надъ ними власть... «за дѣйствіе твоей къ нимъ горячности, и твои повелѣнія будутъ принимать за совѣты, ведущіе ихъ къ благополучію. «Они тебя будутъ бояться не такъ, какъ властелина, но какъ «любезнаго друга, коего почитаютъ и опасаются оскорбить»*)).

Послѣ преобразованій, совершенныхъ Петромъ Великимъ, въ обществѣ нашемъ долгое время замѣчалась странная и пестрая смѣсь старины съ новизною. Пышныя моды, роскошь и свободные нравы, напоминавшіе Парижъ и Лондонъ, стояли рядомъ съ пристрастіемъ къ старымъ обычаямъ и суевѣріямъ

*) I-й полуиъс., стр. 5—6; VIII полуиъс., стр. 11—12; IX полуиъс., стр. 9.

и съ мелочною бережливостью, которая учитывала всякую кроху и упускала изъ виду самыя главныя требованія домашней экономіи; утонченная вѣжливость и виѣшній лоскъ французскаго общежитія встрѣчались съ самыми угловатыми и наивно-грубыми формами. Подъ вліяніемъ этихъ характеристическихъ особенностей, воспитаніе главнымъ образомъ представляло два совершенно-различныя явленія: оно или оставалось вѣрнымъ преданіямъ и правиламъ допетровской старины, или преклонялось предъ новостью и блескомъ чужеземныхъ идей, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ по справедливости можетъ быть названо *французскимъ*. И та и другая методы воспитанія имѣли свои хорошія стороны, но еще болѣе недостатковъ. Сатира не могла и не хотѣла оставить эти недостатки безъ обличеній и укоризны.

Люди старинныхъ преданій вѣрили, что опытъ житейскій лучше всякаго ученья, и болѣею частью предоставляли своихъ дѣтей матери-природѣ. О воспитаніи немного прилагалось заботъ или и вовсе о немъ не было рѣчи, по пословицѣ: «лишь бы здоровъ былъ Иванушка да счастливъ, а умъ будетъ — всему самъ научится!»¹⁾ У насъ, говорили старики, изстари положено: для дворянина — шпага, для страпчаго — перо, а *грамота* — для *поповъ*²⁾. Въ глуши деревень, среди грубой и недѣятельной жизни, выросли баричи съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ привыкая къ скопидомству и праздности. Окруженные толпою мамъ, нянекъ, шутихъ³⁾ и прочей дворни, они рано знакомились съ примѣрами несовѣтъ-поучительными, о чемъ еще Кантемиръ отзывался съ горькимъ

¹⁾ «Всяк. Всяч.», стр. 264.

²⁾ «Живопис.», ч. I (изд. 2), стр. 181.

³⁾ «Трут.» 1769, стр. 19. «Соч. Екатерины II», ч. II, стр. 33 (изд. Смирдина).

чувствомъ : «слуги суть язва дѣтей!»¹⁾). Учить грамотѣ начинали поздно, и вообще учили мало и плохо, такъ что, по отзыву «Трутеня», во всей Руси немного было такихъ, которые умѣли бы правильно писать²⁾). Учителями обыкновенно назначались пономарь, дьячокъ, иногда грамотный дворовый человекъ, и ученье ограничивалось чтеніемъ часослова, четій-миней и библіи³⁾). «Трутень» рассказываетъ о помѣщикѣ, владѣльцѣ 3000 душъ, который ѣздилъ въ Москву искать пятнадцатилѣтнему своему сыну учителя, но, не приискавъ, возвратился домой и поручилъ воспитаніе недоросля приходскому дьячку, «человѣку весьма дородному»⁴⁾). Если случилось, что сыновей начинали учить съ пятнадцати лѣтъ, то, конечно, и дочерей не ранѣе сажали за книгу. Въ письмѣ уѣзднаго дворянина къ сыну Фалалею читаемъ : «Сестра твоя «Варя посажена за грамоту; батько Иванъ самъ ей началъ «азбуку въ ея именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ! пора, «другъ мой, и объ этомъ подумать; вить ужъ скоро и женихи «станутъ свататься, а безъ грамоты замужъ ее выдать не «годится : и указа самой прочесть нельзя»⁵⁾). Впрочемъ, изъ «Недоросля» и другихъ комедій мы узнаемъ, что существовало мнѣніе, по которому и вовсе почиталось излишнимъ учить дѣвушекъ грамотѣ⁶⁾).

¹⁾ «Сочин Кантеи.», стр. 176 (изд. Смирд.).

²⁾ «Трут.» 1769, стр. 50.

³⁾ «Живопис.», ч. I (изд. 5), стр. 11. «Смѣсь», стр. 219: «вы «легко можете догадаться, что меня воспитывали такъ, какъ воспитываютъ подобныхъ мнѣ дворянъ. Вѣрной батюшкинъ слуга, котораго «я и теперь люблю, былъ моимъ учителемъ. Онъ меня выучилъ читать и писать». «Трут.» 1769, стр. 114.

⁴⁾ 1769, стр. 125.

⁵⁾ «Живопис.», ч. I (издан. 2), стр. 107—8.

⁶⁾ Простакова: «Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!» («Соч. Фонъ-Визина», стр. 94.) Въ комедіи (въ I дѣйств. Москва, въ универс. тип. 1779 г.) «Подража-

Вотъ что рассказываетъ о воспитаніи подобнаго рода «Всякая Всячина» :

«Мѣсто, въ которомъ я взросъ и провождалъ первыя лѣта «мой, недалеко лежитъ отъ Елифани, и хотя не болѣе тридцати верстъ, однако я никогда въ семь городѣ не бывалъ... Провождая дни свои въ деревнѣ, былъ воспитанъ бабушкою, «которая любила меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими ребятами цѣлые дни «на гумнѣ; часто случалось, что бивалъ ихъ до крови, и когда «приходили они къ учителю моему (который былъ старый дьячекъ нашего прихода) жаловаться, то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже «словомъ не огорчать меня. Итакъ неудивительно, что учитель, не хотя потерять ея милости и навлечь на себя гнѣвъ «ея, точно ея приказу послѣдовалъ. Имѣя столь хорошаго покровителя, не глядѣлъ я ни на кого. Когда отецъ мой отваживался меня бранить, то я, расплакавшись, бѣжалъ къ бабушкѣ и матушкѣ на него жаловаться, и онѣ говорили мнѣ,

тель» *Скотидомова* говорить: «Вотъ, муженекъ что отъ проклятой грамоты вышло. Говорила я тебѣ: ей, не учи дѣвку читать да писать; ей, худо будетъ. А ты умничалъ: дурно де не умѣть дѣвкѣ грамотѣ; она де у меня счеты переписывать будетъ. Вотъ тебѣ и счеты!» (Стр. 37). Въ комедіи «О, время!» *Чудизина*: «Кабы у меня дочь была, «меньше бы и я нѣбла заботы. На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше «вреть... Да полно что! нынче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ «Питерѣ учатъ... Быть добру!» («Сочин. Еватер. II», изд. Смирд., ч. II, стр. 51—52). Въ той-же комедіи Мавра рассказываетъ о Христинѣ, внучкѣ *Ханжасимой* (ibid., стр. 29): «Она ничему не учена, и «грамотѣ украдкою у меня училась, для того что бабушка ея всегда «боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ «писемъ. Никого она не видала, и до 12 лѣтъ и платья не знала, а «бѣгивала, для легкости, всегда въ одной сорочкѣ; когдажъ прѣзживали посторонніе къ намъ люди, то прятали ее въ спальнѣ за «печкою».

«Глядя по головѣ и утирая слезы: плюнь на него, другъ мой; не слушай его: эдакой отецъ! не стоишь ты имѣть такого сына! Такимъ образомъ достигъ я *тринадцатого* года, и хотя учитель мой, дьячекъ, былъ у меня четыре года, однако съ нуждою могъ я разбирать букварь и марать дурныя буквы. Со веѣмъ тѣмъ бабушка дивилась разуму моему и не могла довольно приписать похвалъ моему понятію. Въ то время отецъ мой предложилъ ей, чтобъ взять для меня учителя *француза*... Предложеніе сіе ей не полюбилось, и она никогда не хотѣла согласиться отдать меня въ руки, какъ она сказывала, басурману... Итакъ прошелъ еще годъ, которое время проводилъ я, рѣзаясь съ дѣвками и играя со слугами въ карты». Разными общаніями упорство бабушки было ослаблено, и наконецъ выписали изъ Москвы учителя-француза. «Азбука стала мнѣ становиться скучна, онъ (учитель), видя то, прежде мнѣ выговаривалъ, а потомъ началъ и принуждать. Поступокъ сей мнѣ не полюбился, и въ одинъ день, какъ онъ, не могли стерпѣть больше моего упрямства, ударилъ линейкою по рукѣ, закричалъ я такъ, какъ будто бы меня рѣзали. На крикъ мой сбѣжались бабушка, матушка и всѣ нянюшки, и спрашивали меня, что за причина моему крику? Я сказалъ имъ, что учитель хотѣлъ меня убить до смерти и переломилъ мнѣ линейкою руку. Желалъ бы я, чтобъ могъ изобразить ярость, овладѣвшую сими женщинами. Онѣ бранили бѣднаго учителя веѣми ругательствами, какія только злоба ихъ могла выдумать; наконецъ бросились на него, и еслибъ онъ не ускорилъ спрятаться у моего отца, то бъ, конечно, выцарапали ему глаза. — Ахъ, проклятой! кричала бабушка, изувѣчилъ бѣдное дитя! Вонъ изъ моего дома!...» Французъ былъ прогнанъ. «Послѣ сего учителя были у меня еще двое, которыхъ такимъ же образомъ согнали. Потомъ

«записалъ меня отецъ мой въ службу»¹⁾). Приведенный нами рассказъ живо напоминаетъ фонъ-Визинскаго «Недоросля» и особенно ту сцену, въ которой Еремеевна, защищая Митрофанъ, приготовилась показать Скотинину свои *защелки*. Митрофанъ выросъ также среди двора и также, не научившись ровно ничему, записанъ на службу; но что могла выиграть служба отъ подобныхъ недорослей?

Вотъ другая картина воспитанія, нарисованная «Всячиною»:

«Поѣхалъ я однажды ко другу моему, и не нашелъ его дома, вошелъ къ женѣ . . . въ дѣтскую и увидѣлъ ее посреди четырехъ дѣтей. Самый маленькій заплакалъ, и чтобъ его «растѣшить, мама заставила его платкомъ бить няню. Сія «притворилася, будто плачетъ, а мама приговаривала: хорошенько, батюшка, хорошенько дуру бей; она, видишь, дитяти «досадила. Дитя же старалось крѣпко ударить няню, и чѣмъ «крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя «тому смѣялося. Погодя, другое дитя упало: мать ему велѣла «плюнуть на полъ и топтать ногою то мѣсто, гдѣ онъ спотыкнулся. Я подошелъ къ матери и сказалъ ей на ухо: Степанида Богдановна, боишься ли Бога, что позволяешь мамѣ «важнвать сына бить людей и смѣяться воплю, да лгать притомъ, будто няня досадила ему . . . Какое онъ можетъ получить воображеніе о справедливости? . . . Она мнѣ на то отвѣтствовала: ихъ, батька! ты всегда уничтожаешь; будто тоже «и съ тобою и со мною не было; какъ же иначе съ ребятами «быть? . . . Я оглянулся и увидѣлъ, что третье дитя щиплетъ «щенка, а возлѣ него большенькій пугаетъ канарейку, бивъ «рукою по клеткѣ; птичка же бѣдненькая билася изъ угла въ «уголъ»²⁾).

¹⁾ Стр. 241—4.

²⁾ Стр. 451—3.

Такъ съ самыхъ раннихъ и нѣжныхъ лѣтъ дѣти, отданныя на руки глупыхъ мамъ и нянюшекъ, шутя и забавляясь, привыкали къ той грубости нравовъ, которая прежде всего обнаруживалась на животныхъ и игрушкахъ, а потомъ, въ болѣе взрослые годы, получала и болѣе широкое и болѣе вредное примѣненіе. Какъ только ребенокъ начиналъ подростать, его окружали роємъ дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, и конечно худые примѣры не могли не отозваться худыми послѣдствіями. Въ письмѣ уѣднаго дворянина къ сыну Фалалею читаемъ: «мы съ дядею твоимъ поговорили довольно, сидя подъ «любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ, бывало, ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки «нихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ «молоду! Какъ, бывало, примешься пороть людей, такъ крикъ «такой и хлопанье, какъ будто за уголовное въ застѣнкѣ сѣ- «кутъ: таки, бывало, животики надорвешь со смѣха»^{*)}). Вотъ другое, неменѣе-любопытное указаніе, встрѣчаемое въ одномъ сатирическомъ письмѣ на страницахъ «Живописца»:

«Отецъ мой дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человекъ простаго нрава и сообразовался во всемъ «древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія «тому совсѣмъ противнаго, отъ чего нерѣдко происходили «между ними несогласія, и всегда другъ друга не только вся- «кими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но «не проходило почти того дня, чтобы они между собою не «дрались, или бы людей на конюшнѣ плетями не сѣкли. Я, бу- «дучи въ домѣ ихъ воспитыванъ и имѣя вседневно въ глазахъ «таковые поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возымѣлъ

^{*)} «Живопис.», ч. I (изд. 2), стр. 166. См. также «Воляк. Величину», стр. 135.

«къ онымъ склонность, и положилъ за правило себѣ во всемъ
 «онимъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно;
 «ибо я въ скорое время къ удивленію всѣхъ домашнихъ уже
 «совершенно выражалъ всѣ тѣ бранныя слова, которыя бы-
 «вало отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства при-
 «надлежало, то уже въ томъ и родителей своихъ превосхо-
 «дилъ, хотя и они въ семъ искусствѣ гораздо не плохи были:
 «ибо одинъ разъ батюшка за недоимку 35 душъ а
 «матушка еще и того болѣе безчеловѣчнымъ наказаніемъ
 «на, какъ узнала, что нѣкто изъ крестьянъ пере-
 «шибъ ногу любезной ея собачкѣ. Отецъ мой хотя прав-
 «да былъ недалекаго разума, однако разбиралъ понемногу
 «четыре-миней и другія церковныя книги; матушка же моя на
 «смерть тѣхъ книгъ не любила, потому что она дѣвицею вос-
 «питана въ городѣ; да рѣдко имѣла досугъ читать и француз-
 «скія, потому что всѣдневно ходила слушать очистки крестья-
 «янъ, во что ужъ батюшка мой никогда и не мѣшался, а
 «только, бывало, по приговору матушки съчетъ крестьянъ. А
 «какъ я уже приходилъ лѣтъ подъ десятокъ, и батюшка мой
 «началъ преподавать мнѣ первыя начала російскія грамоты,
 «то матушка, любя меня чрезмѣрно и опасаясь, чтобъ отъ
 «таковаго упражненія голова у меня не разломилась, или бы
 «по времени не повредился я умомъ, всегда меня отъ книги
 «отрывала, и не разъ за то бранивала батюшку, что онъ меня
 «къ тому неволилъ. Книга, если правду сказать, мнѣ и са-
 «мому въ то время гораздо несною казалася, и я, не при-
 «снѣтя еще хорошо, почему различать *А* отъ *Д*, столько оную
 «вымаралъ, что батюшка мой и самъ почасту не распознавалъ
 «буквъ . . . Матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ кото-
 «рой, по обыкновенію, ежедневно дѣлала расправу крестья-
 «намъ и крестьянкамъ, читаетъ, бывало, французскую любов-
 «ную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго

«пола по-русски ясно пересказываетъ : отъ сего по тринадцатому году возраста моего родилась во мнѣ та сильная «страсть, о которой не только знать, но и говорить мнѣхъ «лѣтъ ребятамъ за стыдъ и неприличное дѣло почитаютъ»¹⁾. Такая странная примѣсь свободныхъ французскихъ нравовъ, неудачно-вычитанныхъ изъ любовныхъ романовъ, и рядомъ съ этимъ грубое невѣжество стараго времени весьма ловко и характерно рисуютъ описываемую эпоху.

Приведенныя нами свидѣтельства сатирическихъ журналовъ прекрасно подтверждаются записками Данилова и Болотова²⁾. Даниловъ рассказываетъ о своемъ ученьи у сельскаго пономаря Брудастаго : «приходилъ я учиться къ Брудастому очень «рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, по-«куда мнѣ не скажетъ *аминь*, не смѣлъ. Памятно мнѣ мое «ученіе у Брудастаго и поднесъ, по той, можетъ быть, при-«чинѣ, что часто меня съкли лозою. Я не могу признаться «по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣньность или «упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель «мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей «силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ «обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время «не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе «лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такового «всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣла-«лась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при «слушаніи урока въ вечеру, и половины прочитатъ не могъ». Все образованіе Данилова ограничилось азбукою, часословомъ

¹⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 128—130.

²⁾ «Записки артиллеріи-майора М. В. Данилова», написанныя имъ въ 1771 году (М. 1842 г.), стр. 26, 38—44; Даниловъ родился въ 1722 году. «Записки Болотова» смотри въ «Отеч. Записк.» 1850 г., № 5.

и псалтырю. Болотовъ нарисовалъ вѣрную и яркую картину деревенской жизни (1753—4 годовъ), проведенной имъ въ нѣжные годы отрочества въ праздности, среди игръ съ крестьянскими ребятишками. Такое согласіе литературныхъ показаній съ разказами современниковъ ручается за ихъ достоверность и даетъ разбираемымъ нами журналамъ все значеніе и занимательность матеріала историческаго.

Кромѣ вышеупомянутыхъ учителей, въ городахъ бывали еще такъ называемые *мастеры*, изстари извѣстные на Руси; они учили у себя на дому чтенію и письму; метода ученія нисколько или весьма малымъ отличалась отъ метода Брудастаго. Журналы не оставили безъ вниманія и этихъ «мастеровъ»; на страницахъ журнала «И то и сѣ» находимъ слѣдующій любопытный разказъ:

«Я выросъ въ томъ городѣ, въ которомъ родился... Училъ меня русской грамотѣ *россійской мастеръ*, у котораго отъ утра и до вечера каждой день пропѣвалъ я: азъ, буки, вѣди «и проч., какъ-будто-бы по нотамъ, и кричалъ съ ребятами «во весь голосъ; ибо въ нашемъ городѣ такое обыкновеніе, «что крикъ отъ учениковъ можно услышать и въ другомъ приходѣ. Отчего въ вечеру выходили мы отъ мастера такъ-«какъ шальные; раскричимъ себѣ головы, и кажемся добрымъ «людямъ такими, которые недавно освободились отъ сильнаго «сугару. Однако сіе не мѣшало намъ препроводить остатокъ дня «въ рѣзвости и гуляньи, а дѣмой приходили мы всегда вмѣстѣ «съ ночью. Имѣлъ я много у себя соучениковъ... (Одинъ «изъ нихъ) былъ богатаго купца сынъ, лѣтами не гораздо «старъ, и считали ему не болѣе, какъ 24 года отъ рожденія его. Училъ онъ въ то время азбуку и часословъ вмѣстѣ, «по причинѣ той, что если устремить онъ все свои мысли къ «часослову, то, конечно, позабудетъ всю азбуку, и не узнаетъ «послѣ и аза въ глаза. Такимъ образомъ велить ему мастеръ

«отложить часословъ въ сторону и мѣсяца четыре протвер-
живаешь съ нимъ азбуку, а потомъ начинаетъ учить часо-
словъ. До меня учился онъ три года, и слышалъ я, что онъ
«и нынѣ ни читать, ни писать не умѣетъ. Родители его лю-
били несказанно горячо, и ни о чемъ больше мастера не
«упрашивали, какъ только о томъ, чтобы онъ не только что
«не билъ любезнаго ихъ сынка, но никогда и не стращалъ бы
«его; а сынокъ ихъ, сидя у мастера между нами . . . вырѣзы-
«валъ изъ бумаги уточекъ и жаворонковъ и чертилъ журавлей
«и зайчиковъ, дѣлалъ сидя хлопущки и изгибалъ перышки, ко-
«торые оттого припрыгивали сами, и между ребятами назы-
«ваются *скакунами*, и не только что самъ не учился, но и
«намъ мѣшалъ много, и нѣкоторыхъ доводилъ и до побоевъ.
«Мастеръ нашъ былъ человекъ постоянной и экономію дома
«своего наблюдалъ строго, такъ-что всякой ученикъ долженъ
«былъ ему принести каждой дванадесятой праздникъ по нѣ-
«скольку денегъ, а сіе приносится сверхъ ряды, которая над-
«лежитъ за науку; впрочемъ, хотя онъ и не научить больше,
«какъ читать и писать безъ толку и безъ смыслу, но почи-
«тается мастеромъ и беретъ за науку весьма дорого»*)).

Были, конечно, и между поклонниками старины люди, по-
нимавшіе потребность болѣе-серьезнаго образованія и, по при-
мѣру высшаго круга общества, возлагавшіе всѣ свои надежды
на иноземныхъ гувернёровъ; но чтобы выбрать достойнаго на-
ставника, имъ болѣею частью не доставало ни нужныхъ свѣ-
дѣній, ни средствъ. Но если и замѣтно было въ нѣкоторыхъ
лицахъ это — хотя невольное и малосознанное — уваженіе
къ образованію, за-то попадались и такіе отцы, которые прямо
объявляли себя противниками всякаго образованія, почитая из-

*) Недѣля 42. Сличн съ рассказомъ М. С. Щенкина («Комета», альманахъ).

держки на воспитаніе дѣтей излишнею тратою и мотовствомъ; по какому-то странному убѣжденію они увѣряли, что «кто много знаетъ, тотъ уже отцу и матери не кормилецъ». Журналъ «И то и сѣ» рассказываетъ о такихъ отцахъ, которые сердились, когда дѣти просили нанять имъ учителя, и для всякаго увѣщанія прибѣгали къ ременной плѣткѣ*).

Какія послѣдствія могли быть плодомъ подобнаго воспитанія? Разумѣется, самыя печальныя. «Живописецъ» въ прекрасной статьѣ, подъ заглавіемъ: *Слѣдствія худого воспитанія*, яркими красками обрисовываетъ тотъ общественный вредъ, какой порождается невниманіемъ къ дѣтямъ, поблажкою и распущенностью:

«Какъ я отъ рожденія моего не зналъ, что есть стыдъ, и мнѣ про то никто не толковалъ, а меньше еще того разумѣлъ о неприличности, то, устремя всѣ мысли свои къ любви... «влюбился въ комнатную дома нашего дѣвку, обладающую «всеми тѣми прелестями, которыя только могутъ плѣнить «нижнее сердце несчастнаго любовника, и сдѣлался въ короткое время невольникомъ рабы своей. Отъ праздности, въ которой я всѣ дорогіе своей жизни часы препроводилъ и которая, по несмысленности, мнѣ пріятною казалась, произошли «всѣ мерзости исполненныя дѣла, а вольность сдѣлала меня «отважнымъ и наглымъ на всѣ предпріятія. Я спознался съ «сыномъ одного помѣщика, неподалеку отъ нашей деревни живущаго, который воспитанъ былъ не лучше моего, и (былъ) «дѣтина на всѣ руки... Отъ частаго съ нимъ обхожденія научился я просиживать цѣлыя ночи, весьма скоро въ игрѣ, въ «спяньствѣ и въ другихъ непостоянныхъ забавахъ переходящія, «и былъ уже совершеннаго знанія во всѣхъ карточныхъ играхъ, «къ погибели своего дома. Отецъ мой, разгнѣвавшись на меня

*) Недѣля 2 и 4; см. также письма къ Балагю.

«за таковыя мои поступки, выгналъ меня изъ дома и лишилъ законнаго наслѣдства, а я, не имѣя средства чѣмъ себя пропитать, вдался во всякія неприличныя моему роду дѣла, и тѣмъ доставлялъ себѣ бѣдное пропитаніе»¹⁾). На подобныя же плоды небрежнаго воспитанія указываютъ и другіе современные журналы²⁾, преслѣдуя лѣнивыхъ недорослей, трутней и лежебоковъ, которые жили въ постоянной праздности: гоняли голубей, бѣгали по двору съ собаками и предавались различнымъ порочнымъ наклонностямъ.

Журналы 1769—1774 годовъ представляютъ нѣсколько любопытныхъ картинъ (tableaux de genre) изъ домашней жизни людей, остававшихся вѣрными стариннымъ предразсудкамъ и обыкновениямъ. Приведемъ эти характеристическіе очерки, чтобы указать, съ одной стороны, въ какомъ кружку и въ какихъ понятіяхъ возрастали новыя поколѣнія, а съ другой — познакомить съ нравами, уже въ то время начинавшими отживать свой вѣкъ.

«Всячина» рассказываетъ объ одной семидесятилѣтней старушкѣ:

«На сихъ дняхъ, любезный читатель, съѣздилъ я къ теткѣ своей, барынѣ лѣтъ семидесяти... Не успѣлъ я войти въ двери и ей поклониться, какъ она закричала на меня: ба-«сурманъ, какъ ты въ комнатыходишь, да не крестишься?... «Я старался подойти поближе къ кровати, на которой она сидѣла, чтобъ поцаловать у нея руку, но почти непреоборимыя препятствія между нами находились и лишали меня долго сего удовольствія. У самой двери, направо, стоялъ превеликій сундукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящиковъ, ларчиковъ, коробочекъ и скамеечекъ барскихъ барынь. При

¹⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 130—132.

²⁾ «Всякая Всячина», стр. 231, 245. «И то и сѣ», недѣля 42.

«концѣ сего узкаго прохода сидѣли на землѣ рядомъ слѣпая, «между двумя карлицами, и двѣ богодѣльницы. Передъ ними «ближе къ кровати лежалъ мужикъ, который сказки сказывалъ; одна излишняя за штатомъ монахиня, двѣ внуки ея «родныя, дѣвушки-невѣсты, да дура. Монахиня да внуки отъ «прочихъ были тѣмъ отмѣнены, что онѣ лежали на перинахъ. «У кровати занавѣски были открыты, знатно отъ духоты, ибо «тетушка была одѣта очень тепло: сверхъ сорочки она имѣла «лисю шубу. Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у «стѣнъ для услугъ, подпирая рукою руку, а сею щеку. Ихъ «недосуги живо изображало растрепанное убранство ихъ головъ «и выпачканное платье. Я заключилъ, что тетка такъ живетъ, «дабы сказать можно было, что у нея въ комнатѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы не находился православный». Неловкой посѣтителю не могъ пробраться къ старушкиной постели, не задѣвъ концомъ своей шпаги за тряпицу, которою была оберчена голова карлицы. Отъ этого поднялся крикъ и визгъ. «Я еще не «успѣлъ отцѣпить (шпаги), какъ услышалъ, что слѣпая возопила великимъ голосомъ: ахъ, проклятый! раздавилъ мои «широги и весь карманъ мой замаслялъ. Тетушка очень осердилася на меня, и сказала: «что ты, шалунъ, ко мнѣ пріѣхалъ моихъ домашнихъ передавить? Во Франціи у васъ, «что ли, такой манеръ? Безбожный! на слѣпую напалъ. «Бѣдная такъ радовалась давеча широгамъ, и сколько имъ «укладыванья было! а дуракъ ихъ раздавилъ своимъ бѣшенствомъ. Вѣкъ бы ты лучше, мой свѣтъ, ко мнѣ не пріѣзжалъ, если только для того ѣздить будешь, чтобы сдѣлать «развратъ въ моемъ домѣ; да и дѣтей перенугалъ: Лиса поблѣднѣла совсѣмъ, а Груша и такъ со вчерашняго послѣобѣда не спала». Тутъ Лиса, ея большая внука, впала ей въ «рѣчь, и съ ужимкою молвила: *ужестъ*, бабушка-сударыня, «какъ я испугалась! А сестрица чуть жива. Груша на то

«сказала: «ахъ, радость, мочи нѣтъ, умарить; не магу вздумать, какъ онъ па вѣшь, па вѣшь; нѣтъ ушь, сестрица, какъ онъ не важенъ; права, ужестъ какъ не важенъ! просимъ аставить въ пакоѣ». Я примѣтилъ, что во время сего разговора обѣ дѣвушки головою вертели то на одну, то на другую сторону, подергивая весьма часто рукою платокъ шейный подъ бородкою, сидя притомъ очень прямо. Я все еще не терялъ надежды приблизиться къ кровати теткойной, но стоя въ углу извинялся, какъ могъ... Тетушка приказала поднести мнѣ водки. Я думалъ, что сія минута способна подойти къ ней; но какъ темно было со стороны кровати, гдѣ я подошелъ, — наклонясь весьма низко, зацѣпилъ локтемъ столѣикъ съ изломленною ножкою, на которомъ закуски стояли, и уронилъ оный теткѣ на кровать. Здѣсь дѣвки прибѣжали: одна зацѣпила лампаду... Тутъ монахиня прогласила: аминь, аминь, аминь, разсыпся! Тетушка вышла изъ терѣнія, и закричала: подай плетей». Посѣтитель успѣшилъ убраться*)).

Обычай окружать себя большою дворнею, приживалками, барскими барынями, дураками и дурами, былъ сильно укорененъ еще въ XVII-мъ столѣтїи; эти приживалки, знакомцы, сказочники и дураки содержались, при вѣсѣхъ богатыхъ домахъ, для развлеченія домохозяевъ и ихъ гостей, или, какъ тогда выражались, для *потѣшкаю дѣла*. «Когда гости прїѣдутъ, то первое слово: позовите дураковъ. Сіе есть самый ласковый прїемъ... Кой часъ дураки войдутъ, то уцѣпятся другъ другу въ волосы, и кто которому болѣе выдернетъ клочковъ волосовъ, тому поднесутъ чарку водки. Хозяинъ обыкновенно хохочетъ тому такъ, что въ третьей комнатѣ слышно. Знато, по привычкѣ уже сердо-

*) Стр. 69—72.

«болія нѣтъ ; а того и на умъ не придетъ, что и дураки суть «люди. Когда же кто ихъ уймётъ, тогда иные говорятъ : нѣтъ «ничего, они привыкли . . . Дураки же бываютъ вымараны, «выпачканы, почти наги, а обыкновенно босы ; рожи у нихъ «разбиты и пьяны. Если гости чуть стануть ихъ унимати, «чтобы не дралися, то бросаются на гостей, и тогда бѣги «скорѣе вонъ»¹⁾. По преданію, въ прихожей Ромодановскаго (князя—цесаря) было завсегда забавно : много шутовъ находилось, и медвѣдица разносила передъ обѣдомъ водку²⁾. Чтобъ разсѣять скуку, обыкновенно призывались дураки и дуры или сказочники ; чтобъ прогнать у дѣтей безсонницу, заставляли разсказывать имъ на сонъ грядущій разныя сказки³⁾.

Вотъ двѣ другія картины нравовъ, представляемыя «Всякою Всячиною» :

«Какъ нынѣ Святая недѣля, то и должно всякій день об- «скакивать цѣлую Москву. Я, будучи въ мѣстахъ пяти, и не «заставши никого дома, вздумала заѣхать ко праправнучатной «моего дѣдушки племянницѣ, которая хотя была и достаточ- «ный человекъ, но прожила весь свой вѣкъ въ деревнѣ. Сія «госпожа пріѣзжала только въ Москву по всякую зиму не- «дѣли на двѣ, для продажи суконъ, понитковъ, холстовъ, ве- «ревокъ, лаптей, кокошниковъ, сухихъ грибовъ и всякихъ «ягодъ, и также, какъ говорила она, чтобы дочери ея пере- «няли московскія моды. Я спросила у моего кучера, можетъ «ли онъ сыскати домъ сей моей родни ? на что онъ сказалъ, «что его знаетъ, ибо де недавно купилъ въ семъ домѣ роднѣ

¹⁾ «Всякая Всячина», стр. 225—6. Сочин. Екатер. II, ч. II, стр. 186 (комедія : «Имянины г-жи Ворчалкиной»).

²⁾ Сочин. Екатерины II, ч. II, стр. 310 (комедія : «Разстроенная семья»). Смотри также Словарь знаменитыхъ людей Бантышъ-Каменскаго.

³⁾ «Смѣсь», стр. 169.

«своей въ деревню кокошникъ. Мы, проѣхавъ множество переулковъ, остановились передъ одними воротами, которыя были съ обѣихъ сторонъ подперты подставками : въ которое время слуга, стоящій назади кареты, прибѣжалъ отворять дверцы у оной. Я спросила у него, для чего онъ отворяетъ? «велѣлъ бы ѣхать прямо на дворъ. На что онъ мнѣ отвѣчалъ, «что сего учинить никакимъ образомъ не можно; ибо де «дворъ ихъ наполненъ прѣхавшими для покупки сѣна роспусками, которое самъ мой высокопочтенный дядюшка изво- «лѣлъ вѣсить. Итакъ я принуждена была выйти изъ кареты и «обмокнуть въ грязи свои башмаки... Когда вошла я на «дворъ, то стоящій въ разодранномъ тулупѣ любезный мой «дядюшка не удостоилъ меня, чтобы съ нимъ поцѣловаться, «по той причинѣ, что не было у него краснаго яйца; а при- «казалъ босому и въ одномъ пониточномъ камзолѣ проводить «меня къ тетушкѣ. Двери у передней комнаты столь были «низки, что я, зацѣпясь, принуждена была спихнуть весь го- «ловной уборъ*). Тутъ сей босоногой просилъ меня садиться «на скамейку, а самъ пошелъ докладывать къ тетушкѣ, по- «чему я и осталась одна, кленя себя за сей проклятый «прѣздъ, и сидѣла цѣлый часъ, не дождавшись тетушки. «Наконецъ изволила она выплыть, и похристосовавшись со «мною красненькимъ яичкомъ, повела меня въ другую комна- «ту, гдѣ находились двѣ дѣвки въ тѣлогрѣяхъ и въ связкахъ, «а изъ нихъ одна домывала полъ, а другая опраливала по- «стелю. Дородная моя тетушка посадила меня на скамью и «велѣла кликнуть дочекъ своихъ. А какъ посланная за ними «дѣвка сказала, что онѣ почиваютъ, то лѣпообразная моя те- «тушка встала тотчасъ и пошла въ комнату(такъ называла

*) Мода требовала тогда носить чрезвычайно-высокіе головные уборы.

«она стоящій въ боку вымазанный хлѣвъ»), въ коей раздавался «великій вопль. Дверь у ней не очень плотно была притворена, а сродное женщинамъ любопытство и побудило меня «посмотрѣть, что дѣлается въ семъ чертогѣ. Тамъ увидѣла «я, что большія изъ ея дочерей убирались, а маленькія дѣтки, коиимъ было глѣтъ по 10 и больше, производили играючи «въ куклы и въ кубари ужасный визгъ; на печи же сидѣлъ «слуга и плелъ для продажи лапти, а подъ печкою сидѣли на «яйцахъ куры. Наконецъ вывела моя тетушка двухъ въ гре- «зетовыхъ робронтахъ и въ напудренныхъ мукою волосахъ до- «счекъ. Онѣ были чрезвычайно набѣлены, нарумянены и на- «сурмлены, имѣли волосы завитые по мужскому и назади при- «колотыя многочисленныя косы, а сверхъ всего того на голо- «вахъ изъ серебрепаго флера лопасти». Всесильная мода прокрадывалась и въ семью, привыкшія къ мелочной раз- «счетливости и перяшеству деревенской жизни, но въ какомъ «неопрятномъ видѣ появлялась она здѣсь! Дѣвицы «поцѣлова- «лись со мною также съ яйцами, просили, чтобы я ихъ жа- «ловала. И когда, по разнообразнымъ комплементарамъ, всѣ «мы усѣлися, то любезная моя тетушка приказала подать на «*жаритончикъ* моченыхъ яблокъ и брусники. А какъ ска- «зала я, что ничего того не хочу, то примолвила она: такъ «не изволишь ли, племянюшка, съ дочками моими покачаться «и поскакать на доскѣ? Я ей отвѣтствовала, что качаться «и скакать боюсь; а она сказала на то съ сердцемъ: «куда «какъ ты, свѣтъ мой, великатна, что тебѣ уже съ нашими «дочерьми *невмѣстно* и канпанью водить, а въ этомъ нѣтъ «никакого художества». Мнѣ надобно было извиниться, какъ «можно лучше, почему и сказала я, что не нѣжусь, а боюсь «очень сего упражненія. Радость, сестрица, сказала боль- «шая ея дочь, ты вся по модѣ, да у тебя же и *карасе* въ го- «ловѣ. Я спросила съ удивленіемъ: что-бы такое значило

«харитончикъ и карасе? А меньшая ея дочь на то и отвѣтствовала мнѣ такимъ образомъ: «полно издѣваться, матушка! ты уже французскую грамоту знаешь, а не разумѣешь, что эта значитъ. Вотъ эта, сказала она, указавъ на мой «полумѣсяцъ, называется карасеемъ; а харитончикъ я тебѣ «стотчасъ покажу». Потомъ кликнула она своего босоногого «лакея и велѣла принести харитончикъ. Почему я и думала, «что принесутъ какого-нибудь мальчика, называемаго Харитонкомъ. Но разсудите о моемъ удивленіи, ибо въ то время «увидѣла я принесенный на одной ножкѣ круглый столъ, «на которомъ было около пальца толщиною грязи и пыли... *)

«Пріѣхалъ ко мнѣ братъ мой, и какъ мы узнали, что со «сѣдъ мой возвратился, пошли оба къ нему пѣшкомъ и взяли «по деревянной лѣстницѣ въ палаты. Но намъ сказали, что «палаты онъ отдаетъ въ наймы, а самъ живетъ въ хоромахъ «на дворѣ. Мы бы принуждены были брести по грязи, смѣ- «шенной съ навозомъ, черезъ весь немощеный дворъ, кото- «рый однако десятины полторы занималъ, если бы хозяинъ, «узнавъ, что мы къ нему идемъ, не выслалъ намъ на встрѣ- «чу на половинѣ пути, изъ учтивости, двухъ досокъ, изъ «которыхъ попеременно, одну послѣ другой, какъ скоро съ «сей на ту ступимъ, передъ нами постилали. Итакъ по мно- «готрудномъ проходѣ мы дошли до гнилаго крыльца. Онъ насъ «самъ встрѣтилъ въ замасленномъ тулупѣ, въ колпакѣ и безъ «обуви, у дверей, въ сѣняхъ величиною съ чуланъ, и ввелъ «насъ черезъ весьма закоптѣлую и ничѣмъ необитую перед- «нюю, которая единственное украшеніе состояло въ нѣсколь- «кихъ скамьяхъ о трехъ ножкахъ, нанеслѣдокъ въ комнату, «обитую бумажками. Здѣсь онъ просилъ насъ сѣсть и клик- «нулъ: малый, малый! Сей вѣжалъ въ епанчѣ; голова

*) Стр. 385—9.

«нечесанная, и въ грязныхъ сапогахъ. Но онъ на него закричалъ : дуракъ, скинь епанчу . . . и мы увидѣли на немъ сѣрый суконный изодранный и вымаранный бострокъ съ мѣдными пуговицами. Принесли намъ соломенные стулья : мнѣ достался цѣлый, но братъ мой чуть сквозь стулъ не провалился, и для того принужденъ былъ сидѣть все время на одномъ краюшкѣ. Самъ хозяинъ сѣлъ поперегъ кровати, покрытой простынями, кои болѣе имѣли видъ сѣрой тафты, нежели бѣлаго полотна, и говорилъ намъ : «не прогнѣвайтесь, я человекъ не молодой; у меня ноги болятъ, я и чулковъ на нихъ терпѣть не могу», и, въ доказательство, раскрылъ туфлю и показалъ намъ голыя ноги . . . «Я очень радъ, что вы ко мнѣ пришли, чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать? горѣлки вы не пьете, чаю, а у меня, окромѣ домашняго, ничего нѣтъ». Мы поблагодарили ему, и братъ мой началъ . . . говорить о своей нуждѣ. Онъ отвѣтствовалъ : ну, если такъ, прошу отобѣдать, и послѣ переговоримъ. Здѣсь онъ приказалъ на столъ набрать, а между тѣмъ у насъ спросилъ : чьи мы дѣти? и вспомнилъ, что онъ съ молода знался съ нашимъ отцомъ, говоря : вы вить гораздо небоги; и я бы богатъ былъ, если бы все пустоши мнѣ были отданы, о коихъ я дѣлъ имѣю съ двадцать разныхъ, а въ тридцати и болѣе я уже получилъ отказъ; но я пошелъ въ третью апелляцію, авось-либо удастся! . . . Послѣ того жаловался на дороговизну здѣшняго мѣста, и что домъ ему сталъ дорого. Потомъ пришли сказать, что кушанье поставлено. Мы сѣли за столъ, покрытый скатертью съ дырами; салфетки же по крайней мѣрѣ уже служили за осмью обѣдами, да за столько-же ужинами. На оловянной посудѣ счесть можно было, сквозь сколько рукъ она прошла; ибо всякого пальца знакъ напечатлѣнъ на ней остался. Я попросилъ пить : принесли мнѣ стаканъ, хотя стеклянный, но чистотою подобный посудѣ, съ тѣмъ еще

«прибавленіемъ, что рты, кои изъ него шли, тутъ-же означены были. Старикъ между тѣмъ кушалъ, не останавливая-
«ся, грозя и браня за всякую бездѣлицу слугъ; отчасти и
«насъ подчивалъ. Тутъ намъ случай былъ увѣриться, какова
«велика есть привычка, ибо то, что намъ казалось гадко и дико,
«ему и непримѣтно было. . . Пришедши домой, услышалъ я, что
«онъ ко мнѣ же присылалъ во время обѣда просить соли, яиць,
«пива, укуса и тому подобнаго, что къ нему по сосѣдству и
«отпустили»¹⁾. «Смѣсь» упоминаетъ о подобномъ же скопи-
домѣ, который довольствовался одними деревенскими припа-
сами, носилъ платье, доставшееся ему по смерти его пред-
ковъ, и даже не поправлялъ сгнившей кровли своихъ хорошь²⁾).

Но ближе и нагляднѣе всего съ людьми стариннаго покроя знакомятъ насъ любопытныя письма, писанныя къ Фалалею; конечно, знакомятъ они насъ только съ темными сторонами ихъ характеровъ и убѣжденій, но такова задача сатиры. Выписки, приводимыя нами изъ журналовъ семидесятыхъ годовъ, неполнѣ изображаютъ дѣйствительный бытъ; онѣ схватываютъ только тѣ черты, какія соответствовали ихъ сатирической цѣли. Свѣтлыхъ сторонъ жизни сатира не могла касаться; но, повторяемъ, ея живая и бойкая насмѣшка надъ недостатками общества не есть ли самое свѣтлое явленіе, которое лучше всякихъ похвалъ говоритъ за нравственное развитіе сатирической эпохи?

Письма къ Фалалею были напечатаны въ «Живописцѣ». Приведемъ эти образцовыя комическія произведенія, изобилующія опытное перо:

а) Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну:

Сыну моему Фалалею. Такъ-то ты считаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому

¹⁾ Стр. 91—95.

²⁾ Стр. 123—4.

ли я тебя училъ, и того ли отъ тебя надѣялся, чтобъ ты на старости отдалъ меня на посѣишище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать*). Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку! пришло съ ума сойти. Слыханное ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами такъ ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю выстѣчь кнутаомъ? меня Богъ и государь тѣмъ пожаловали; я воленъ и надъ живо- томъ твоимъ; видно, что ты это позабылъ! Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за это положено только цер- ковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки... Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. — Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужъ я бы далъ себя знать. Я бы и ее не послушалъ, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вить ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужъ и не жди никакой пощады... у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы только мнѣ до тебя до- рваться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, это бы свое дѣло; а то вить ты знаешь, что нынѣче время во- енное; неровно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не плошись; уберись-ка въ сторонку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай домой: ѣшь до сыта, спи сколько хо- чешь, а дѣла за тобой никакого не будетъ. Чего тебѣ лучше

*) Намекъ на письмо къ Фалалею, еще прежде напечатанное въ «Живописцѣ» (ч. I., изд. 2, стр. 105).

этого? За честию, свѣтъ, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты за то поздоровѣе всѣхъ егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частенько поохиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышутъ: у кого руки перестрѣяны, у кого ноги, у много голова; такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и принскалъ было невѣсту. Дѣвушка не убогая, грамотѣ и писать горазда, а пуще всего великая экономка: у нее ни синей порохъ даромъ не пропадетъ; такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой; тебѣ будетъ чѣмъ жить и опричь невѣстина приданого; я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вить это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумны: то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всѣмъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Оалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай! Да полно что тебя учить, ты вить не малой уже ребенокъ; пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лихо дѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригоднѣе... Не испугайся, Оалалеюшка, у насъ нездорово; мать твоя, Акулина Сидоровна, лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ соборовалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: *Налетку* твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту Божьего не взвидѣла; такъ и повалилась. А послѣ какъ опомнилась, то пошла это дѣло розыскивать, и такъ надсадила себя, что чуть жива

пришла, и повалилась на постелю; да къ тому же выпила студенной воды цѣлой жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! Я того и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать что, Фалалеюшка, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою. Тебѣ, другъ мой, все-таки легче моего: налеткины щенята, слава Богу, живы; авось-таки который-нибудь удастся по матери, а мнѣ ужь эдакой жены не наживать. Охти мнѣ, пропала моя головушка! гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка. Точно, Фалалеюшка, съ женою разставаться; я было уже къ ней привыкъ, тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ: какъ у почки погрѣлся! Виновать я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку. Ну, да какъ безъ этого; живучи столько вмѣстѣ и горшокъ съ горшкомъ столкнется; какъ безъ того? Я крутъ больно, а она неуступчива, такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была *). Учись, сынокъ, какъ жить съ женою; мы хоть и дирались съ нею, да все-таки живемъ вмѣстѣ, и мнѣ ее теперь, право, жаль. Худо, другъ мой, и вожжен не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

в) Письмо отъ матери къ Фалалею:

Свѣтъ мой, Фалалей Трифоновичъ! Что ты это, другъ мой сердечной, накудесилъ? пропала бы твоя головушка; вить ты уже не теперь знаешь Панкратьевича: какъ ты себя не бережешь? Ну, кабы ты, бѣдненькой, попался ему въ ру-

*) Сличъ съ показаніями «Всячины» (стр. 151) и «Полезнаго съ Пріятнымъ» (III-й полуиѣсяцъ, стр. 3).

ки, такъ вить бы онъ тебя изуродовалъ пуше Божьего милосердія. Нечего, Фалалеюшка, поровокъ-ать у него, прости Господи, чертовской; ужъ я ль ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралеситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты, батька мой, что это сдѣлалъ, отдай письмо его напечатать; вить ему всѣ сосѣди смѣются: экой-де у тебя сынокъ, что и надъ отцомъ ругается. Да полно вить, Фалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешь; мало ли что лихіе люди говорятъ; Богъ съ ними! у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо; наше лучше всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Побереги ты, мой батько, самъ себя, не разсерди отца-то еще: съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хоть солги что-нибудь; вить это не какой грѣхъ, не чужаго будешь обманывать, своего роднаго; и всѣ дѣти не праведники, какъ передъ отцомъ не солгать. Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему по неволѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечный, здоровье; а я лежу на смертной постелѣ. Не умори ты меня безвременно; приѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя посмотрѣться въ послѣдній разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ: нечего, очень худо; обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вить у меня одинъ одинехонекъ, какъ синей порохъ въ глазѣ; какъ мнѣ тебя не любить? Кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живою; я тебя благословлю твоимъ ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои деньжонки, которыя украдкою отъ Панкратьевича накопила, вить для тебя же, мой свѣтъ; отецъ-ать тебѣ не сколько даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское, какъ не полакомиться, какъ не повеселиться; твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобъ забавляться; мы и сами съ молодю таковы же были. Веселись, мой батюшка,

веселись; прійдетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдеть. Послала я къ тебѣ, Фалалеюшка, сто рублей денегъ; только ты объ нихъ къ отцу ничего не пиши. Я это сдѣлала украдкою; кабы онъ свѣдалъ про это, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-та всегда таковы: только что брюжжать на дѣтей, а никогда не потѣшать. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское: послѣднюю копѣйку изъ за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батка ты мой, Фалалей Трифоновичъ, дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою разставаться будетъ? на кого я тебя покину? Погубить онъ, супостатъ, мою головушку! Этотъ старый хрычъ когда-нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можно береги; плетью обуха не перебьешь...

с) Письмо дяди къ Фалалею:

Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкой поклонъ и великое челобитье... Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпуску сего письма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; такожь и отецъ твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же; только Сидорвна, хозяйка его, а твоя мать больно трудна: что подынешь, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нея и руки и ноги, а теперь, чай, ужъ и не говорить; и при мнѣ-та такъ ужъ черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ ангеломъ да Фарсульской Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тороватѣ стала! Оставила на поминъ душъ такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не эдакихъ, какъ жарь вызолочены; а эта, братъ, Неопалима подлинно что не обожжетъ; и окладшко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спа-

сибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и ма-сломя особоровалась; хоть и умереть, такъ ужь по христіански. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Фалалеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужь я ей говорилъ: эй, Сидоровна, исповѣдайся; вить уже ты въ гробъ глядишь. Такъ нѣтъ-ста, на силу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужь за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать что у нея многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили, правда, и ворожей: нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли; а послѣ привели было еще одного, да ужь и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалеюшка, такъ будетъ притоманно живѣ, а кому умереть, тому и ворожей не пособать. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ. . . Ну, Фалалеюшка! вить матушка твоя скончалась: поминай какъ звали. Я только теперь получилъ объ этомъ извѣстіе; отецъ твой, сказываютъ, воетъ какъ корова. У насъ такое повѣрье: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ будто по любимой лошади. Пріѣзжай, другъ мой Фалалеюшка, пріѣзжай Бога ради поскорѣе, хоть не надолго, а буде можно, такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе петербургскаго¹⁾).

Отецъ Фалалея настаивалъ, чтобъ сыночекъ его выходилъ въ отставку²⁾; многіе же изъ деревенскихъ недорослей сами

¹⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 163—173.

²⁾ «Всячина» упоминаетъ объ отцѣ, который говорилъ своему сыну: «ежели де я услышу, что ты пойдешь въ службу, то развѣку тебя плетьми и собью со двора долой». При этомъ «Всячина» прибавляетъ: «было-бъ не худо, хотя бы въ *новомъ уложеніи* сдѣлать какой-нибудь законъ для отцовъ, которые имѣютъ дѣтей въ совершенныхъ лѣтахъ» (стр. 228—230).

спѣшили воспользоваться этимъ правомъ дворянской вольности. Но, покидая службу, они имѣли въ виду праздное и безплодное препровожденіе жизни. Сатирическіе журналы, защитники труда и общенародной пользы, не могли равнодушно смотрѣть на подобное явленіе; они указывали на государственную службу, какъ на главнѣйшую сферу, въ которой можно содѣйствовать народному развитію и общественному благу, и насмѣшливо отзывались о спѣшавшихъ въ отставку трутняхъ :

«Съ тѣхъ поръ, какъ російское дворянство подарено вольностью, многимъ захотѣлось отвѣдать сего пріятнаго подарка; такое лакомство завело нѣкоторыхъ въ неограниченную «праздность, гдѣ они въ самомъ дѣлѣ доказываютъ, что они «вольны. Свободное упражненіе таковыхъ людей достойно примѣчанія, и дабы сіи полезные мужи забвенію преданы не были, упомянемъ о нѣкоторыхъ не для примѣру, какъ жить дворянину должно, но какъ жить ему не должно: Господинъ «*Отдыхаловъ* — сему дворянину не полюбилась служба, для «того, что надобно служить, а ему захотѣлось воли. Взялъ «отставку, уѣхалъ въ свое помѣстье, построилъ голубятню, «накупилъ разнаго рода голубей, гоняетъ ихъ съ утра до вечера, приманиваетъ чужихъ въ свое стадо, машетъ, свиститъ, и по таковыхъ трудахъ спокойно засыпаетъ... Господинъ «*Досужниковъ* — родъ сего дворянина столь давно началъ свое возимѣль, что никто не помнитъ, какъ они дворянами сдѣлались. Батюшка его слышалъ отъ своего батюшки, а тотъ отъ своего дѣдушки, такъ какъ и дѣдушка отъ «своего прадѣдушки, что они дѣйствительно дворяне. Остаточный ихъ потомокъ, вѣдая, что онъ отъ такой высокопочтенной крови родился, не дослужась далѣе, какъ до комисарскаго чина, не разсудилъ болѣе родъ свой безчестить малою «степенью, пошелъ въ отставку, легъ спать: не разбудите его,

«читатели; это заслуженный офицеръ!... Не златой досугъ мы «оскорблять намѣрены; онъ драгоцененъ для тѣхъ людей, которые чувствуютъ долгъ прямого гражданина и подлиннаго сына «отечества. Такие люди умѣютъ обращать свободное время «своей жизни въ такую же пользу, какъ и во время службы «своей. Многіе то уже доказали, и многіе вседневно доказы- «ваютъ, стараясь или о воспитаніи дѣтей своихъ, или о пря- «момъ домостроительствѣ, или о изысканіи прямого добра че- «ловѣческому роду; есть таковыя, однако есть и подобныя «тѣмъ, о которыхъ мы упоминали, и сіи конечно не могутъ «инако почитаться, какъ всеобщю тягостію»¹⁾. Фонъ-Ви- зинъ зналъ многихъ, которые тотчасъ же выходили въ от- ставку, какъ добились права впрягать четверню.

Однимъ изъ самыхъ обычныхъ и любимыхъ развлеченій деревенской жизни была псовая охота, на которую тратилось много и денегъ и времени; другіе любили смотрѣть гусиные и пѣтушьи бои и гонять голубей, предавались этимъ занятіямъ со страстью и въ нихъ убивали скуку, порождаемую праз- ностью. «Всякая Всячина» насмѣхается надъ тѣми, которые, оставляя городъ, спѣшать въ деревни и въ сотовариществѣ стаи собакъ стараются время свое употребить на оборону куръ и коровъ отъ лисицъ и медвѣдей, или, что бываетъ ча- ще, гоняются за зайцемъ, который никогда не бывалъ съ ними въ ссорѣ²⁾. Сатирическіе журналы рисуютъ намъ нѣсколько любопытныхъ портретовъ такихъ господъ, съ которыми мы и

¹⁾ «Вечера» (изд. 2) ч. 1, стр. 55—60, 165; ч. 2, стр. 172—3. Ко- медія: «Воспитаніе», сочиненная въ 1774 году (печат. при московск. универс.): «благородный человѣкъ не для того называется сыномъ «отечества, чтобъ только получать наслѣдія, и не для того пользуется «имѣніями, чтобъ наслаждаться токмо ими, и не служить своему «отечеству, а напротивъ въ такое время, когда отечество службы тре- «буетъ» (стр. 54; также стр. 67—68).

²⁾ Стр. 320.

познакомимъ теперь нашихъ читателей. Вотъ господинъ лѣтъ сорока-пяти; будучи небогаты, онъ живетъ у своего брата, который за женою взялъ хорошее приданое, и смотреть у него за охотою; во всемъ государствѣ нѣтъ охотника, который бы съумѣлъ лучше его напустить собакъ и перескакать зайца. Сверхъ того, онъ умѣетъ дѣлать изъ щепокъ мельницы и бумажные корабли, и за такія добрыя качества вездѣ хорошо принятъ и со всеми сосѣдями коротко знакомъ. Онъ вымѣниваетъ собакъ своихъ друзей, живущихъ на разныхъ краяхъ уѣзда, и особенно любимъ молодыми людьми, проживающими въ деревнѣ, которымъ онъ иногда даритъ сѣти или своры своей работы, а иногда лягавую собаку, которую самъ воспиталъ; «иногда же матерямъ или сестрамъ даритъ чулки и подвязки, имъ вязанныя, и забавляетъ ихъ вопросомъ «при всѣхъ случаяхъ свиданія: каково *идски* его чулки?»¹⁾. Вотъ еще деревенскій трутень; онъ живетъ въ селѣ; «домъ «господской дѣдушка его построилъ было на время, но они «такъ въ немъ обжились, что новаго и по сіе время не построили; ибо батюшка сего дворянина отягощенъ былъ дѣлами, а именно: пилъ, ѣлъ и спалъ, а сынокъ къ строенію «не имѣетъ охоты, но вѣсто того упражняется въ весьма полезныхъ дѣлахъ, ибо онъ изыскиваетъ: можетъ ли боець «гусь побѣдить на поединкѣ лебедя, ради чего выписываетъ «изъ Арзамаса самыхъ славныхъ гусей, и платитъ за нихъ «по двадцати, по тридцати и до пятидесяти рублей за каждого»; онъ имѣетъ также бойцовъ-пѣтуховъ и содержитъ огромную псовую охоту, и положенный на него сосѣдями за помятіе ихъ хлѣба оброкъ каждый годъ платитъ бездомночно²⁾. «Трутень» упоминаетъ еще о сынкѣ одного приказнаго, который лазилъ по голубятнямъ, гонялъ голубей, держалъ пѣту-

¹⁾ «Барышокъ Всяк. Всяч.», стр. 481—3.

²⁾ «Трутень» 1769, стр. 124—5.

ховъ для бою и выкармливалъ разнаго рода собакъ¹⁾; а «Щепетильникъ» рассказываетъ объ одномъ *молодчикъ*, который не могъ письма написать безъ помощи дядьки, но за-то знатокъ былъ и въ голубяхъ, и въ собакахъ; страсть къ нимъ простиралась у него до того, что однажды, парившись въ банѣ и увидя изъ окна стаю голубей, бросился благимъ матомъ на будку, схватилъ шесть и нагой началъ гонять своихъ голубей²⁾.

Особенною характерною чертою старинныхъ людей, выросшихъ въ глуши, было суевѣріе, наслѣдованное ими отъ глубокой древности. Суевѣріе это было естественно въ людяхъ, прожившихъ вѣкъ среди глубокаго невѣжества и мелочныхъ интересовъ; они плохо понимали требованія истинно-правственныхъ побужденій. Подобныя явленія должны были дать обильную пищу современной сатирѣ и комедіи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эпоху разсматриваемыхъ нами журналовъ много еще попадалось въ обществѣ такихъ простаковъ, которые готовы были искать кладовъ, разрывъ-траву и косточку-невидимку³⁾, серьезно боялись колдуновъ и мертвецовъ, и были убѣждены, что по ночамъ домовые собираются въ погребахъ и конюшняхъ⁴⁾, отъ души вѣрили, что старинныя примѣты, сны и ворожба на бобахъ, кофе и картахъ, непременно сбываются, что бѣда отъ дурной встрѣчи неминуема, что просыпанная соль и тринадцать человекъ за столомъ предвѣщаютъ бѣду и смерть, что когда чешется ладонь — это значить: скоро считать деньги, и проч.⁵⁾; были и такіе, которые въ болѣзняхъ, вмѣсто лѣкарей, обращались къ воро-

¹⁾ 1769, стр. 202.

²⁾ Стр. 103—4. См. письма къ Фалалю и «Сочин. Екатер. II», ч. 2, стр. 247 («Имянины г-жи Ворчалкиной»).

³⁾ «И то и сѣ», недѣл. 29, 30.

⁴⁾ «Смѣсь», стр. 283.

⁵⁾ «Всячина», стр. 240. «Вечера», ч. I (изд. 2), стр. 76.

жеямъ, какъ это свидѣтельствуютъ письма къ Фалалаю. «И то и сѣ» рассказываетъ о такихъ родителяхъ, которые, видя, что сыночекъ ихъ плохо учится грамотѣ, обращались къ колдунамъ, истратили много денегъ, но толку не добились, и неучъ остался по прежнему неучемъ*). Осуждая эти ходячіе предрассудки, журналы стараются въ своихъ небольшихъ, но шѣтко-направленныхъ рассказахъ представить всю смѣшную и вредную ихъ сторону :

«Бѣдиль я недавно обѣдать за Москворѣчье къ одному знакомому мнѣ человѣку. Съ неудовольствіемъ увидѣлъ я весь домъ его въ великомъ уныніи. Я навѣдывался, что тому причиною, и получилъ на то отвѣтъ, что жена его видѣла дурной сонъ, который ему, ей, или дѣтямъ грозитъ какимъ-то несчастіемъ. Она мнѣ казалася въ толь глубокой печали, что она бы произвела во мнѣ много сожалѣнія, еслибъ я напередъ не узналъ причины. Мы сѣли за столъ... Меньшій ихъ маленькій сынъ, который сидѣлъ въ концѣ стола, зачалъ говорить : матушка, въ понедѣльникъ зачну я склады. — Въ понедѣльникъ? вскричала мать, сохрани Богъ! съ понедѣльника не начинаютъ. Скажи пономарю, чтобы со вторника началъ. Пока я мысленно дивился, что нашелъ особу, коя же лала установить правиломъ — потерять въ недѣлѣ одинъ день, хозяйка просила меня подать ей соль. Я, спѣша сдѣлать ей сію угодность, отъ скорости и робости уронилъ наполовинѣ дороги солонку. Увидя сіе несчастіе, она затряслась и тотчасъ примѣтила, что соль просыпалася прямою дорогою къ ней. Я самъ оробѣлъ и стыдился, что я у всѣхъ произвелъ толикій страхъ. Хозяйка, немного опомнясь, вздыхая, мужу сказала : голубчикъ, одно несчастіе безъ другаго не бываетъ; вспомни, что голубятня наша обвалилась въ тотъ

*) «И то и сѣ», недѣл. 42; «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 167.

«же день, какъ дѣвка просыпала соль на столѣ. Помню, от-
«вѣтствовалъ мужъ; а на другой день получили мы извѣстіе
«о порндорфской баталіи... Читатель представить себѣ мо-
«жетъ мое трудное состояніе при сихъ разговорахъ. Я спѣ-
«шилъ набѣться съ пасмурнымъ видомъ. При концѣ стола я
«положилъ на своей тарелкѣ ножъ и вилки ненарочно на-
«крестъ. Но хозяйка просила меня, чтобъ я оныя положилъ
«рядомъ... Я скоро потомъ узналъ изъ обхожденія сея гос-
«пожи, что она меня принимала за человѣка страннаго и за
«предвѣстника несчастій. Итакъ, кой часъ отобѣдалъ, я про-
«стясь уѣхалъ домой и, запершись въ своей комнатѣ, размыш-
«лялъ: сколько безпокойства люди сами себѣ наносятъ глупы-
«пыми выдумками, иногда обращая самыя простѣйшія приклю-
«ченія во вредныя себѣ примѣты, и страдая заподлинно отъ
«таковыхъ пустыхъ вымысловъ. Я зналъ человѣка, который
«ночь цѣлую не спалъ отъ того, что увидѣлъ сѣверное сія-
«ніе. Иногда крикъ вороны болѣе тревоги въ домѣ произво-
«дилъ, нежели смерть невѣстки. Последняя бездѣлица бы-
«ваетъ страшилищемъ ужаснымъ сею болѣзнію зараженнымъ
«мыслямъ. И тогда старый заржавѣлый гвоздь и кривая бу-
«лавка принимаются за диво. Я помню, какъ былъ я одинож-
«ды въ бесѣдѣ, гдѣ веселье и удовольствіе отовсюду блистало
«до тѣхъ поръ, пока одна старушка не примѣтила, что насъ
«сидѣло тринадцать за столомъ. Услыша сіе, многія женщины
«испугавшіяся вскочили изъ-за стола, и побѣжали вонъ изъ
«комнаты. Но одинъ изъ моихъ знакомыхъ далъ примѣтить,
«что тутъ же была его беременная сожительница, и что насъ
«не тринадцать, но четырнадцать, сказавъ притомъ, что не-
«токмо нѣтъ никакія примѣты убыли чрезъ смерть, но явное
«еще предсказаніе прибыли будущимъ рожденіемъ его жены
«окажется... Я знаю дѣвицу, коя имѣетъ припадки болѣз-
«ни... Она въ одномъ знатномъ домѣ *во теткахъ живетъ*,

«предсказывая отъ начала года до конца. Она видитъ всегда «сны, она предвѣщаетъ смерть, войну и миръ. Нѣсколько «дней тому назадъ, какъ она было съ ума сошла отъ того, что «дворная собака лаяла, когда у нея зубы болѣли. Она выслала «дѣвку смотрѣть, лаеетъ ли собака, подымая рыло, или опуская «голову въ землю. Дѣвка пришла съ отвѣтомъ, что собака со «двора ушла; и то было бѣда»*)).

Приведемъ и другой разказъ: «Жилъ нѣкогда со мною въ «одномъ домѣ отставной капитанъ, человекъ честной, но суе- «вѣръ большой; просилъ онъ не о чемъ (то есть о чемъ-то) «нѣкотораго знатнаго господина, которой приказалъ ему прійти «по утру къ себѣ и обѣщалъ тогда сдѣлать съ нимъ милость. «По разсвѣтаніи дня одѣлся онъ попорядочнѣе и пошелъ полу- «чить свое счастье. Какъ только вышелъ за ворота, то по- «пался ему встрѣчу монахъ, отъ чего переѣнился въ лицѣ и «воротился домой весьма съ безпокойными мыслями. Посидѣвъ «нѣсколько, пошелъ онъ опять, и какъ только появился на «улицѣ, то повстрѣчался съ нимъ попъ, отъ чего пришелъ «онъ въ пущее безпокойство, и воротившись домой не хотѣлъ «уже идти въ тотъ день... Нужда же его была больше, не- «жели примѣчаніе, и такъ принужденъ онъ былъ идти; тутъ «попалась ему дѣвка, которая несла на коромыслѣ полныя вед- «ра воды. Увидя сіе, онъ разсмѣялся и сказалъ съ радостію: «здравствуй, красавица! и та пожелала ему благополучнаго «пути, и это былъ добрый знакъ, что полныя ведра. Однако «за встрѣчами опоздалъ и не получилъ ни того, ни сего. Еще «случилось мнѣ видѣть: нѣкогда приказной служитель, кото- «рый чаще бывалъ въ кабацкѣ, нежели въ приказѣ, слѣдова- «тельно всякую минуту ожидалъ правильнаго за то наказанія, «одѣвавшись застегнулъ камзолъ черезъ пуговицу, и когда

*) «Всячина», стр. 17—21.

«усмотрѣлъ оное, то сказалъ, что быть ему въ тотъ день или «пьяному или битому, что и была дѣйствительная правда : по «утру его высѣбли, а къ вечеру, съ горя, нашлся онъ пьянъ»¹⁾. Суевѣрныя примѣты рождали много комическихъ положеній, которыми прекрасно воспользовалась императрица Екатерина Великая въ своей комедіи : «О, время!»²⁾.

Такия насмѣшки, разумѣется, принимались стариками и старухами весьма-неблагодарно и вызывали странныя обвиненія, падавшія на голову насмѣшниковъ. «Да онъ ни во что не «вѣруеть! повторяли они о невѣрующемъ въ примѣты. Ни «предвѣщанія, ни 13 человекъ за столомъ, ниже найденныя «безъ ушковъ иголки и безъ головъ булавки ни во что не ставить. Инако бы онъ говорилъ, если бы зналъ, какія предвѣщанія о нынѣшней войнѣ были. Помнишь ли ты, свѣтъ мой, «какъ поставецъ нашъ среди бѣлаго дня подломился и посуда «вся разбилась?.. Но ставятъ ли они то во что, и знаетъ «ли онъ полно еще, что есть лѣшій или домовый?»³⁾.

Въ старой комедіи : «Добродѣтель, увѣнчанная вѣрностью»
цѣлая сцена основана на суевѣрїи :

Суевѣрова. Я всю ноченьку хоть бы на волосъ . . .

¹⁾ «И то и сѣ», недѣля 8.

²⁾ «Сочин. Екатер. II», ч. II, стр. 22, 25, 47, 50 (изд. Смирдина).

³⁾ «Вскл. Всячина», стр. 370—1. *Молокососовъ* : «Ханжичина раз- «сказывала, что не токмо за годъ передъ кончиною покойнаго ея су- «спруга пѣтухъ съелъ яйцо, но и дни за три кузнечикъ въ стѣнѣ безъ «умолка стучалъ; что она изъ того неизбѣжно заключить могла, что «супругъ ея умреть, и потому, не упуская времени, къ смерти пригото- «вовать его велѣла. Я, слыша эдакій вздоръ, не могъ удержаться, и «громко захохоталъ; господинъ Непустовъ также не преодолѣлъ се- «бя . . . Старухи всѣ три разсердились; вдругъ стали креститься, пле- «свать и одуваться, вдругъ и въ одинъ голосъ кричать и бранить насъ, «сказывая насмѣшниками, безбожниками, басурианами». («О, время!» — въ «Соч. Екат. II», ч. 2, стр. 35—36.) См. также комедію «Подража- «тель», стр. 12.

Благоразумова. Что? вы конечно занемогли?

Суевърова. Нѣтъ, матушка, домовой всю ночь не далъ спать, все продавилъ, и вотъ теперича такъ грудь... ну, вотъ вздохнуть не дасть, и бока болятъ, а спина такъ не слышится; со мною это бывало и прежде, да все-таки не такъ, а нынче изъ рукъ вонъ!

Благоразумова. Полно-те, сударыня; какой домовой!... ихъ нѣтъ. Это у васъ остановленіе крови въ нѣкоторыхъ тонкихъ жилахъ; это со всѣми случается.

Суевърова. Полно, мой свѣтъ, какъ тебѣ не стыдно? грѣшишь, будто домовыхъ нѣтъ; безъ нихъ, сударыня, домъ стоять не можетъ, не только домъ, да и конюшня. Скажу тебѣ: у покойника батюшки была бурая лошадь. Сперва она была всѣхъ жирнѣе, такъ что этому, бывало, весь домъ не надивится. Потомъ вдругъ та-же лошадь стала хотъ на дровни положи; стали думать, отъ чего бы, и наконецъ примѣтили, что ее проклятой домовой всякую ночь мучить, а послѣ, окаянной, и подъ ясли ее подобьетъ, такъ что насилу, бывало, бѣдная отдохнетъ... Да полно, что съ вами говорить, вы нонче ничему не вѣрите... Воля ваша, васъ испортили учителя; они въ васъ эту ересь вселили, чтобы ничему не вѣрить*).

Періодическое изданіе «Поденщина» нѣсколько листовъ своихъ посвятила разсказамъ о ворожеяхъ (знахаряхъ), которые занимаются лѣчениемъ различныхъ недуговъ нашептываніемъ; отъ сглазу обливаютъ сквозъ рѣшето холодною водою — средство, употребляемое ими и противъ лихорадки. Если лихорадка отъ того не проходила, тогда, чтобы прогнать

*) «Добродѣтель, увѣчанная вѣрностью», комедія Михайлы Пракудина, лейб-гвардіи офицера и члена вольнаго россійскаго собранія. Печатана при московск. университет. 1774 года, стр. 9—11, 25—26.

болѣзнь, знахари привѣшивали на шею больного заниску, въ которой означались имена двѣнадцати сестеръ-лихоманокъ, или прибѣгали къ другимъ столь же вѣроятнымъ средствамъ, каковы: змѣяный выползокъ (шкурка, оставленная змѣю) и сухая трава, которая растеть въ лѣсу или на поляхъ въ ко-стяхъ лошадиныхъ головъ. Со словъ одного изъ такихъ знаха-рей «Поденьшина» сообщаетъ слѣдующій суевѣрный рассказъ :

«Въ деревнѣ своей я былъ лѣсникомъ : должность наша та-кая, чтобъ день спать, а ночь ходить по лѣсу. Въ деревняхъ не одни крестьяне, но многіе и господа, а особливо пожилыя старушки думаютъ объ насъ, что мы *не просты*, что намъ неперемѣнно надобно знаться съ лѣшими, такъ-какъ мельни-камъ съ чертями. Иногда на пиру для лишняго стакана празд-нишнаго или свадебнаго кислаго пива и расскажешь какое-нибудь съ лѣшимъ свиданье или ссору, крикъ по лѣсу руса-локъ и разные страхи : послѣ все это и рассказывается за новостъ и для препровожденія времени господамъ. Иные са-мымъ лучшимъ почитаютъ утѣшеніемъ, чтобъ слушать только про колдуновъ и про мертвецовъ, и всему тому вѣрять . . . Въ одинъ день бывши на праздникѣ, вечеръ и ночь я про-спалъ, а проснувшись на разсвѣтѣ, чтобъ показаться прикащи-ку, что я иду изъ лѣсу, взявъ свой топоръ, ножъ и рогати-ну, которую имѣемъ мы для опасности отъ медвѣдей, пошелъ я въ рощу. Идучи увидѣлъ на деревѣ сороку ; хотя она мнѣ никакой помѣхи не дѣлала, но только чтобъ позабавиться ея вспорхомъ, ударилъ я обухомъ по дереву, на коемъ она си-дѣла. Въ тотъ самой мигъ я окаменѣвъ повалился на зем-лю . . . лежалъ безъ памяти, пока не разбуженъ былъ отъ того нѣкакою старухою. Очнувшись, увидѣлъ я ее и подлѣ-кожу съ перьями, какъ будто только что содрана съ сороки. «Опомнись, не бойся, говорила старуха ; хотя ты мнѣ и доса-дилъ, но я на тебя не сержусь, зная, что это сдѣлалъ ты не

«вѣдаючи; однакожь впередь сорокъ не замай. — Помилуй, пощади меня, ваша милость могучая вѣдьма! говорилъ я ей въ страхъ и трепетъ. — Не называй меня такъ, сказала она; это имя намъ противно, а говори: знатоха или ворожея». Лѣсникъ повелъ вѣдьму въ свою хату. «Идучи рассказала мнѣ старуха, что была она гдѣ-то на высокихъ горахъ, куда колдуньи со всего свѣта всякую ночь, оборачиваясь въ сорокъ и воронъ, слетаются и пируютъ. Откуда летѣвъ назадъ, захотѣлось ей отдохнуть; она сѣла на то дерево, по которому я ударилъ и нечаянно попалъ на сукъ, а когда закроется сукъ какого-нибудь дерева или доски, то никакая ворожейная сила тогда не дѣйствуетъ, и отъ того-то упала она съ дерева и стала опять человѣкомъ. Пришедши ко мнѣ домой, подчивалъ я ее всѣми тѣми, что у меня сыскаться могло. Сидя за столомъ, съ глазъ она не спускала молодую мою невѣстку, а та была брюхата и почти на сносяхъ. У насъ часто случается, что вѣдьмы ребяты выкрадываютъ*); испугался того я и о своей невѣсткѣ; выславъ ее на часъ вопъ, самъ повалился старухѣ въ ноги, чтобъ пощадила она моего внука или внучку. Хлѣбъ-соль твоя меня къ тому не допустить, сказала она; и не только чтобъ самой что сдѣлать, да и другихъ не допущу... Поѣдемъ ко мнѣ, я на вѣкъ сдѣлаю тебя съ хлѣбомъ. — Тотчасъ запрегъ я свою лошадь въ телегу и повезъ колдунью къ ней домой. Тутъ-то натерпѣлся я страху отъ звѣрей, змѣй и всякихъ гадовъ, которые мнѣ казались въ пустой клѣтѣ, куда она меня заперла. Однакожь выучила она меня заговаривать кровь, лѣчить шоптомъ всякія болѣзни, приво-

*) Ханжихина: «какъ шестнадцатымъ-то была я брюхата, такъ злые люди выкрали ребенка, а вложили камешекъ, и я помню, съ какими великими болями его родила, и теперь ношу его у себя за пазухой; каковъ ни есть, да милъ, такъ какъ и настоящее дитя». (Комед. «О, время!» — въ «Соч. Екатер. II», ч. 2, стр. 53.)

«рачивать людей, отгонять лихорадку и отпускать свадьбы, «безъ чего ежели случится обиженный какой-нибудь нашъ «братъ колдунъ, напримѣръ: обнесутъ его стаканомъ или «сдѣлаютъ другую какую досаду, то всю свадьбу оборотитъ «онъ волками. Сколько я видалъ такихъ оборотней волковъ и «волчицъ, бѣгающихъ цѣлыми стадами по полямъ, такъ что «смотримъ на нихъ жалко, а пособить нельзя; надобно тому «же, кто ихъ оборотилъ, да и тотъ иногда уже не можетъ, «если онъ ихъ на вѣкъ сдѣлалъ такими... Сколько видѣлъ «я у ней приворотныхъ кореньевъ, двойчатокъ-орѣховъ, траву «о четырехъ листкахъ, которая растетъ всегда о трехъ, а «наудачу такую находятъ, какая у ней. Траву и орѣхи даетъ «она многимъ за деньги носить для счастья... Объявляла о «силѣ своей надъ мѣсяцемъ, что она, когда захочетъ, можетъ «его свести съ неба и запереть къ себѣ въ коникъ съ своими «горшками... Получа знанія отъ вѣдьмы, дѣлалъ я великія «дѣла въ своей деревнѣ и во всемъ уѣздѣ, исцѣлялъ всякія «болѣзни и порченныхъ людей, находилъ пропажи и узнавалъ «кто укралъ, отгадывалъ напередъ, что съ кѣмъ сдѣлается, «кто сколько проживетъ, будетъ ли богатъ или счастливъ; «когда будетъ какая непогодъ, да и самъ маленькія изморози «дѣлывалъ». Стали брать его и по господамъ; тогда лѣс- «никъ-знахарь отпросился на оброкъ и, таскаясь по многимъ «городамъ, не могъ пожаловаться на свою добычу*).

Въ описываемое время большимъ довѣріемъ пользовалось

*) Стр. 36—49, 52—54. Татищевъ рассказываетъ: «я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразумнаго дворянина слышалъ, яко бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣда превращался. Въ 1714 году... въ Украинѣ захазалъ къ фельдмаршалу Шереметеву, и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ токъ винилася».

гаданье на кофе. Гаданье это, по справедливому замѣчанію «Смѣси», не было извѣстно въ старину, ибо тогда не знали и не употребляли кофе. «Нынѣ же сей напитокъ служитъ къ «предсказанію, какъ у язычниковъ внутреннія части жертвъ, «приносимыхъ идоламъ. Тогда ггаги жрецы, а теперь шатающіеся по свѣту бродяги находятъ въ кофейной гущѣ изображеніе любовниковъ, предвѣщаніе счастья, видятъ похороны . . . «словомъ, рассказываютъ всякія нелѣпости. Слабые умы тому «вѣрятъ и платятъ деньги за то, чтобъ ихъ такъ безсовѣстно «обманывали. Сими отгадчиками бываютъ обыкновенно старухи, которыя, навѣдавшись отъ слугъ о домашнихъ «стоятельствахъ, смотрятъ въ кофе и предвѣщаютъ ихъ «подамъ счастье и несчастье»). Сборище такихъ побродягъ не любитъ кормиться честнымъ трудомъ и, не имѣя смѣлости что-либо похищать, чтобъ не понестъ за то наказанія, обираетъ деньги у простодушныхъ суевѣровъ. Когда приказываютъ позвать гадальщицу, то обыкновенно предлагаютъ ей вопросы, «напримѣръ, *Скупятина* спрашиваетъ, кто укралъ «серебряную ложку? *Безплодова*: будетъ ли она имѣть дѣтей? *Страстолобова*: вѣрно ли любить ея полюбивникъ? «*Щеголихина*: скоро ли умретъ ея мужъ-картежникъ? и такъ далѣе. Тогда должно сварить кофій, и сіе уже само по «себѣ разумѣется, что поднесутъ ей большія двѣ чарки водки, чтобы возбудить симъ въ ней болѣе предсказательнаго «духа. Потомъ нальетъ почти половину чашки густаго кофію, «и болтаетъ его кругомъ иногда съ важнымъ, а иногда съ «прыливымъ видомъ троекратно, чтобъ кофій внутри повсюду «присталъ. Между кофегадательницами есть еще въ томъ «несогласіе: надлежитъ ли послѣ троекратнаго болтанія дуть «въ чашку или нѣтъ . . . Послѣ сего ставитъ чашку оберну-

*) Стр. 383—4.

«тую на столъ, чтобы кофій изъ нея вылился, поворачиваетъ «ее еще два раза, дабы троекратнымъ движеніемъ ничего-«незначущій кофій вонь выбѣжалъ, (и) чтобъ предсказатель-«сныя части кофія въ чашкѣ однѣ прилишними остались». По-«томъ «поднимаетъ чашку вверхъ и въ нее смотритъ. Попро-«шающія особы стоятъ передъ сею отгадчицею, пребывая «между страха и надежды. Наконецъ открываетъ она ротъ «своей и предскажетъ, напримѣръ: воръ, похитившій ложку, «имѣетъ черные волосы. Вопросающая отвѣчаетъ: такъ, это «правда; я знала ужь давно, что Ванька воръ. Чашкогада-«тельница получаетъ полтину, иногда рубль и болѣе, и по-«томъ уходитъ домой. По выходѣ гадательницы, вопрошав-«шая призываетъ Ваньку, приказываетъ принести плети и «батожье; спрашиваетъ его, куда онъ дѣвалъ ложку, и при-«казываетъ, чтобы онъ немедленно признался. Ванька бо-«жится, клянется и увѣряетъ ее, что онъ ложки не кра-«дывалъ: но божбамъ его не вѣрятъ. Боярыня его ругаетъ; «и лицо его, кажется ей, изобличаетъ его въ покражѣ. Ваньку «сѣкутъ безъ пощады; долго онъ терпитъ напрасное мученіе «и говоритъ правду; но наконецъ начинаетъ лгать; онъ при-«знается въ покражѣ ложки, сказываетъ, что ее продалъ и «пропилъ... Боярыня Ваньку своего еще наказываетъ отня-«тіемъ жалованья и кормовыхъ денегъ, чтобы возратить свою «пропажу и то, что заплачено кофегадательницѣ. Ванька изъ «добраго человѣка по нуждѣ становится воромъ, окраживаетъ «свою госпожу, уходитъ, проматываетъ, попадается; его от-«даютъ въ приказъ; покраденое пропадаетъ, а Ваньку яко «вора посылаютъ на каторгу.»*)

Суевѣрныя повѣрья и примѣты тѣсно связываются, по пре-
данію, съ народными праздниками и семейными церемоніями

*) «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 136—9.

при родинахъ, крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ. Чулковъ коснулся этихъ народныхъ праздниковъ и семейныхъ церемоній, и сообщилъ нѣсколько живыхъ и любопытныхъ этнографическихъ свѣдѣній въ своемъ журналѣ «И то и сѣ». Ему первому принадлежитъ счастливая мысль собрать народныя повѣрья и записать ихъ, хотя онъ и не предчувствовалъ, какъ мастерски воспользуется впоследствии подобными матеріалами историко-филологическая критика, и какіе знаменательные сдѣлаетъ выводы о внутреннемъ бытѣ доисторической эпохи. Сообщимъ нѣкоторые изъ собранныхъ Чулковымъ свѣдѣній, передаваемыхъ журналомъ «И то и сѣ» съ свойственною ему легкою насмѣшливостью.

Святки нераздѣльны съ гаданьями. На этотъ праздникъ, по захоженіи солнца, изъ разныхъ домовъ собираются дѣвушки въ одну, назначенную ими комнату, берутъ красное деревянное блюдо, покрываютъ его большою салфеткою, кладутъ на салфетку небольшой кусокъ хлѣба и уголь. Потомъ дѣвушки загадываютъ на перстняхъ, на кольцахъ, на запонкахъ и другихъ подобныхъ вещахъ, касаются ими краевъ блюда и кладутъ ихъ подъ салфетку. Затѣмъ усаживаются всѣ рядомъ и запѣваютъ *пѣснь хлѣбу*, а окончивъ пѣніе, ломаютъ хлѣбъ и дѣлятъ кусочки между собою. Эти кусочки завертываютъ онѣ въ рукавъ и послѣ спать съ ними, чтобъ пригрезились вѣщіе сны. Тогда начинаютъ пѣть подблюдныя пѣсни: «Идетъ кузнецъ изъ кузницы», «Сѣй, мати, мучицу, пеки пороги», и проч. *); за каждой пѣснію вынимаютъ изъ блюда вещи и, по значенію пѣсенныхъ словъ, гадаютъ о судьбѣ той, чья вещь вынулась. Окончили подблюдныя пѣсни — надо идти въ пустую комнату, гдѣ поставлено на столѣ зеркало, а по сторонамъ его зажжены свѣчи; дѣвушка садится передъ нимъ и загадываетъ:

*) Чулковъ напечаталъ при этомъ двадцать подблюдныхъ пѣсень.

«суженый, ряженный, покажися мнѣ въ зеркалѣ!»¹⁾ Зеркало начинаетъ тускнѣть, и дѣвушка протираетъ его нарочно-приготовленнымъ полотенцемъ. Наконецъ суженый явится и станетъ изъ-за ея плечъ смотрѣться въ зеркало; разсмотрѣвъ его черты, дѣвица кричить: «чуръ сего мѣста!» и нечистый пропадаетъ. Въ одномъ многолюдномъ селѣ у богатаго помѣщика справлялись святки. Хозяину вздумалось покататься на нечистыхъ, а это дѣлается такимъ-образомъ: дѣвушки берутъ воловью кожу, несутъ ее къ проруби, растялаютъ я, очертивъ вокругъ нарочно-приготовленнымъ для того огаркомъ, садятся на нее. Изъ проруби должны выйти водяные и возить ихъ, сколько угодно. Хозяинъ, его полюбовница и еще одна дѣвушка усѣлись на кожу у проруби; минуты черезъ двѣ, откуда ни возьмись, выскочили четверо ребятъ, ухватили за кожу и начали таскать ее по всѣмъ сторонамъ. Поутру хозяина нашли въ лѣсу; голова у него болѣла и бока страдали. Возили его не водяные, а люди, подсланные его соперникомъ. Любовница его очутилась въ своей деревнѣ въ добромъ здоровьѣ и, припоминая этотъ случай, хохотала²⁾).

Другіе народные праздники описаны Чулковымъ въ шуточныхъ стихахъ. Онъ начинаетъ съ святой недѣли и круглыхъ качель, на которыхъ вертится нашъ *непудренный* народъ:

Земля отъ тоногу шатающихся стонетъ
И всякій изшанинъ въ винѣ и пивѣ тонетъ,
Тюльпаны красные на лицахъ ихъ цвѣтутъ
И розы на устахъ поблѣклия растутъ.
Тутъ царствуютъ игры, пріятности и смѣхи;
Началомъ ихъ любви каменные орѣхи:

¹⁾ Или: собираютъ въ пустой комнатѣ два прибора для ужина, но безъ ножей; дѣвица зоветъ: «суженой-ряженой, приди ко мнѣ ужинать!»

²⁾ Недѣли 47—50.

Бросаетъ Адонисъ съ качели или внизъ,
 Съ улыбкой говоритъ: сударушка, склонись;
 А та отвѣтствуетъ ему пріятнымъ взоромъ.

Любовь подтверждена, и онъ уже качаетъ свою красавицу на качеляхъ и подчуетъ ее изюмомъ и клюквою. Въ толпѣ продирается пьяный *враждаминъ*, толкаетъ *дамъ* ладонью и кулаками, такъ-что имъ приходится приводить снова въ порядокъ свои платки, кофты и шуган. Но является защитникъ и даетъ обидчику щедрые тузы.

Великая лежитъ лицъ въ народѣ куча;
 Съ пригорка покатытъ веселый молодецъ,
 Разбито лицо, добытъ его въ конецъ;
 По грязи безъ скорлупы таскаютъ и мараштъ.
 Куда же лица сіи употребляютъ?...
 О вкусъ молодцы не разсуждаютъ строго,
 Въ Санктпетербургъ же воды гораздо много.

А вотъ кулачный бой:

... Мальчишки начинаютъ.

Другъ друга по щекамъ ладонями щелкаютъ;
 Не въ зубы юноша, но мѣтитъ парня въ глазъ,
 А отрокъ отроку даетъ получше разъ.
 Въ минуту славное сраженіе явится,
 Не рвется воздухъ тутъ и солнышко не тинется.
 Щелканіе, тузы валются такъ, какъ градъ,
 Ланиты, носы, рты и зубы завзвенять.
 Не огнестрѣльное оружіе пыхаетъ,
 Тутъ витязъ кулакомъ противныхъ поражаетъ.

Съ побитыхъ валются шанки; со всѣхъ сторонъ большая похвальба, кричатъ: взяла! взяла! «Пошелъ по брюху звонъ, какъ въ добрый барабанъ» и всѣ смѣшались.

Хоть послѣ пять недѣль отъ битвы отдыхаютъ,
 Однакъ съ охотою опять въ битву вступаютъ;
 Охотно мучатся, но если ночь наста,
 Тогда и ихъ раздоръ, какъ прочихъ брань, преста.

Крылатя, Бузники, московскіе герон,
 Не здѣсь*)-они, но тамъ (въ Москвѣ) бурлачки водятъ стром.

Семигъ описываетъ Чулковъ въ такихъ стихахъ :

Да что-жь за крикъ такой народы затѣвають ?
 Неужто пѣсенки къ березкѣ припѣвають ?
 Вить только-что теперь во градѣ разсвѣло
 И солнце изъ-за горъ недавно какъ взошло ;
 Я чаю многіе отъ сна не пробудились,
 Которые вчерась по рощамъ веселились.
 Трактирщики теперь еще ложатся спать ;
 Хотя цѣловальникамъ вы дайте, матки, встать.
 Постойте, дѣвушки, вить рано забавляться ;
 Позвольте съ разумомъ и мнѣ, друзья, собраться.
 Не слушаете вы, крича, разинувъ ротъ,
 И вижу васъ идетъ ужасный короводъ.
 Да что-же личики ужъ ваши покраснѣли ?
 Конечно, отъ того, что рано вы зашѣли.
 Однако, осмотрясь, прощенія прошу
 И извиненіе дѣвцамъ приношу :
 Я бабъ почелъ за нихъ, не зная въ этомъ водм,
 Что рано дѣвушки не ходятъ въ короводм...

Березка шествуетъ въ различныхъ лоскуткахъ,
 Въ тафтѣ и въ бархатѣ и въ шелковыхъ платкахъ.
 Вина не пьетъ она, однако пляшетъ,
 И вѣтвями тряся, такъ какъ руками машетъ.
 Предъ нею скоморохъ неправильно кричитъ.
 Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь, стучитъ,
 Танцуетъ и мылитъ, иль грязь ногами мѣситъ,
 Доколѣ хвѣль его совсѣмъ не перевѣситъ.
 Тамъ дама голоситъ, сивухой нагружаясь ;
 Въ присядку пляшучи, валится скоро въ грязь ;
 Потомъ другая внигъ то мѣсто заступаетъ,
 Которая плясать вельми искусно знаетъ,
 Танцуетъ *юлубца*, танцуетъ и *бычка*...
 Тамъ сдѣланъ огородъ, березки всѣ въ кругу,
 Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ дугу ;
 Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ скатерти поставленъ,

*) Въ Санктпетербургѣ.

Но только кушаньемъ казался мнѣ давленъ.
 Что хлѣбъ-соль хороша, тому свидѣтель я:
 Ватрушки были тутъ, подовня съ огня,
 Оладьи, калачи, блины, пироги и пышки,
 И можно такъ сказать, всѣ праздничны излишки.
 Баханки¹⁾ таковы: попляшутъ, покричатъ,
 Приступятъ ко столу и множество съѣдятъ;
 Но только кушаютъ, казалось мнѣ, безъ вилки,
 Однако съ помощью наполненной бутылки.
 Частенько на кабакъ съ бутылкой посылаютъ,
 Въ складчину всѣ ее сивухой наполняютъ²⁾).

Стародавнія черты находимъ и при отправленіи семейныхъ праздниковъ въ нѣкоторыхъ домахъ. «Позванъ я былъ на крестины (говоритъ издатель еженедѣльника «И то и сѣ») къ нѣ-
 «которому приказному человѣку, знакомцу моему и хлѣбосо-
 «лу. Во первыхъ разумѣлъ я это точно, что къ приказному
 «человѣку рѣдко ходятъ безъ денегъ, а въ такое время по-
 «святъ деньги и не къ приказному. Итакъ завернулъ я полтин-
 «никъ въ бумажку, и изготовилъ его положить родильницѣ на
 «зубокъ, по древнему между нами обыкновенію, и притомъ
 «взявши съ собою мелкихъ двадцать пять копѣекъ бабушкѣ
 «на кашу, пошелъ праздновать на крестины. Въ воротахъ
 «дома моего хлѣбосола увидѣлъ я стоящаго человѣка, который
 «былъ хотя и не въ разодранномъ рубищѣ, однако имѣлъ на
 «себѣ платье похожее на то, то есть поношенное до дыръ.
 «Кафтанъ былъ на немъ французской малиноваго цвѣта, ко-
 «торый, отъ строгости здѣшной суровой зимы, отъ частыхъ
 «дождей и снѣговъ и отъ неумѣреннаго солнечнаго сіянія,
 «весьма много полинялъ и казался двуличнымъ. Камзолъ
 «на немъ былъ зеленого сукна, а штаны изъ синей канфы,
 «скворцовые гарусные чулки, и въ поношенныхъ башмакахъ

¹⁾ То есть вакханки.

²⁾ Недѣл. 16—18, 22.

«видны были розныя пряжки. Снявши съ себя картузь, гово-
 «рилъ онъ мнѣ такъ : милостивѣйшій государь ! не проситель-
 «ное ли дѣло имѣете вы до хозяйна сего дома, то съ честію
 «вамъ объявляю, что сего числа оный вышерѣченный хозя-
 «инъ не имѣеть производить никакихъ судебныхъ дѣлъ, хотя
 «бы оныя и къ рѣшенію подлежали, понеже онъ судьями уво-
 «ленъ и секретаремъ отпущенъ, и оное его небытіе въ при-
 «казѣ помѣчено протоколистомъ, и въ дневномъ журналѣ
 «объяснено добропорядочно, понеже сего дня имѣются быть у
 «него крестины, и благоволятъ собираться въ компанію къ
 «нему патроны, чего ради во извѣстіе вамъ репортую, чтобы
 «вы втунѣ трудовъ своихъ не прилагали, а я имѣюся быть въ
 «повытѣ его милосердія первымъ копистомъ. Я ему отвѣ-
 «чалъ, что иду въ гости, и былъ виущенъ наконецъ въ покои.
 «Родильница лежала тогда въ постелѣ, охала съ довольною
 «пріятностію, и была набѣлена и нарумянена негораздо слег-
 «ка. Я съ ней поцѣловался и сказалъ въ поздравленіе слова
 «съ два-три, а складно или нескладно, то и самъ того не
 «помню, и подсунулъ подъ подушку обернутый въ бумажку
 «полтинникъ, по общему всѣхъ обыкновенію. Въ скоромъ вре-
 «мени прибыли изъ церкви кумъ и кума съ окрещеннымъ мла-
 «денцемъ, и ни мало не медля зачали садиться за столъ ку-
 «шать, а попросту обѣдать. Народу было много, а приборевъ
 «напротивъ того не весьма довольно, и такъ я видѣлъ самъ,
 «что въ концѣ стола попрашивали ножей и вилокъ другъ у
 «друга на поддержанье, а хлебаи двое и трое часто одною
 «ложкою ; но правду выговорить, всѣ были довольны, а хозя-
 «инъ повторялъ часто сіи слова : кушайте, государи мои ;
 «хлѣбъ—соль на столѣ. А чтобы болѣе имѣли гости охоты къ
 «кушанью, то весьма часто подносилъ онъ разныя напитки,
 «то есть секретарямъ водку, канцеляристамъ и нижнимъ чи-
 «намъ вино простое, а дамамъ всѣмъ вообще мартовское пиво

«и домашнюю сдѣланную изъ пшена брагу, до которой нныя дамы такія были охотницы, что каждую минуту выпивали оной по доброму стакану, проговаривая къ тому, что это де не хмѣльное. За столомъ ни одна дама не пила ни водки, ни вина простаго, не смотря на то, что всѣ кавалеры каждую чарку до дна осушали, и нѣкоторые, изъ усердія къ хозяйну, выпивъ все до капли, опрокидывали чарки къ себѣ на головы, изъясняя тѣмъ, что выпнто все, и что они любятъ хозяина отъ искренняго сердца, для чего ни капли и не оставяютъ, а другіе опрокидывали выпитыя чарки къ хозяину на поднось. Какъ дамы, такъ и кавалеры говорили обо всемъ вдругъ, и всякой всѣми силами старался заглушать другаго. Нѣкоторые говорили о войнѣ, другіе о продажѣ товаровъ, третьи о дѣлахъ приказныхъ, а четвертые негодовали на то, что рано стала зима, ибо не имѣли они у себя ни шубъ, ни епанечъ. Дамы напротивъ того разговаривали совѣмъ о другомъ. Одна предлагала, чтобъ искоренить робронты и карцеты, а ввести въ моду куньи шапки и чепчики съ шишами; другая на то не соглашалась и говорила, что всякая женщина фигурише можетъ быть въ разлетаѣ, повязанномъ платкомъ италіанскимъ, и чтобы тотъ платокъ былъ синяго цвѣта съ зелеными каймами. Третья, какъ будто по реэстру, прокрикивала своихъ соперницъ, всѣми силами старалася ихъ опорочить и привести въ безславіе, и наконецъ, пришедъ въ театральную пассію, бранила ихъ безъ милосердія; словомъ сказать, въ короткое время сіе собраніе людей начало походить совѣмъ на беспорядочную школу, въ которой за ученическимъ крикомъ не слышно учителя, а за учительскимъ толкомъ не слышно учениковъ. Наконецъ на бабушкиныхъ рукахъ вѣхала каша, которая весьма много походила на кутью; ибо изготовлена она была изъ сорочинскаго пшена и съ изюмомъ. Въ сіе время приказано было выступить хозя-

«ину изъ комнаты, а по выходѣ его принялась одна свѣтская дама за ложку, положила въ нее половину соли, третью часть кутьи той или каши, а четвертую толченаго сахару, и перемѣшавши все оное прикрыла тремя изюминами, и приказала вступить хозяину. По повелѣнію всѣхъ гостей, выключая одного меня, принужденъ онъ смѣсь сію кушать; но, глотая ее, поперхнулся и получилъ за сіе туза два-три самыхъ добрыхъ отъ усерднаго гостя, чтобъ лучше та каша прошла ему въ горло. Потомъ бабушка подносила всѣмъ; всѣ выпивади рюмки и клали ей на поднось мелкія деньги, каждой по своей силѣ, напримѣръ, иной пять копѣекъ, другой двѣ копѣйки, нѣкоторые по деньгѣ и такъ далѣе; однако совсѣмъ тѣмъ накопилось у ней съ рубль мѣсто и побольше. Послѣ стола началась музыка, а на какомъ инструментѣ, онаго я сперва не разобралъ, а какъ сталъ всматриваться далѣе, то и увидѣлъ, что въ 1768 или девятомъ году привезенныя изъ Украйны рыле передѣланы были въ скрипку, на которой натянуты три струны и шипѣли весьма несогласно; однако дамы наши стали танцовать въ четыре пары *бычка* и *чолубца*. Согласіе нашей чудоскрипки умножилось тогда, когда кавалеры начали притопывать ногами, а дамы притянули къ ней различными голосами. До одиннадцатаго часа по полудни продолжалось веселіе наше безъ помѣшательства, а съ сего времени началъ я усматривать, что въ разныхъ углахъ различные люди задремали на стульяхъ. Иной человекъ неосторожный падалъ на полъ, а другой и поневолѣ ложился, потому что ноги ему болѣе не служили, а голова не держалась на плечахъ»*)).

«На прошедшей недѣлѣ свершился бракъ у моего знакомца. Я былъ на ономъ первомъ гостемъ, и пишу оное для того,

*) Подл. 44.

«чтобы научились люди производить свадебные обряды. По
«восходѣ солнца въ субботу пришелъ ко мнѣ мой знакомецъ и
«началъ кланяться мнѣ гораздо ниже обыкновеннаго, а какъ
«послѣ я о томъ узналъ, то должны кланяться такъ женихи.
«Онъ просилъ меня на дѣвишникъ, которой долженъ былъ со-
«вершиться того дня въ вечеру. По знакомству нашему не хо-
«тѣлось мнѣ ему отказать, и такъ безъ отговорокъ на оное я
«согласился, и далъ ему слово. Въ вечеру долженъ былъ я
«прѣхать къ нему, а какъ я прибылъ, то просили меня,
«чтобы покладъ я въ ящикъ порядочно новыя вещи, то есть :
«башмаки, чулки, опахало и другія потребности, которыя
«должно было везти къ невѣстѣ; я и отъ сего не отговорился
«и сдѣлалъ то по просьбѣ многихъ. Потомъ всѣ люди при-
«сѣли на часокъ и, вставши, поѣхали къ невѣстѣ. Вошедши
«въ горницу, велѣли жениху невѣсту взять за руку, и поса-
«дили ихъ за столъ; отца и мать посаженныхъ подлѣ ихъ, а
«меня, какъ перваго гостя, первымъ по нихъ, и такъ далѣ.
«Посаженой отецъ былъ отставной офицеръ, служащій въ гар-
«низонѣ лѣтъ сорокъ или болѣ, слѣдовательно былъ онъ че-
«ловѣкъ старинной и зналъ совершенно всѣ оныя обряды. Во-
«первыхъ сказалъ онъ жениху, чтобы оной во весь столъ дер-
«жалъ за руку невѣсту и не покидалъ бы ее ни на часъ,
«увѣряя его и всѣхъ гостей, что отъ опущенія руки слу-
«чается часто великое несогласіе между мужемъ и женою, а
«для лучшаго прикрылъ ихъ руки салфеткою. Онъ же былъ
«раздавателемъ кушанья, а я не принимался за то, опасаяся,
«что можетъ быть по обыкновенію ихъ ошибуся въ чемъ-ни-
«будь, и не сдѣлаю имъ тѣмъ угожденія; да и правду сказать-
«то бы я ошибся. Когда подали курицу, по ихъ названію, въ
«похлебка, то посаженой отецъ вытащилъ ее къ себѣ на та-
«релку, и безъ помощи вилки искрошивъ ее въ мелкіе ку-
«сочки, вывалилъ онъ въ чашу и приказывалъ всѣмъ таскать

«ее ложками ; это-де будетъ безъ дальняго труда ; а я бы такъ «не сдѣлалъ, слѣдовательно, можетъ быть, было бы и не «удобно. Всякого кушанья бралъ съ на вилку и, подавая же- «ниху, приказывалъ подчивать невѣсту, которой не велѣлъ «обратъ въ руки вилку, а принимать изъ жениховыхъ рукъ уст- «нами, сказывая, что и въ этомъ есть нѣкоторая задача,— чего «бы я сдѣлать также не догадался. Во все сіе время припѣ- «вали къ намъ дѣвушки пѣсни, а мы посылали къ нимъ по «стакану пива, въ которой опускала сваха по гривнѣ и больше «мѣдной монеты, которые стаканы онѣ выпивали, не смотря на «то, что деньги въ нихъ омывались. По окончаніи стола, ста- «руха, мать невѣстина, приполнила по чаркѣ водки, а дочерѣ «своей подала тарелку съ овощами и съ подаркомъ. Начали «всѣхъ дарить, и меня не обошли ; выпивъ я рюмку и взявши «у невѣсты платокъ, кланялся ей много и положилъ его въ «карманъ ; но отецъ посажной выговорился мнѣ, что я пода- «рокъ принялъ не такъ, а должно, взявши съ тарелки, обте- «реть имъ губы, за что приневодили меня, чтобы я выпилъ «другую рюмку и обтеръ устнѣ мои подаркомъ... Овощей «насыпали мнѣ въ карманъ, а оныя состояли изъ двухъ кус- «ковъ вяземской ковришки, изъ тверскихъ праничныхъ орѣ- «ховъ, изъ нѣсколькихъ изюминъ, винныхъ ягодъ и черносли- «ву, между которыми проскакивали гвоздички и маленькіе «куски корицы для лучшаго запаха. Въ срединѣ стола, какъ «выпивалъ отецъ посажной стаканъ пива, то прихлебнувъ «изъ него поставилъ и сказалъ : не очень, братъ, сладко ; то «тотчасъ женихъ поцаловалъ невѣсту. А отецъ, прихлебнувъ «еще, поворотилъ (повторилъ) несладость ; женихъ поцало- «валъ опять. И такъ продолжалось оное съ полчаса и боль- «ше ; а послѣ того дѣлали оное и всѣ, выключая меня. Послѣ «всего этого сказалъ отецъ посажной : *время уже хлѣбъ- «соль величать* ; я думалъ, что надобно пѣть, а у нихъ зна-

«читать оное вставать нзъ-за стола. Всѣ отвѣчали ему : воля
«ваша, мы уже довольны. Итакъ онъ первой всталъ, а за
«нимъ уже и всѣ. Когда уже мы со всѣми простились и при
«многихъ чаркахъ и стаканахъ хотѣли выходить вонъ, то дѣ-
«вушки-пѣвицы заплѣли особливую пѣсенку, въ которой, на-
«зывая невѣсту именемъ, говорили : возьми у своего сокола
«ключи. Невѣста остановила жениха и просила у него ключ-
«ча, а какого, объ этомъ я прежде не зналъ и для того-то ка-
«залось мнѣ сіе весьма чудно, а наконецъ провѣдалъ, что отъ
«того ларчика, въ который клалъ я по порядку купленные же-
«нихомъ невѣстѣ подарки. Посаженой отецъ присудилъ же-
«ниху отдать тотъ ключъ, но не меньше какъ за пятьдесятъ
«поцалуевъ . . . и велѣлъ невѣстѣ цаловать жениха. Они ца-
«ловались, отецъ считалъ, а мы стояли ; а чтобы не пропу-
«стить времени напрасно, то подмигивала мнѣ сваха и скло-
«няла къ себѣ въ любовь, которая, правду сказать, была мо-
«лода и недурна. Наконецъ вышли мы за ворота при громо-
«гласномъ пѣніи дѣвицъ и при великомъ присутствіи различ-
«ныхъ должностей народа. Отецъ посаженой, какъ человѣкъ
«немолодой и къ тому же слишкомъ подгулялой, сядя въ са-
«ни, перекувырнулся черезъ нихъ вверхъ ногами, чѣмъ про-
«извелъ ужасной смѣхъ между зрителями ; а какъ не было въ
«немъ больше силы бодрствовать, то положили его поперегъ
«саней и повезли домой. Такимъ вступленіемъ гостины наши
«кончились, и мы пріѣхали домой всѣ въ добромъ здоровьѣ,
«выключая отца посаженого по причинѣ той, что онъ больше
«всѣхъ заботился, а особливо въ приказываніи, чтобъ подно-
«сили вино и пиво почаще.

«Наступившее утро принесло намъ больше увеселенія, ибо
«и я приглашенъ былъ къ свадебному столу. Отобранные къ
«тому люди поѣхали за невѣстою и, купивъ за гривну ее ко-
«су, привезли невѣсту въ церкву ; тутъ обвѣнчались и при-

«были домой. Съ хлѣбомъ и съ солью принимали уже жениховы родители и послѣ посадили жениха и невѣсту въ передь на двѣ овчинныя и весьма косматыя шубы, а сіе значило, чтобъ жить имъ богато. Во весь столъ подкладывали жениху и невѣстѣ премножество кушанья, однако они и за ложку не принимались, понеже у нихъ такое обыкновеніе, а кормятъ ихъ тогда и то тайкомъ, когда поведутъ на подклѣтъ: тамъ, сказываютъ, ѣдятъ они больше обыкновеннаго. Въ среднѣй стола, или ко окончанію онаго, подошли ко мнѣ съ подносомъ, на которомъ поставлено было стаканъ меду, стаканъ пива и рюмка водки. Я, взявши медъ, выпилъ и поставилъ пустой стаканъ; но привязались ко мнѣ просить, чтобы я выпилъ ихъ всѣ: это де просятъ князья молодые; однако я отговаривался, что и для старыхъ сдѣлать мнѣ сего не можно. Изъ почтенія ко мнѣ они отъ меня отвязались, а другихъ приневолили всякого выпить тройку. По окончаніи стола ѣздили бабы на кулькахъ, играли шемелю, скакали, прыгали и всячески рѣзвились *)».

Къ этому описанію журнала «И то и сѣ» можно присоединить тѣ любопытныя черты, какія сохранены нашими старинными комедіями. Не смотря на слишкомъ-явное подражаніе драматической литературы нашей французскимъ образцамъ, екатерининскій вѣкъ въ нѣкоторыхъ комедіяхъ, конечно не многихъ, коснулся и нравовъ чисто-русскихъ. Вотъ почему исторія литературы тогда только получить надлежащую полноту и интересъ, когда станетъ обращать свои пытливыя розысканія и на другія драматическія произведенія, нынѣ забытыя, а не станетъ ограничиваться однѣми комедіями фонъ-Визина. Въ комедіи: «Подражатель» (1779 г.) читаемъ такую характерную сцену, происходящую въ семьѣ дмитров-

*) Нсдѣля 43.

скаго купца Скопидомова. Мать, обращаясь къ дочери своей Евдокии, говоритъ: «Дура! ужъ ты нынѣ такъ извольничалась, что и чужихъ людей не стыдишься... (мужу) Пришелъ давича, мой батька, къ тебѣ изъ ратуши подьячей, а она тутъ же стоитъ, какъ пестъ, и не уйдетъ.

Скопидомовъ. А вчера съ племяннику кланялась. Эдакая повѣса! Развѣ забыла ты, что надобно уйти тогда въ свою горницу, когда у насъ чужіе люди?

Евдокія. Я, сударь, только ему поклонилась, а не говорила съ нимъ.

Скопидомова. Еще бы ты и говорила! Я бывало въ дѣвкахъ только сквозь щелочку на чужаго человѣка смотрю, и то однимъ глазомъ. А буде по улицѣ кто идетъ, такъ изъ-за косяка выглядывала... И на Спиридона Агафоновича, когда ужъ онъ сговоренъ со мною былъ, смотрѣла изъ подлобья... Такъ ли, душинька?

Скопидомовъ. Точно такъ, сердце мое! Этого-та дѣвухкѣ и учиться надобно, чтобы ни на кого не смотрѣть и ни съ кѣмъ не говорить. Сиди себѣ въ своей конурѣ, какъ медь къ кси.

Скопидомова. Помнишь ли, лапушка, какъ меня къ тебѣ на сговорѣ подвели, а я плакала? Ты меня приголубиваешь, а я тебя отталкиваю; лишь ты хочешь со мной заговорить, а я спрячусь... Учись у меня, Авдотьюшка.

Скопидомовъ. Намъ ужъ полно ее учить... Слушай, дочка! я тебѣ выбралъ жениха, и онъ сейчасъ будетъ. Молодецъ состоятельной, табаку не пьетъ, волосовъ не корчитъ, уменъ, къ тому же и не глупъ. Въ Москвѣ въ Панскомъ ряду у него пять лавокъ, въ Суровскомъ лавки двѣ-три есть, да въ Грбовомъ торжокъ нарочитой имѣется. Наличныхъ круглевиковъ тысяча друга-третья водится. Хотя онъ и строгъ, да тебя и нада держать въ ежовыхъ рукавицахъ, а то ты востренька не по природѣ.

Скопидомова. Забудешь тогда кланяться и стоять при чужих людях... Ну кабы это при женихъ было, вить бы стыдъ нашимъ головушкамъ!

Скопидомовъ (дочери). Какъ-же ты жениха-та встрѣтишь?
Евдокія. Какъ изволите приказать.

Скопидомова. А вотъ эдакъ, дѣвушка. Какъ онъ придетъ, такъ ты на него не смотри, закройся платкомъ, либо отворотись. Коли онъ станетъ съ тобой говорить, такъ ты молчи. Вотъ онъ и увидитъ, что ты честная дѣвица.

Скопидомовъ. Да и уйди отъ него.

Евдокія. По этому онъ заключитъ обо мнѣ, что я дура.

Скопидомовъ. Вотъ еще на! будто и велико дѣло, коли онъ подумаетъ, что ты дура! хоть дура, да смирна.

Скопидомова. Конечно! смиренье дѣвушкѣ ожерелье.

Скопидомовъ. А ну, какъ тебя къ вѣнцу повезутъ, такъ что ты тогда говорить станешь?

Евдокія. Ничего, для того что вы мнѣ нѣмою и слѣпою быть велите.

Скопидомова. Завралась, завралась, сударыня... Ты тогда завой, для того что которая дѣвушка сговоренная не воетъ, такъ житье будетъ дурно; завой вотъ такъ: благослови меня, государь-батюшка и государыня-матушка, мнѣ идти ко злату вѣнцу. А коли не поплачешь за столомъ, такъ наплачешься за столбомъ.

Скопидомовъ. Помни же наше родительское поученіе... Пойдемъ, жена, приготовимъ овощи къ сговору.

Скопидомова. Побѣлись еще, матка дѣвушка! Эдакое дитячко! не могу принудить бѣлиться, да зубы чернить. Вить у которой дѣвушки зубы черны, та счастлива.

Скопидомовъ. Опустя голову-та понижее, да сложи руки... Стоитъ какъ манежная лошадь.

Скопидомова (дочери). Тихонько положи на порогъ за-

мокъ, и какъ женихъ перейдетъ черезъ порогъ, такъ ты замокъ замкни и спрячь. Это примѣта, чтобы женихъ отъ сватовства не отсталъ».

Въ другой сценѣ Скопидомовъ, разговаривая съ женихомъ, прибавляетъ: «для того-то я и выдаю дочь за своего брата купца. Много за нее и приказныхъ сваталось, да я на это ухо глухъ; у нихъ причуды велики. Они захотятъ, чтобъ даровъ и овощей не было, и чтобъ пѣсень ни на сговорѣ, ни на дѣвешникѣ не пѣли; имъ надобеть музыка, а у насъ какъ дѣвки гаркнуть, такъ што ихъ валтора»^{*)}).

Въ комедіи Пракудина: «Добродѣтель, увѣнчанная вѣрностью», изъ которой выше привели мы одну сцену, такъ разсуждаетъ вдова Суевѣрова, просватавшая свою племянницу:

Суевѣрова. Здравствуй, матушка, съ женихомъ я ужь по рукамъ ударила, и онъ скоро сюда будетъ.

Бламоразумова. Какъ вамъ не стыдно, сударыня; она за него нейдетъ.

Суевѣрова. Полно, матушка, я сама за покойника-та своего по неволѣ была выдана; да мы, правду сказать, съ нимъ жили сорокъ лѣтъ, какъ у печки погрѣлись, да и вѣкъ прожили. Только досажалъ онъ мнѣ побоями; часто бывалъ, вить, бывало, чѣмъ ни попало; да полно я и сама была зубы...

Бламоразумова. И вы имѣли терпѣніе съ нимъ жить...

Суевѣрова. Какъ же? было бы кому побить, да и пожаловать.

Бламоразумова. Я, сударыня, сама замужемъ, и мы съ мужемъ никогда не бранимся, и онъ часто говоритъ свою посьловицу: «когда жену бранить, то ея не любить, а коли бить, то съ ней не жить».

Суевѣрова. Это у васъ нынѣ по новоманерному; а у насъ было не такъ.

^{*)} Стр. 5—11, 15.

«Всячина» осуждала еще *вытье* по умершемъ. *Олимпиада Сердцекрадова* адресовала къ редактору этого журнала такое посланіе: «Какъ мнѣ быть? я не знаю. У матушки есть знакомая, отъ которой она видѣла много одолженія; у сей знакомицы умерла дочь. Матушка вчерась велѣла мнѣ къ ней ѣхать на похороны... и притомъ накрѣпко приказала плакать, кричать, биться и прочая, какъ водится, или водилось «изстари. Я же притворяться не могу; покойница мнѣ почти незнакома была, и я ни мало не печальна... Я думаю пригложѣ всего мнѣ упасть въ обморокъ. Я видывала, какъ Татьяна Михайловна (Тропольская) на театрѣ обиграетъ степенно; и упавъ такъ съ начала пролежу до конца, и тѣмъ «всѣхъ хлопотъ разомъ избавлюсь».

Суевѣрные обычаи воспитывали въ своихъ приверженцахъ ту мнимую, ложную набожность, которая нерѣдко высказывалась съ непонятною для насъ наивностью, и противъ которой была направлена колкая сатира Кантемира, Сумарокова и періодическихъ изданій разсматриваемаго нами времени. Приведемъ выписки изъ двухъ сатирическихъ писемъ, напечатанныхъ въ изданіяхъ Новикова:

а) Племяннику моему Ивану здравствовать желаю! На послѣднее мое къ тебѣ письмо слишкомъ годъ дождался я отвѣта, только и понынѣ не получилъ. Я безмѣрно удивляюсь, откуда взялось такое твое о родственникахъ и о самомъ себѣ нерадѣніе. Мнѣ твое воспитаніе извѣстно: ты до двадцати лѣтъ своего возраста старанію покойнаго твоего отца соответствовалъ. Онъ изъ дѣтей своихъ на тебя всю полагалъ надежду, да и нельзя было не такъ: большой твой братъ, обучаясь въ кадетскомъ корпусѣ свѣтскимъ наукамъ, чему учился? Ты знаешь, сколько онъ приключилъ отцу твоему раззоренія и печали. А ты, подъ присмотромъ горячо-любившаго тебя родителя, жилъ дома до двадцати лѣтъ, и учился

не пустымъ нынѣшнимъ и не приносящимъ никакой прибыли наукамъ, но страху Божию; книгъ, совращающихъ отъ пути истиннаго, никакихъ ты не читывалъ; а читалъ житія святыхъ отецъ и библію. Вспомнишь ли, какъ тебѣ тогда многіе наша братья старики завидовали, и удивлялися твоей памяти, когда наизусть читывалъ ты многихъ святыхъ житія, разные аканонисты, каноны, молитвы и проч.; и не только мы простолюдины, но и священной левитской чинъ тебѣ завидовалъ, когда ты, будучи еще сущимъ птенцемъ, шестнадцати только лѣтъ, во весь годъ кругъ церковнаго служенія зналъ, и отпращивати могъ службу? Куда это все дѣвалось? Всеко-нечно Создатель нашъ, за грѣхи отецъ твоихъ, отъялъ отъ тебя благодать свою и попустилъ врагу нашему злокозненному діаволу искушати тебя и совращати отъ пути, ведущаго ко спасенію. Ты стоишь на краю погибельномъ, бездна адской пропасти подъ тобою разверзается, отецъ діаволовъ, разинувъ челюсти свои и испущая изъ оныхъ смрадный дымъ, поглотити тебя хочетъ, аггели мрака радуются, а силы небесныя рыдаютъ о твоей гибели, — ежели то правда, что я о тебѣ слышалъ! Сказывали мнѣ, будто ты по постамъ ѣшь мясо, и, оставя увеселяющія чистыя сердца и духъ сокрушеннѣйшій улаждающія священныя книги, принялся за свѣтскія. Чему ты научишься изъ тѣхъ книгъ? Вѣрѣ ли несомнѣнной, безъ нея же человекъ спасенъ быти не можетъ? Любве ли къ Богу и ближнимъ, ею же пріобрѣтается царствіе небесное? Надеждѣ ли быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты невозвратно. Я самъ грѣшникъ; вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, разорялъ ближняго, утѣнялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на издѣ, и короче сказать — грѣшилъ, и по слабости человѣческой еще и

нынѣ грѣшу почти противу всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ чрезъ пророка Моисея, и противу гражданскихъ законовъ; но не погасилъ любви къ Богу, исповѣдываю его предъ всеми творцомъ всея вселенныя... Сказано: постомъ, бдѣніемъ и молитвою побѣдиши діавола; я исполняю церковныя преданія, службу Божию слушаю съ сокрушеннымъ сердцемъ, посты, среды и пятки всѣ сохраняю, не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вѣрѣ, и еще прибавилъ постовъ; ибо я и всѣ домашніе мои во весь годъ, окромѣ воскресныхъ дней, ни мяса, ни рыбы не ядимъ... Перестань знатися по вашему съ учеными, а по нашему съ невѣждами. Къ чему потребно тебѣ богопротивное умствованіе, какъ и изъ чего созданъ міръ? Вѣдаешь ли ты, что судьбы Божія неиспытанны, и какъ познавать вамъ небесное, когда не понимаете и земнаго? Помни только то, что *земля еси и въ землю отыдеши*. На что тебѣ учиться рѣченіямъ иностраннымъ? языкъ намъ данъ для прославленія величія Божія, такъ и на природномъ нашемъ можемъ мы его прославляти; но вы учитесь онымъ для того, чтобы читать ихъ книги, наполненныя расколами противу закона...*)

б) Сыну нашему Фалалею Трифоновичу... Пиши къ намъ про свое здоровье: такъ такъ-ли ты поживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцовъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вить это не шутка: меня ими благословилъ покойникъ дѣдушка, а его отецъ духовной, Ильинской бѣтъка. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанію ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ и кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда при-

*) «Трутенъ» 1769 г., стр. 113—8; смотри еще стр. 69, 222-3, и «Сивь», стр. 75.

везъ этотъ канонникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свинными, да стягомъ говьяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ, свѣтъ, будь помянуть! онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкны-та, свѣтъ, грѣхи дорогоньки становились. Кабы онъ покойникъ поменьше съ понами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ... А ты, Фалалеюшка, съ понами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна... Отпиши, Фалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, что великія затѣи. Колокольную строятъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго: статочное ли это дѣло? то дѣлалось по благословенію патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать? Вѣра-то тогда была покрѣче; во всемъ, другъ мой, надѣялись на Бога, а нынѣче она пошатнулась, по постажъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать; а все это проклятая некрестъ дѣлаеть: отъ нѣмцовъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть въ адѣ. Пожалуйста, Фалалеюшка, не заводи съ ними знакомства: провались они проклятые! Нынѣче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ кормчей книгѣ положено за это проклятіе. Нынѣче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать да проценты выше указныхъ: это имъ пуше пересола; а объ этомъ въ кормчей книгѣ ничего и не написано. На моей душѣ проклятія не будетъ: я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями *).

Наконецъ прибавимъ, что сама императрица Екатерина Великая ратовала противъ ложной набожности, и въ превосходной своей комедіи: «О, время!», сочиненной въ 1772 году, создала типическое лицо *Ханжисхиной*.

*) «Живописецъ» изд. 2, ч. I, стр. 105-8.

III.

Въ частной и общественной жизни высшихъ слоевъ общества у насъ въ XVIII столѣтїи, въ свѣтскихъ нравахъ и обычаяхъ, замѣчается сильное чужеземное вліяніе. Въ этомъ отношенїи особенно важно было знакомство наше съ французами. Современники екатерининской эпохи признавались, что нѣмцы, голландцы и англичане никогда бы не смягчили такъ нашихъ нравовъ, какъ смягчило ихъ частое обхожденіе съ французами и путешествія въ Парижъ.

Но какъ при первомъ знакомствѣ нашемъ съ Европою общество русское стояло на весьма невысокой ступени умственного и нравственного образованія, то понятны крайности и односторонность его увлеченій внѣшностію европейской жизни, свѣтскими условными приличіями и обыкновениями. Чтò въ разсадникъ истиннаго просвѣщенія, насажденный Петромъ Великимъ и его сподвижниками, вторглись разные плевелы, въ томъ виновата не западная цивилизація, виноваты мы сами, наша молодость и неразвитость. Медленно и съ трудомъ усвоивая себѣ богатія свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и высоко-гуманныя идеи, вызванныя къ жизни европейскимъ образованіемъ, мы какъ дѣти бросились на то, чтò кидалось намъ въ глаза и нравилось своею яркостію и блескомъ: на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія. Подъ французскими кафтанамъ еще долгое время таились грубые старинные нравы; наружная утонченная вѣжливость очень часто прикрывала внутреннюю пустоту и мрачныя убѣжденія. Такія противорѣчія заставили Сумарокова и другихъ литераторовъ выступить съ обличительнымъ протестомъ. Сатирическіе журналы, со всею энергіей патріотическаго негодованія, наравнѣ съ темными явленіями старины, осмѣивали и крайности односторон-

ниго увлеченія чужеземнымъ, и въ ихъ пасиѣшкахъ замѣчается подчасъ желчное остроуміе.

На листкахъ «Кошелька» напечатано слѣдующее письмо защитника французскихъ нравовъ :

«Чортъ меня возьми! по чести моей, я объ васъ сожалею. Вы (г. издатель «Кошелька») родились въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ великія ваши добродѣтели блистательно быть не могутъ: ваша любовь къ отечеству и къ древнимъ россійскимъ добродѣтелямъ не что иное, какъ, если позволено будетъ сказать, сумазбродство. Пріятель мой! вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы инѣниями своими могли прославиться. Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и правоучительныя правила... Перестаньте понапрасну марать бумагу; нынѣ молодые ребята всѣ живы, остры, вѣтренны, насмѣшливы, вить они васъ заежютъ со всею вашею древнею къ отечеству любовью. Вамъ было должно родиться давно, давно, то есть когда древнія россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда русскіе цари въ первый день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ царицами и тамъ же объдали; когда всѣ науки заключались въ однихъ святцахъ; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женились, не видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкались въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе... сожигали въ срубяхъ или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю, словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуется нынѣ варварствомъ. Тутъ-то бы вы прославились! Я думаю, что вы бѣднымъ французамъ не дали бы и Нѣмецкой слободы въ Москвѣ; но всѣхъ бы ихъ выгнали изъ государства, или еще изъ особенной ревности приказали бы всѣхъ ихъ сечь: то-то бы славное было дѣло! Но шутки въ

сторону; вы, государь мой, весьма смѣшной проповѣдникъ! Проповѣдуете пороки подъ именемъ добродѣтелей и хотите, чтобы вамъ вѣрили... Вы стараетесь привлекать людей къ тому, отъ чего съ превеликою трудностію ихъ отторгали: вы конечно худо поняли намѣреніе Ж. Ж. Руссо, съ которымъ онъ утверждалъ свою систему. Скажите мнѣ, не хочется ли вамъ, чтобы путешествіе въ Парижъ, молодыми нашими дворянами предприемлемое для познанія свѣта и для просвѣщенія своихъ единоземцевъ, запретили? Не желаете ли, чтобы науки, въ Россію, помощію обращенія съ французами, съ великимъ трудомъ введенныя, опять изъ Россіи изгнаны были вмѣстѣ съ французами? Не того ли ищете, чтобы бросили французское платье, претворившее насъ изъ варваровъ въ европейцевъ? И если это такъ, такъ вы великую имѣете причину сожалѣть о старомъ платьѣ, ибо оно и красиво и покойно: въ которомъ платьѣ спишь, въ томъ можно и въ гости къ женщинамъ ходить... Ха, ха! какой вы чудакъ! Прославляя древнія русскія добродѣтели, вы, кажется мнѣ, не потрудились поискать о томъ извѣстія въ иностранныхъ о Россіи писателяхъ, но довольствовались утвердиться на словесныхъ объявленіяхъ старожиловъ, которые говорятъ: въ старину-то было хорошо жить; въ старину-то были люди богаты; въ старину-то хлѣбъ родился; въ старину-то были люди умны!»

Въ заключеніи письма высказано, что Россія только тогда можетъ назваться просвѣщенною страной, когда всѣ крестьяне наши будутъ разумѣть по-французски*).

Рядомъ съ этимъ письмомъ любопытно будетъ прочесть другое, подписанное *Люборуссовымъ*, на котораго уже избранный псевдонимъ указываетъ, какъ на защитника народности.

«Люблю я, говорить онъ, русскихъ, потому что происхожу

*) Стр. 52—80.

отъ русскихъ людей; люблю русскіе столы, ибо кажется мнѣ, что у нѣмцевъ для русскихъ желудковъ оныя голодноваты; люблю по-русски ужинать, ибо не вѣрю, чтобъ испортился отъ того желудокъ, а полагаю, что тѣ, которые не ужинаютъ, стараются больше сберечь деньги, нежели ихъ здоровье. Щи, потрохъ, селянка, рубцы, говядина, дворовыя птицы и прочія русскія кушанья чрезвычайно мнѣ пріятны, а супсвъ, фрикасеевъ, рагу, дичи, биркесовъ, клюквы со сметаной, сыру съ червями и прочихъ иностранныхъ поваренныхъ выдумокъ хотя бы для меня и на свѣтѣ не было! ибо кажется мнѣ, что многія изъ нихъ выдуманы не для вкуса, а только для того, чтобы чѣмъ-нибудь (хотя и худымъ) набить свой желудокъ и сберечь хорошіе припасы для продажи и скопленія денегъ. Почитаю русскую одежду для того, что она проста и покойна, не такъ какъ иностранная, которая изобильна ненужными многочисленными прорѣхами*). Говорю я по-русски, а другихъ языковъ хотя нѣсколько разумѣю, но говорить на оныхъ не могу, да и не хочу; ибо кажется мнѣ, будто они противъ нашего недостаточны, да и расположеніе ихъ чудно...

Въ приведенныхъ нами письмахъ высказались тѣ два противоположныя убѣжденія, которыя и послѣ долгое время слыша-

*) «Трудолюбивый Муравей», въ которомъ напечатано письмо Любо-руссова (стр. 169—171), помѣстил на своихъ страницахъ статью: О старинномъ русскомъ платьѣ боярѣ, дворянѣ, приказныхъ, купцовъ и боярынь (стр. 97). «Всякая Всячина», насмѣхаясь надъ тѣми, которые даже на своихъ крестьянахъ желали видѣть нѣмецкіе кафтаны, напечатала письмо, гдѣ въ защиту народной русской одежды выставлены ея пластичность, удобство и соответственность съ климатическими условіями. Къ этому письму редакторъ присоединилъ свое замѣчаніе, что русское платье сходитъ съ холоднымъ климатомъ, но что всякая долгая одежда отнимаетъ проворство и поворотливость: еслибы къ французскому кафтану прибавить, что у него недостаетъ, или у русскаго платья убавить все лишнее, то можно бы составить одежду, приличную климату и согласную съ здравымъ разсудкомъ.

лись въ нашемъ обществѣ, заправляли литературными отзывами и служили неисчерпаемымъ источникомъ журнальной полемики. Обѣ стороны желали высказать истину, но, подъ угломъ болѣе или менѣе крайнихъ воззрѣній, не всегда достигали своей цѣли. «Какъ истребить, спрашивалъ фонъ-Визинъ, два противоположные и оба вредные предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?» *Временемъ и знаніемъ*, отвѣчала Екатерина Великая. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что трудная задача объ отношеніяхъ народности къ общечеловѣческому образованію никогда не была разрѣшаема такъ *практично*, какъ въ сатирическихъ изданіяхъ 1769—1774 годовъ. Они не щадили темныхъ сторонъ русскаго быта, ни тѣхъ, какія наследованы отъ до-петровской старины, ни тѣхъ, какія возникли вслѣдствіе слѣпago пристрастія къ чужеземнымъ обычаямъ; нападая на ложь условныхъ приличій и неразборчивость нашу при выборѣ иностранныхъ гувернеровъ, они съ чувствомъ полнаго уваженія относились къ европейской наукѣ и ея представителямъ. Не мѣшаетъ указать на эту достойную подражанія черту тѣмъ изъ новѣйшихъ защитниковъ народности, которые далеко не воспитали въ себѣ подобной трезвости взгляда: теперь, когда серьезнѣе стали мы смотрѣть на задачу просвѣщенія, когда несравненно полнѣе и отчетливѣе, нежели наши предки, познали блага, доставляемыя цивилизаціей, когда въ самомъ обществѣ почти исчезло крайнее увлеченіе иноземнымъ, — теперь, казалось бы, съ большимъ правомъ можно ожидать и терпимости и безпристрастія!

Въ высшихъ кружкахъ русскаго общества, въ прошломъ столѣтіи, воспитаніе дѣтей и юношей поручалось иностраннымъ дядькамъ, мадамамъ и учителямъ, наиболѣе охотно французамъ и француженкамъ. Если богатые и знатныя фамиліи,

располагая огромными материальными средствами и усвоивъ себѣ европейскую образованность, безъ особенныхъ трудностей могли вызывать изъ-за границы учителей и гувернеровъ, дѣйствительно свѣдущихъ и достойныхъ; то для другихъ выгода эта была рѣшительно недоступна: при недостаточномъ образованіи самихъ родителей не легко было имъ выбрать добраго воспитателя, не говоря уже о препятствіяхъ, полагаемыхъ состояніемъ. Но духъ подражанія, владычество моды и примѣры большаго свѣта были слишкомъ сильны. Большинство стало принимать къ себѣ иностранныхъ учителей и гувернеровъ, не разбирая ни нравственныхъ ихъ достоинствъ, ни познаній; думали только о наружномъ лоскѣ и заботились, чтобы воспитаніе удовлетворяло принятымъ обыкновениямъ и стало подешевле. Въ статьѣ о воспитателяхъ, напечатанной въ «Вечерахъ», по этому поводу сказано: «Можно признаться, что мы черезъ французскій языкъ, а не черезъ французскихъ учителей, новыя приобрѣли знанія, возстановили хорошій вкусъ въ литературѣ... Но чѣмъ мы сей націи вполннну обязаны, за то благодарить ее и почитать должно, не ослѣпляясь однако именемъ чловѣка, который на Сенѣ родился. По какому-то непонятному пристрастію къ уроженцу парижскому или другаго городка древнихъ галловъ, мы надѣемся въ каждомъ изъ сихъ гостей, которые въ наше отечество втираются, находить сію великость духа, остроту разума и справедливость сердца, какимъ въ ученыхъ и преславныхъ французахъ дивимся... Желать открыть дорогу своимъ дѣтямъ къ новымъ познаніямъ черезъ французскій языкъ — похвально; но не имѣть попеченія о ихъ нравахъ, любви къ отечеству, любви къ ближнимъ — безбожно!»*) Толпы иноземцевъ, нисколько не приготовленныхъ къ важному дѣлу воспитанія, явились на

*) Ч. I, стр. 10—12 (изд. 2-е).

Руси съ предложеніемъ своихъ корыстныхъ услугъ, и имъ-то многіе родители стали неосторожно вѣрять будущую надежду отечества. Насмѣшливый «Трутень», въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ, публиковалъ :

«Кронштадтъ. На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бордо корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, до такой приведены крайности, что для пріобрѣтенія золота принуждены были ѣхать въ Россію. Они въ своихъ разсказахъ солгали очень мало, ибо, по достовѣрнымъ доказательствамъ, всѣ они природные французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и въ должностяхъ третьяго рода; многіе изъ нихъ въ превеликой спорѣ съ парижскою полиціей», которая и попросила ихъ выбратъся изъ столицы. «Ради того пріѣхали они сюда и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей»*)).

Что дѣйствительно бывали подобные воспитатели, этотъ грустный фактъ засвидѣтельствовало самое законодательство. Въ именномъ указѣ 12-го января 1755 года, которымъ утверждено основаніе московскаго университета, сказано, что «у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только не могли преподавать науки, но и сами ничего не знали; оттого лучшее время для воспитанія пропадало даромъ. Иные же родители, не имѣя знанія въ наукахъ или по необходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Въ замѣнъ такихъ невѣжественныхъ воспитате-

*) 1769 г., стр. 125—6.

лей необходимы, по словамъ указа, національные надежные люди для заведенія, при посредствѣ ихъ, училищъ по большимъ городамъ.

И современные записки, и комедіи оставили намъ довольно характеристическихъ указаній, подтверждающихъ отзывы журналовъ*). Не останавливаясь однако на этихъ источникахъ, воспользуемся обильными матеріалами, записанными въ сатирическихъ изданіяхъ. Прежде всего приведемъ письмо Оомы Стародурова къ пріятелю, съ просьбою прискивать для его внуковъ учителя, письмо, написанное съ такимъ же талантомъ, какъ и всѣмъ извѣстное письмо его превосходительства Дурькина, принадлежащее перу фонъ-Визина.

«Ты знаешь (пишетъ Стародуровъ), что я уже человекъ пожилой, слишкомъ лѣтъ въ шестьдесятъ; итакъ нынѣшнія поведенціи кажутся мнѣ очень чудны, такъ что имъ не могу надивоваться, и онѣ же денежки очень таскаютъ. Дѣды наши были хотя и не такъ смышлены, какъ нынѣшніе молодчики, однако, сказать правду-матку, были они насъ гораздо покрѣпче да и побогатѣе; иноземскія прихоти были имъ незнакомы. Я про себя скажу, чтобы конечно не прежде, какъ лѣтъ въ двадцать пять, зачалъ я учиться россійской азбукѣ, если бы не было у насъ государя императора Петра I, который дворянъ велѣлъ выгонять въ службу. Тогда и я попался на Сухареву башню и зѣло поученъ былъ въ арихметикѣ... Нынѣ же шестилѣтній ребенокъ болтаетъ по-французскому или по-нѣмецкому — хоть куда поиди! Этотъ манеръ завелся и у деревенскихъ дворянъ, такъ что за инымъ не болѣе 300 душъ, а у него живетъ иноземецъ и деретъ съ него очень, очень порядочныя денежки. Мнѣ, правда, хочется, чтобы и

*) Записки Болотова («Отеч. Зап.» 1850, № 5, стр. 31), комедіи фонъ-Визина и Екатерины II.

мон внучаты нынѣшнимъ-то наукамъ поучены были, однако не могу найти учителя по своему достатку, а бросать деньги даромъ я право не привыкъ : мнѣ всякая полушка по́томъ приходится. Третьяго года хотѣлъ было я ихъ записать въ кадетскій корпусъ и поубавилъ имъ года по четыре съ небольшимъ, однако ихъ по лицу узнали, что они старѣе шести лѣтъ. Итакъ я принужденъ былъ учить ихъ дома русской грамотѣ, и они у пономаря моего выучились читать и писать. Послалъ бы ихъ въ Питеръ въ школу, да право нѣтъ силы, а притомъ боюсь, чтобъ они отъ иноземцевъ не научились изъ отступничеству и не привыкли бы по постамъ ѣсть мясо. Однако, что дѣлать ? надобно ихъ учить, а то нынѣ, сказываютъ, безъ наукъ-то немного получишь. Пожалуй, другъ мой, выпиши мнѣ изъ Питера какого добренькаго человѣчка, который бы взялся двузъ моихъ внучать учить по-французскому, по-нѣмецкому, егюграфіи, исторіямъ, иноземской пляскѣ, арихметикѣ и другимъ нынѣшнимъ наукамъ ; только, пожалуй, поторгуйся съ нимъ хорошенько ; а я уже, какъ быть ! дамъ ему въ годъ рублей сорокъ, а особливо когда стаѣтъ онъ у меня смотрѣть въ бѣдномъ моемъ домишкѣ за холопшиками, за животиной, за хлѣбомъ и за сѣномъ. А то я уже становлюсь старъ, и за всѣмъ не усмотришь. Если за эти деньги найти не можно, то, что дѣлать ! хоть рубли по полтора и прибавить, а болѣе платить я право не въ состояніи. Вить при старости съ голоду умереть не хочется, да мнѣ же и стѣны всѣ стануть смѣяться, если въ одинъ годъ употреблю на иноземца столько, сколько самому мнѣ не издержать и въ три года. Отъ двухъ тысячъ душъ не кстати тануться за большими боярами и учить дѣтей нынѣшнимъ наукамъ . . . Пожалуй, другъ мой, постарайся поискать подешевле, а великая бы милость Божія, когда бы можно было сыскать рубликовъ за двадцать за пять или ровно за двадцать»*)).

*) «Полезное съ Приятнымъ», полуѣс. 2, стр. 23—7.

При общемъ недостаткѣ въ учителяхъ, *дешевые* воспитатели были конечно и самые негодные, отъ которыхъ нечего было ожидать добра. «Всячина» рассказываетъ, что въ одномъ домѣ такъ дорого платили порядочному учителю, что мать за нужное сочла отпустить его, чтобъ имѣть возможность прибавить повару лишннихъ сто рублей; а для сына былъ выбранъ другой наставникъ *подешевле*, изгнанный изъ своего отечества «съ напечатаніемъ герба распустившейся лилеи на спинѣ» и не знавшій даже грамоты. Не посчастливилось ему и въ Россіи, ибо между нимъ и полиціей возникло нѣкоторое недоразумѣніе: полиція доказывала, что онъ воровалъ, а наставникъ утверждалъ, что слово: «воровалъ» крайнимъ, невѣжествомъ выдуманно. Когда этотъ дешевый учитель попалъ въ тюрьму, матушка очень сожалѣла: «Гдѣ мнѣ найти другаго столько дешеваго?» говорила она. Однако она утѣшилась тѣмъ, что вскорѣ прибыли въ Москву кучеръ, поваренокъ, парикмахеръ и егеръ французскаго посла, которые не захотѣли съ нимъ обратно ѣхать, а рѣшились заняться воспитаніемъ русскаго благороднаго юношества*). Можно ли, спрашивалъ сотрудникъ одного сатирическаго журнала, рассчитывать на нравственное развитіе ребенка, отданнаго на руки такого человѣка, достоинства котораго заключаются только въ томъ, что онъ родился во Франціи и дешево беретъ за ученіе? «Смѣхъ и жалость я чувствую, когда вспомню о томъ контрактѣ, какой видѣлъ я въ Москвѣ, между однимъ господиномъ и оборваннымъ французомъ, сдѣлавшимся изъ лотерейнаго разнощика учителемъ. Учитель оказался не дорогъ, и контрактъ заключенъ съ нимъ такого содержанія: 1) «Я Пьеръ де-Фадэ обязуюсь получать отъ господина N N каждую недѣлю штофъ водки и каждый день по одной

*) Стр. 114—6.

бутылкѣ французскаго вина; 2) потому что я, де-Фадѣ, истинный норманскій дворянинъ, то мнѣ должно имѣть три раза въ недѣлю для выѣзда экипажъ съ кучеромъ и лакеемъ, которымъ много дѣла не будетъ, какъ возить меня, де-Фадѣ, по всему городу къ моимъ товарищамъ; 3) когда я своихъ пріятелей посѣщаю, то естественно, что и они посѣщать меня будутъ, а для того имѣть мнѣ другіе три дни особый столъ... Жалованья мнѣ получать 500 рублей, а я, Пьеръ де-Фадѣ, обязуюсь обучать дѣтей помянутаго N N своему природному языку, благодравію и всему, чтѣ я знаю.» Отецъ и мать плакали отъ радости, найдя такого учонаго мужа; стали *дѣтки* учиться, черезъ полгода позабыли русскую грамоту и плохо узнали французскую, черезъ годъ выучились въ банкъ и квинтичъ, скоро потомъ узнали биліардные дома и наконецъ промотали отцовское имѣніе*). И что другое могли дать подобные воспитатели? Сами чуждые основательнаго образованія, они много-много могли выучить своему родному языку. Науки оставались на второмъ планѣ, а то и вовсе до нихъ не было дѣла. Умѣніе одѣваться со вкусомъ, любезность, грація внѣшнихъ пріемовъ, ловкость въ танцахъ — вотъ главное, на чтѣ обращалось особенное вниманіе гувернеровъ. О твердомъ нравственномъ воспитаніи, безъ сомнѣнія, не могли думать ни фонъ-визиневскій Вральманъ, ни мусье де-Фадѣ. Такая сторона современнаго воспитанія особенно мѣтко осмѣяна сатирическими статьями «Кошелька». Въ этомъ журналѣ между прочимъ напечатано было письмо одного марсельскаго ремесленника къ сыну:

«Ты находишься въ Петербургѣ, ты французъ, ты мой сынъ... Послѣ всего этого я не умру съ голода. Безъ сомнѣнія ты уже пашель въ Петербургѣ прибыточное мѣсто и

*) «Вечера» ч. I, стр. 12—15 (изд. 2).

имѣешь деньги; раздѣли же ихъ съ отцомъ твоимъ. Ты требовалъ, чтобъ я прислалъ тебѣ отсюда дворянскій паспортъ, но я не могъ достать онаго, и съ превеликою трудностію получилъ мѣщанскій: непорядочная твоя въ молодости жизнь тому причиною... Я сторговалъ было паспортъ послѣ одного бѣднаго капитана, умершаго скоропостижно, но, не могши достать денегъ, упустилъ оный, а купилъ его сынъ нашего сосѣда, бочара, и съ онымъ отправился въ Петербургъ, чтобы вступить въ военную службу.» По справкамъ, прибавляетъ издатель журнала, оказалось, что этотъ марселецъ на границахъ россійской имперіи произвелъ себя въ шевалье де-Мансонжъ и поступилъ въ С. Петербургъ къ одному знатному дворянину учителемъ его дѣтей за 500 рублей въ годъ, да сверхъ того получаетъ еще столъ, слугу и карету. Чтобы ближе познакомить публику съ этимъ мнимымъ шевалье, «Кошелекъ» напечаталъ два разговора его съ нѣмцемъ и съ русскимъ.

«— Скажите мнѣ, спрашиваетъ его нѣмецъ, — чему будете обучать поручаемыхъ вамъ воспитанниковъ? ибо между нами сказать, вы и сами, кромѣ французскаго языка, ничего не разумѣете, а въ этой наукѣ всякой французскій сапожникъ не менѣе вашего учонъ!

«— Что за нужда! отвѣчаетъ французъ. — За чтѣ-бъ ни давали мнѣ деньги, лишь бы я получалъ ихъ! Глупо дѣлаютъ родители, что поручаютъ воспитаніе дѣтей своихъ мнѣ, а я напротивъ того дѣлаю очень умно, желая получить деньги даромъ. Въ должность учителя я вступаю не для того, чтобъ учить моихъ воспитанниковъ, но чтобы заставить деньгами. А накопивъ нѣсколько денегъ и сойдясь съ молодыми людьми, сдѣлаюсь и учителемъ и купцомъ. Начну выписывать французскіе товары и постараюсь получать ихъ безошливно. Примѣчайте теперь, какъ они доставутся мнѣ дешево: пош-

лвна не плачена, лавки для нихъ не нанймаю, купеческихъ поборовъ не плачу и никакихъ тягостей не несу. Товары мои стану распродавать знакомымъ молодымъ людямъ за наличныя деньги, а если въ долгъ, то стану приписывать въ счетахъ и брать векселя. Въ пять лѣтъ буду я имѣть нѣсколько тысячъ рублей, и ворочусь въ свое отечество. Межъ тѣмъ, какъ и самая справедливость того требуетъ, буду ругаться орудіями, служившими къ моему обогащенію, какъ варварами и невѣждами!»

Съ такими надеждами приступалъ шевалье де-Мансонжъ къ труднымъ занятіямъ воспитателя. Вѣрный своей методѣ, въ свободное время занимался онъ передѣлкою простаго рулянаго, тертаго табаку въ *розовый*, и продавалъ его по 5 и по 10 рублей за фунтъ¹⁾. О торговыхъ спекуляціяхъ французскихъ гувернеровъ упоминаетъ и «Адская Почта»²⁾.

Согласно съ принятою системой воспитанія, богатые родители считали необходимымъ отпускать своихъ взрослыхъ сыновей за границу, чтобы, путешествуя по западной Европѣ, закончили они тамъ свое блестящее образованіе: мысль прекрасная! Польза такихъ путешествій, предпринимаемыхъ послѣ достаточнаго приготовительнаго воспитанія, велика и несомнѣнна. Еще «Всякая Всячина» настаивала, чтобы, отпуская молодыхъ людей въ чужіе края, опредѣляли предметъ, для изученія котораго они посылаются. По порученію императрицы, И. И. Бецкій въ 1782 году составилъ прекрасный планъ для путешествія молодыхъ людей за границей съ цѣлью образованія. Но юные недоросли, избалованные дома и привычкою къ роскоши, и окружавшею ихъ лѣнью, выросшіе подъ руководствомъ невѣжественныхъ гувернеровъ и отцовъ,

¹⁾ Стр. 138—144, 17—44.

²⁾ Стр. 25.

мечтали не о трудахъ, а о наслажденіяхъ парижской жизни. Что могли они вывезть прочнаго изъ-за границы, куда вырывались на полную свободу, и гдѣ на каждомъ шагу искали однихъ соблазновъ, гдѣ женщины были такъ увлекательны, а общественныя развлеченія такъ легко доступны, гдѣ роскошь въ то время являлась во всемъ изящномъ блескѣ? По отзывамъ современниковъ, они со страстію предавались празднои и шумной жизни, проматывали въ большихъ европейскихъ городахъ цѣлыя состоянія, и никогда не заглядывали въ тѣ мѣста, гдѣ обитали науки¹⁾. «Трутень» жаловался, что молодые люди вывозили изъ чужихъ земель только свѣдѣнія о томъ, какъ тамъ одѣваются, какія бываютъ зрѣлища и увеселенія, а никто не расскажетъ о нравахъ, учрежденіяхъ и узаконеніяхъ просвѣщенныхъ народовъ²⁾. Много смѣшнаго можно было подмѣтить въ этихъ путешественникахъ, и комедія не замедлила воспользоваться такимъ богатымъ источникомъ. Комедія у насъ постоянно шла объ руку съ сатирою, взаимно восполняя другъ друга и помогая одна другой. Подобно сатиры, комедія обратила самое тревожное вниманіе на воспитаніе, какъ на главный жизненный вопросъ. Фонъ-Визинъ посвятилъ этому вопросу три комедіи. Въ яркихъ, типическихъ образахъ и строго-комическихъ положеніяхъ, осмѣялъ онъ и недостатки того воспитанія, которое основывалось на букварѣ, и пустоту легкаго свѣтскаго воспитанія, подъ руководствомъ невѣжественныхъ гувернеровъ. Въ *Бригадирь*

¹⁾ «Адская Почта», стр. 193. «И то и се», недѣля 2, 4.

²⁾ 1770 г., стр. 63—64. Сличи съ первой сатирой Кантемира. На подобныхъ путешественниковъ «Трутень» (1769 г., стр. 45—46) въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ напечаталъ слѣдующую злую замѣтку: «Молодаго россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и который воротился уже совершенною свиньею, желающіе могутъ видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города.»

фонъ-Визинъ коснулся тѣхъ бесплодныхъ, совершаемыхъ глупыми недорослями путешествій, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ *уму своему*, онъ говоритъ :

Ты хочешь здѣшніе обичаи исправить,
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возани ихъ везуть со всѣхъ предѣловъ свѣта.
Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлаиа сходила,
Одна бы Франція казну обогатила . . .
Но, видно, мы за то съ нихъ пошлинъ не собираемъ,
Что сами сей товаръ къ французамъ отправляемъ, и пр. *)

Въ подобныхъ нападкахъ сатирическихъ писателей XVIII вѣка на французскихъ гувернеровъ и русскихъ баричей, существовавшихъ въ Парижѣ, нельзя не замѣтить нѣкоторой доли преувеличенія; сатира такъ легко переходитъ въ карикатуру, а писатель, тревожно занятый интересами своей эпохи и возмущенный ея недостатками, съ большимъ насиліемъ для себя можетъ выдерживать хладнокровное безпристрастіе; обыкновенно овладѣваетъ имъ жажда беспощаднаго осмѣянія тѣхъ крайностей, въ которыхъ видится ему источникъ нравственнаго зла. Зло конечно существовало; это засвидѣтельствовано передовыми людьми прошлаго столѣтія, вовсе не старовѣрами, а людьми, горячо преданными европейскому образованію, каковы: фонъ-Визинъ, Новиковъ и сама императрица. Но нападая на него, писатели не всегда выдерживали должную мѣру. Не все же были Вральманы; были изъ иноземцевъ и такіе, которые дѣйствительно научили нашихъ предковъ многому добру. Особенно рѣзкая односторонность

*) Въ 1774 году была напечатана при московскомъ университетѣ комедія: «Воспитаніе» (въ пяти дѣйствіяхъ), касающаяся того же вопроса.

замѣчается въ журнальныхъ обвиненіяхъ французскихъ гувернеровъ и учителей въ томъ, что они внушали своимъ воспитанникамъ презрѣніе къ отечественнымъ нравамъ и безконечное уваженіе къ французскимъ. Понятно, что люди, рожденные въ странѣ высшей цивилизаціи и привыкшіе къ инымъ, болѣе мягкимъ и человѣчнымъ нравамъ и обычаямъ, съ гордымъ сознаніемъ своего народнаго достоинства говорили о своемъ отечествѣ, и непривѣтливо смотрѣли на наши суровыя обыкновенія и откровенную грубость въ обхожденіи. Если фонъ-Визинъ, одинъ изъ замѣчательно-свѣтлыхъ умовъ своего времени, съ непріязненнымъ чувствомъ замѣтилъ, что во Франціи лакеи, сидя въ передней, не вскакиваютъ съ мѣсть передъ господами, проходящими мимо этихъ *скотовъ*; если фонъ-Визинъ былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что французскіе офицеры гуляли по улицамъ безъ слуги, то какъ должны были поражаться европейскими нравами люди, стоявшіе далеко ниже фонъ-Визина по уму, по образованію, и съ дѣтства воспитанные въ грубыхъ и не совѣмъ человѣчныхъ убѣжденіяхъ? Съ другой стороны, какъ должны были поражать иноземцевъ, выросшихъ среди иныхъ обычаевъ, наше безцеремонное обращеніе съ подчиненными и слугами, наша барская спѣсь и семейная автократія! Передавая своимъ ученикамъ презрѣніе къ такимъ суровымъ нравамъ, они конечно дѣйствовали не совѣмъ недобросовѣстно.

Въ воспитаніи дѣвицъ мадамами и гувернантками также главное вниманіе было обращено на внѣшній лоскъ и наружныя формы. Почти съ того дня, какъ разставлялись дѣвочки съ своими кормилицами, начинали ихъ наряжать, потомъ учили танцовать, выпрямливали станъ, заставляли голову носить предписаннымъ образомъ и поворачиваться по циркулю, подъ опасеніемъ не выйти никогда замужъ, если не будутъ ходить, глядѣть и двигаться прямо; о томъ же, чтобы приго-

говить изъ нихъ добрыхъ хозяекъ, образоватъ ихъ умъ и сердце, почти совсѣмъ не заботились*). Приведемъ откровенное признаніе модницы, записанное «Трутнемъ»:

«Батюшка покойникъ, скончавшись третьяго года, избавилъ меня отъ ужасныхъ хлопотъ и безпокойства. Ты удивишься, какъ я тебѣ скажу; у васъ въ Петербургѣ и въ голлову никому это не входило. Послушай, да не засмѣйся: уморишь, радость! Я принуждена была смотрѣть за курами, за гусями и деревенскими бабами — ха, ха, ха! Разсуди, радость, сносно ли благородной дворянкѣ смотрѣть за эдакою подлостью... Я знала только, какъ и когда хлѣбъ сѣютъ, когда садятъ капусту, огурцы, свеклу, горохъ, бобы и все то, чтò нужно знать дураку прикашику. Ужасное знаніе! А того, чтò дѣлаетъ нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной, пріѣхала въ Москву, и увидѣла, что я была совершенная дура. Я не умѣла ни танцовать, ни одѣваться, и совсѣмъ не знала, чтò такое мода. Повѣришь ли, мнѣ стыдно признаться, я такъ была глупа, что по пріѣздѣ только моею въ Москву узнала, что я хороша! Разсуди теперь, какъ меня приняли московскія щеголихи. Онѣ съ голловы до ногъ меня засмѣяли, и я три мѣсяца принуждена была сидѣть дома, чтобы только выучиться по модѣ одѣваться. Ни день, ни ночь не давала я себѣ покоя, но, сидя передъ туалетомъ, надѣвала карнеты (чепчики), скидывала, опять надѣвала, разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румянилась, притиралась, нагѣпливала мушки, училась различному употребленію онахала, смѣялась, ходила, одѣвалась, и словомъ въ три мѣсяца все то научилась дѣлать по модѣ. Мнѣ кажется, ты удивляешься, какъ могла я въ такое короткое время всему, да еще и сама, научиться. Я тебѣ это таинство открою:

*) «Всачина», стр. 124, 325—6.

но счастію попалась мнѣ одна французская мадамъ, которыхъ у насъ въ Москвѣ довольно. Она предложила мнѣ свои услуги, рассказала мнѣ, въ какомъ я нахожусь невѣжествѣ, и что она въ состояніи изъ меня сдѣлать самую модную щеголиху. Вотъ какое изъ насъ французы дѣлають превращеніе! Изъ деревенской дуры въ три мѣсяца сдѣлать модную щеголиху — для человѣка невозможно; а французы дѣлають...»¹⁾

Понятно, что при такомъ направленіи воспитанія, учителя танцованія нечитались наиболѣе необходимыми, и потому передъ всѣми другими учителями пользовались особеннымъ предпочтеніемъ²⁾.

Въ жизни высшихъ общественныхъ кружковъ на первомъ планѣ стояла мода, а она требовала ловкости, свободныхъ приемовъ и веселой, непринужденной болтовни. Нынѣ, жаловались сатирики, на все мода: одѣваются по модѣ, ходятъ по модѣ, говорятъ и думаютъ по модѣ, даже и бранятся по модѣ. Эти моды измѣнчивы и убыточны: не успѣла утвердиться одна, какъ ее вытѣсняетъ другая, готовая вскорѣ уступить третьей, и т. д. Въ такихъ превращеніяхъ уходитъ время, и чтó сегодня было любимымъ, завтра будетъ называться стариннымъ. Петербургъ внимательно слѣдитъ за измѣненіями парижскаго вкуса, Петербургу подражаетъ Москва, а столицамъ — провинціи³⁾.

По требованію моды, роскошь въ костюмахъ доходила до крайностей: бархатъ, кружева и блонды, серебряныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились съ золотымъ шитьемъ или съ золотымъ галуномъ, и не имѣть такого кафтана для свѣтскаго че-

¹⁾ 1770 г. стр. 43—44.

²⁾ «И то и сѣ», недѣля XIV.

³⁾ «И то и сѣ», недѣля XXIX. «Смѣсь», стр. 148. «Полезное съ Приятнымъ», 1V полуиѣсяцъ, стр. 22, 29.

ловѣка значило быть осмѣяннымъ. Щоголь долженъ былъ имѣть такихъ богатыхъ кафтановъ и камзоловъ по нѣскольку, и какъ можно чаще перемѣнять ихъ, сообразуясь съ временемъ года и съ принятымъ модокъ цвѣтомъ. Шубы бывали бархатныя, съ золотыми кистями; на кафтанахъ тоже подлѣ петель привѣшивались иногда кисти, а на шпагѣ — ленточка; манжеты носились топкия, кружевныя¹⁾. Щоголи заказывали себѣ платье у французскихъ портныхъ, которые продавали свое искусство весьма дорого и, возвращаясь на родину съ нажитымъ въ Россіи состояніемъ, сказывали, что нѣтъ лучшей дороги къ счастію, какъ быть французскимъ портнымъ въ Россіи, потому что тамъ за всякое платье даютъ вдвое и втрое, исключая то, что догадливый портной сумѣетъ самъ украсть²⁾. Франты прошлаго вѣка носили чулки со стрѣлками, башмаки съ красными или розовыми каблучками и большими пряжками; имѣли при себѣ лорнетъ, карманные часы, по нѣскольку золотыхъ, иногда осыпанныхъ брилліантами табакерокъ съ миниатюрными портретами красавицъ или съ изображеніемъ сердца, пронзеннаго стрѣлой, и другія драгоценныя бездѣлки; на пальцахъ дорогіе перстни, а въ рукахъ трость³⁾.

Но особенное вниманіе щеголей было обращено на головную уборку: завиваніе волосъ, пудру и парики. Убрать го-

¹⁾ «Всячина», стр. 81. «Смѣсь», стр. 314. «Вечера», ч. II, стр. 172. «Поденьшина», стр. 24, 32—36. «Адская Почта», стр. 33, 61, 169. «И то и сѣ», недѣля 34.

²⁾ «И то и сѣ», недѣля 24. Въ «Вечерахъ» (ч. II, стр. 242) напечатана похвальная эпистола *новому кафтану*; въ «Старинѣ и Новизнѣ» — стихи *на смерть кройщика Брокара* (ч. II, стр. 208), а въ «Щепетильникѣ» (стр. 147) — стихи *на смерть шляпորга Г. К.*

³⁾ «Адская Почта», стр. 161. «Модное ежемѣсячное изданіе» 1779 г. ч. I, стр. 240. «Трудолюбивая Пчела» 1759 г., стр. 276—7. Комедіи Лукина.

лову согласно съ требованіями свѣтскихъ приличій и для мужчинъ и для женщинъ было хлопотливое и нелегкое искусство. Волосы были завиваемы буколь въ двадцать и болѣе, и (по свидѣтельству «Трутня» щоголи просиживали за такимъ занятіемъ часа по три и по четыре¹⁾). Французскимъ парикмахерамъ платились большія деньги за прическу головы со вкусомъ, по всѣмъ правиламъ искусства. «Поденьшина» упоминаетъ о французѣ-парикмахерѣ, который жилъ у богатаго помещика и получалъ по 200 рублей, платье, столъ и экипажъ²⁾. «Пустомеля» насмѣхается надъ тѣми, которые, гонясь за богачами, три четверти своего дохода издерживали будто бы на одно завиваніе кудрей и пудру³⁾. Пудра употреблялась разная, смотря по цвѣту волосъ: *poudre grise*, *poudre blonde*⁴⁾. «До сихъ поръ, объявляя сатирикъ, завивали волосы и ставили кудри на подобіе *замѣнныхъ трубъ и винныхъ боченковъ*; я нынѣ упражняюсь въ изобрѣтеніи новаго манеру. Выдумка моя состоитъ въ томъ, чтобы ставить кудри на подобіе цвѣтка розы и пропудривать волосы красною съ нѣкоторою бѣлизною пудрой»⁵⁾. Журналы записали насмѣшливыя указанія на употребленіе париковъ и кошелековъ⁶⁾.

Въ 1769 году между свѣтскими дамами вошло въ моду носить на башмакахъ высокіе каблуки и какъ можно выше подымать свои прически, чтó послужило обильнымъ матеріаломъ для журнальныхъ нападокъ. По словамъ «Всячины», женщины всѣ выросли на пядень съ тѣхъ поръ, «какъ бока ихъ потеряли стремленіе выпячиваться, какъ прежде бывало», и появились

¹⁾ 1769 г. стр. 54. «Адская Почта», стр. 169.

²⁾ Стр. 8—14.

³⁾ Стр. 55.

⁴⁾ «Смѣсь», стр. 26—7.

⁵⁾ «И то и сѣ», недѣля 1, 2, 4.

⁶⁾ «Всячина», стр. 284. «Кошелекъ», стр. 47. «Сочин. Сумарокова», ч. V, стр. 19.

высокія прически. Еслибъ это случилось съ мужчинами, тогда пожалуй можно-бъ было догадаться, зачѣмъ старѣются они прикрывать свои головы высокими прическами; но дамы!... Какъ не дивиться высокому зданію, поднятому на женской головкѣ! «Устойтъ ли это обыкновеніе или нѣтъ, неизвѣстно; но то правда, что кареты будутъ дороже. Каретники уже принялись дѣлать оныя выше, чтобы дамамъ можно было сидѣть прямо». Я, прибавляетъ сатирикъ, заказалъ въ своемъ домѣ всѣ двери сдѣлать выше, дабы дочь моя какъ-нибудь головою не увязла. «Лѣтъ съ двадцать назадъ, бывало, расширивъ дома, двери, кареты и прочая — для фишбейновъ; а нынѣ возвышай дома. Въ Петербургѣ уже всѣ строенія, сооруженныя нынѣшнимъ лѣтомъ, не въ примѣръ выше тѣхъ, кои строили, когда носили большіе фишбейны; тогда и дома имъ повиновались, и росли въ ширину поземисто, не подымая стропиль до облаковъ... Прочитавъ это, быть можетъ, дамы позадумаются, а вышедши въ другую горницу, сядутъ убираться и скажутъ: дѣвка! повыше, пожалуй повыше!»¹⁾ Моду носить высокія прически осмѣяла сама императрица въ комедіи: *Имянины* : -жи *Ворчалкиной*, представленной въ 1772 году на придворномъ театрѣ²⁾. Въ «Модномъ ежемѣсячномъ изданіи, или Библіотекѣ для дамскаго туалета», на 1779 годъ, приложены любопытныя гравированныя изображенія дамскихъ головныхъ уборовъ, поражающихъ своею изысканностію и размѣрами, таковы: *шишакъ Минервинъ или по-драунски, роиъ изобилія, чепецъ победы, уборъ а ла белль пуль*, и др. Мода эта прекращается въ восьмидесятихъ годахъ: «Вечерняя Заря» (1782 г.) уже напечатала *эпитафію широкимъ накладкамъ и высокимъ прическамъ*³⁾.

¹⁾ Стр. 390—2.

²⁾ «Сочин. Екатерины II», ч. II, стр. 170, 160.

³⁾ Ч. III, стр. 250, 243—6.

Румяна, бѣллада и мушки были необходимою принадлежностію щегольского туалета; къ нимъ прибѣгали не только женщины, но даже мужчины. Въ праздничные дни щеголи, по словамъ Чулкова, ни о чемъ не думали, кромѣ нарядовъ и убранства:

Но только ото она взглянувъ на свѣтъ очами,
 Во первыхъ мажутся нахучими водами,
 Гдугъ волосы въ крючки.....
 Потомъ касаются сурмилами бровямъ,
 Руминъ и горсть бѣлладъ бросаютъ по щекамъ,
 Сердечки изъ тафты желѣзомъ выбиваютъ,
 И наклеивъ на персть, для моды прильпляютъ,
 Который въ старину именовался *врачъ**).

Но преимущественно украшенія эти, разумѣется, оставались за дамами, которыя бѣлились, румянились, налѣпливали на лица мушки разной величины и формы и часто перемѣщали ихъ съ одного мѣста на другое. Въ назиданіе щеголихъ «Полезное съ Пріятнымъ» публиковало статью о женскомъ уборѣ, въ которой между прочимъ сказано: «Хотя и все на свѣтѣ подвластно непостоянству времени, однако женскій головной уборъ всего скорѣе перемѣняется, и уже на нашемъ вѣку весьма много возвышался и понижался. Правда, нынѣ и мужчины своими возвышенными вержетами прибавляютъ себѣ росту; но что мы бѣдные можемъ учинить исключиваніемъ своихъ волосъ противъ непостижимаго могущества женскихъ чепчиковъ, которые по пропорціи возвышаются на желаемые градусы?» Опутывая свою голову бахромками, блондами, кружевами и проволокою, испещряя лицо черными пятнами и за-

*) При этомъ стихѣ находимъ слѣдующее примѣчаніе: «О именахъ ручныхъ перстовъ справиться можно въ *Безстрашномъ гражданѣ* (сатирической романъ), который въ скоромъ времени печататься будетъ.» («И то и сѣ», недѣля 17-ая). «Велчина», стр. 145—6; «Живописецъ» (изд. 3) ч. II, стр. 49.

крашивая его румянами, дамы своевольно затмѣваютъ свою природную красоту: такова-то польза отъ ихъ уборовъ *)!

«Ситсь» напечатала на своихъ листкахъ насмѣшливую статью подъ заглавіемъ: «Происхожденіе, польза и употребленіе опахала». Опахало, говоритъ авторъ, прекрасно и полезно. Оно исправляетъ должность зефира, отвращаетъ солнечные лучи, прикрываетъ нехорошіе зубы и непристойныя усмѣшки. При мнѣ одна пожилая вдова учила свою внучку: когда начнешь сердиться, покрасишь, стануть напрягаться жилы и морщиться лицо; то ни мало не теряя времени, надлежитъ развернуть опахало и изо всей силы махаться, такъ чтобы слышны были: *кхи, кхи!*... Знающія свѣтъ женщины умѣютъ опахаломъ изображать разныя страсти: ревность, держа у рта свернутое опахало, не говоритъ ни слова; непристойное любопытство, сохраняя стыдливость, закрываетъ лицо развернутымъ опахаломъ и смотритъ на то сквозь кости опахала, на что стыдно смотрѣть простыми глазами; а любовь играетъ опахаломъ, какъ младенцы игрушками. Не безъ причины опахало падаетъ изъ рукъ красавицы: это часто дѣлается для испытанія обожателей. Она всѣ за нимъ бросятся съ великою скоростію, и первый, кто, поднявъ, подастъ красавицѣ и поцѣлуетъ ея руку, получить побѣду надъ своими совѣстниками; его благодарятъ за учтивость, и въ такомъ случаѣ прелестный полъ болѣе говоритъ глазами, нежели языкомъ. Опахало имѣетъ свои выраженія, которыя любовники легко познаютъ, какъ на примѣръ: будучи въ гостяхъ, красавица нарочно позабудетъ свое опахало, то ея любовникъ, конечно, отвезетъ его къ ней и симъ посредствомъ заведетъ знакомство, или по крайней мѣрѣ отошлетъ при любовномъ письмѣ

*) IV-й полутомацъ, стр. 30—32. «Всичина», стр. 285. «Ситсь», стр. 28—29.

или стихахъ, на что всегда есть причина отвѣчать... Теперь скажу о тѣхъ веселыхъ часахъ, въ кои волокиты говорятъ красавицамъ страстныя и пустыя рѣчи, то если вырвется словцо двоякаго смысла, тогда свернутымъ опахаломъ, на подобіе палочки, должно съ великою скоростію и умѣренною силою ударить по пальцамъ или по рукѣ такого смѣльчака, а послѣ сего усмѣхнуться и вымолвить: *перестань, пожалуйста!* Такое пріятное словцо тронетъ самое нечувствительное сердце¹⁾.

Въ 1772 году стали было, по свидѣтельству «Живописца», подражать англичанамъ²⁾; но французская мода одержала верхъ, и ей долгое время суждено было властвовать надъ нашими петиметрами и свѣтскими дамами.

Свѣтское модное воспитаніе не обошлось безъ сильнаго вліянія на отечественный языкъ. Периодическія изданія, проникнутыя строгимъ сатирическимъ направленіемъ, горячо вступились за родное слово, которое въ большомъ свѣтѣ искажалось и передѣлывалось на французскую и нѣмецкую стать³⁾: здѣсь созданъ свой особенный разговорный языкъ, съ странною примѣсью множества иностранныхъ словъ и оборотовъ⁴⁾. По замѣчанію «Смѣся», въ большомъ свѣтѣ безъ французскаго языка и умнымъ прослыть было невозможно; хорошей тонъ требовалъ по крайней мѣрѣ примѣшивать къ рѣчи отборныя французскія слова. Разсуждая о такомъ пристрастіи къ французскому языку, «Кошелекъ» прибавляетъ: «Неоспорима есть истина, что доколѣ будутъ презирать свой оте-

¹⁾ Стр. 3—8.

²⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 95.

³⁾ «Всячина», стр. 290.

⁴⁾ «И то и сѣ» напечатало цѣлый списокъ общепринятыхъ иностранныхъ словъ (авантажъ, амбиція, галантъ, консилъ, реваншъ и пр.), съ объясненіями (недѣля 26-я).

чественный языкъ въ обыкновенномъ разговорѣ, дотогѣ и въ письменахъ не можетъ оный до совершенства дойти»; почему издатель и его знакомые согласились постановить между собою такое правило, по силѣ котораго каждый за всякое иностранное слово, произнесенное имъ въ разговорѣ безъ крайней нужды, повиненъ заплатить пять копѣекъ въ пользу воспитательнаго дома, а вновь отысканныя или сочиненныя, по примѣру нѣмцевъ, коренныя російскія слова сообщать для напечатанія къ пользѣ любителей російскаго слова¹⁾. Вместе съ иностранными рѣченіями, цѣликомъ взятыми, въ разговорномъ языкѣ моднаго свѣта замѣчалось и неумѣренное употребленіе буквально переведенныхъ французскихъ словъ и выраженій, противныхъ генію нашего языка, и постройка цѣлыхъ предложеній по правиламъ французскаго синтаксиса. Народный строй рѣчи былъ постоянно нарушаемъ; кореннымъ русскимъ словамъ нерѣдко придавался новый и странный смыслъ; самыя грамматическія формы подвергались нѣкоторымъ искаженіямъ, напримѣръ говорили: *увидю, услыжаю, какъ ли ни*, и пр. Словомъ, говоря по-русски, модный свѣтъ думалъ по-французски²⁾.

«Живописецъ» сообщаетъ интересные образцы подобныхъ искаженій въ статьѣ: «Опытъ моднаго словаря щегольского нарѣчія»:

Болванчикъ — ласкательное названіе, которое придавали другъ другу любовники, то-же чтò *idole de ton âme*: «Ахъ, мущина, какъ ты забавенъ! Ужестъ, ужестъ! Твои смилые взгляды и томные вздохи и мертваго разсмѣшить могутъ. Ахъ, какъ ты славенъ, неподобный *болванчикъ*! Ну, еслибы сказала я тебѣ: люблю, такъ вить бы я пропала съ тобою.

¹⁾ Стр. 11—16.

²⁾ «Смѣсь», стр. 150. «Трудолюб. Пчела», стр. 58—61, 225. «Пу-стомя», стр. 15. «Сочиненія Сумарокова», ч. VII, стр. 368—370.

По чести, ты бы до смерти меня залюбилъ, не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ни чуть не славно».

Маханье — волокитство; *махаться* — волочиться: «Ха, ха, ха! ахъ, монкёръ, ты уморилъ меня! Онъ живетъ три года съ женою, и по сию пору ее любить! Перестань, мущина, это никакъ не можетъ быть; три года имѣть въ головѣ своей вздоръ! . . . съ чужою женою и *помахаться* не смѣетъ, еще и за грѣхъ ставить! Прекрасно! Перестань шутить; по чести, у меня отъ этого сдѣлается тѣснота въ головѣ. Ахъ, какъ это славно! Они до смерти другъ друга залюбить. Ахъ, мущина, ты уморилъ меня!»

Безподобно и *безпримѣрно* въ особенномъ новомъ смыслѣ, на примѣръ: «*Безподобные* люди! она дурачится по-дѣдовски и тѣмъ *безподобно* его терзаетъ, а онъ такъ темень въ свѣтѣ, что по сию пору не примѣтитъ, что это ни чуть не славно и совсѣмъ не ловко; онъ такъ развязанъ въ умѣ, что никакъ не можетъ ретироваться въ свѣтъ»¹⁾. «*Безпримѣрное маханье!* Онъ посадилъ себѣ въ голову вздоръ, а у нея вѣчной въ головѣ безпорядокъ».

Частое употребленіе слова: *ахъ!* «Мущина, притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница. *Ахъ*, какъ ты славенъ! Ужестъ, ужестъ: я отъ тебя падаю . . . *ахъ!* . . .»²⁾

Вотъ еще образчикъ моднаго нарѣчія: «Моп соеуг, Живописецъ! пишетъ щеголиха. Ты, радость, безпримѣрный авторъ. По чести говорю, ужестъ какъ ты славенъ! Читая твои листы, я безподобно утѣшаюсь; какъ все у тебя славно:

¹⁾ Переводъ: «Рѣдкіе люди! Она любить его постоянно, а онъ совсѣмъ незнающъ въ щегольскомъ обхожденіи, и не разумѣетъ того, что постоянная любовь въ щегольскомъ свѣтѣ почитается тяжкими оковами; онъ такъ глупъ, что и самъ любить ее равношрно».

²⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 69, 71, 74—6, 115—7. «Всачина», стр. 56. «Сочинен. Екатерины II», ч. II, стр. 172, 225.

слогъ разстеганъ, мысли прыгаючи. Твои листы вѣчно меня прельщаютъ; клянусь, что я всегда фелитирую ихъ безъ всякой дистракціи. . . А притомъ ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости, не такъ какъ нѣкоторый грубіанъ, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ вытащилъ на театръ (намекъ на комедію императрицы Екатерины: «Имянины г-жи Ворчалкиной»): куда онъ много выигралъ! Я чаю, онъ надѣялся, что всё расхохочутся до смерти; анъ право никто изъ нашихъ сестръ и учтивыхъ мушницъ и не улыбнулся. Онъ хотѣлъ насъ одурчить, да не удалось. Ужестъ какъ славно онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ *Фирлифюшковымъ*: со всѣмъ тѣмъ подобныя ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи; а его *Дремовъ* никогда не выдетъ изъ дураковъ*). Еслибъ узнала я этого автора, то отгѣнила бы сама его безподобно. Я никакъ на него не сердита; онъ меня никакъ не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что я его никакъ не могу терпѣть. Въ первой его комедіи («О, время!») я и сама до смерти захохоталась; ужестъ какъ славно шпетилъ онъ нашихъ бабушекъ! а эта комедія такую сдѣлала дистракцію и такую грусть, что я поклялась на *имянины* не ѣздить. Правда, ты и самъ зацѣпился, но это шуткою. . . точъ-въ-точъ высказалъ ты дражайшаго моего папахина. Какой это несносный человекъ! Ужестъ, радость, какъ онъ неловокъ выдѣланъ. По счастью, скоро выдали меня замужъ; я пріѣхала въ Петербургъ, подвинулась въ свѣтъ, разняла глаза, выкинула весь тотъ изъ головы вздоръ, который посадили мнѣ мои родители, и поправила опровергнутое мое понятіе. Но я никакъ не ушла отъ бѣды: мужъ мой влюбленъ въ меня до дурачества, а къ тому-жъ еще и ревнивъ. Фуй! какъ это не ловко: мужъ

*) *Фирлифюшковъ* и *Дремовъ* — дѣйствующія лица въ комедіи Екатерины II.

растрепанъ отъ жены; это, радость, гадко!.. Сказать ли, чѣмъ я отвязываюсь отъ этого несноснаго человѣка? Одними обмороками. Какъ привяжется онъ ко мнѣ со своими декларациями и клятвами, то я сперва говорю ему: отцѣпись! но онъ никакъ не отстаетъ; послѣ этого резонирую, что стыдно и глупо быть мужу влюблену въ свою жену, но онъ никакъ не вѣритъ. Итакъ остается мнѣ одно средство — взять обморокъ»¹⁾).

Модное нарѣчіе столичныхъ петиметровъ и щеголихъ отозвалось и въ провинціяхъ. Изъ Полтавы было прислано въ «Живописецъ» извѣстіе, что тамошніе молодые люди и дамы, произнося *новоманерныя петербургскія слова*, старались пришепетывать и картавить: такъ-де нѣжнѣе²⁾. Современная комедія не разъ осмѣивала этотъ «новоманерный» языкъ. Императрица Екатерина, Сумароковъ, Лукинъ и фонъ-Визинъ оставили намъ живые памятники такого языка въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ своихъ комедій.

Воспитанные и одѣтые по модѣ, щеголи въ обращеніи старались подражать парижскимъ свѣтскимъ баловнямъ. Пустота легкаго, поверхностнаго образованія, праздная жизнь, полная различныхъ удовольствій, увеселеній, и увлеченіе вѣшними формами, искусственными, но блестящими и роскошными, отразились на ихъ характерѣ рѣзкими и яркими чертами. Вотъ какъ, по свидѣтельству сатирическихъ листковъ, проводилъ время модный человѣкъ, которому придавали тогда названія: *петиметра, цоюля и вертопраха*.

Проснувшись въ полдень или немного позже, онъ мажетъ лицо свое парижскою мазью, которая дѣлаетъ кожу мягкой и нѣжною, натирается разными соками и кропитъ себя паху-

¹⁾ «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 60—65.

²⁾ Ч. II (изд. 1), стр. 301—2, и ч. I (изд. 2), стр. 147.

чими водами; потомъ набрасываетъ *пудреманъ* и понѣскольку часовъ проводитъ за туалетомъ, причесываясь, чистя зубы, румяня губы, подсурмливая брови и налѣпливан мушки, смотря «по погодѣ петиметрскаго горизонта». Какъ бы хорошо ни причесывалъ волосъ его собственный слуга, хотя бы ставилъ пукли на подобіе горлицыныхъ крылышекъ, а вержетъ бекасинымъ носомъ, но петиметръ ни за что не поручитъ ему собственной прически; его чешетъ, помазываетъ, украшаетъ кудрями и осыпаетъ пудрою новомодный французскій парикмахеръ, за что беретъ рублей 30 въ мѣсяць. Каждый день петиметръ переодѣвается въ различные кафтаны различныхъ цвѣтовъ, строго слѣдуя модѣ. По окончаніи своего туалета онъ садится въ маленькую манерную карету, на которой часто изображались купидоны со стрѣлами, и ѣдетъ вскачь, давя прохожихъ, изъ дома въ домъ; вездѣ онъ собираетъ и разглашаетъ новости, насмѣхается въ одномъ домѣ тому, что видѣлъ въ другомъ, и прилыгаетъ то, чего не видалъ. Петиметръ непременно долженъ усвоить себѣ счастливое дарованіе говорить обо всемъ и важно, и шутливо: ротъ его всегда долженъ быть открытъ для веселой болтовни и передачи безконечнаго числа глупостей и житейскихъ мелочей; онъ на все ищетъ противорѣчій, и на всякой случай запасается готовыми эпитафиями; онъ самолюбивъ, тщеславенъ, смѣлъ и даже дерзокъ, но веселъ, говорливъ, насмѣшливъ, и потому правится женщинамъ. «Когда вы увидите молодаго человѣка, который говоритъ громко, съ безразсудною рѣзвостью, и минутно хохочетъ, знайте навѣрное, что онъ — женекій временщикъ!» Съ своей стороны петиметръ все свое благополучіе полагаетъ въ томъ, чтобы услужить и угодить дамамъ, и для того старается быть какъ можно чаще въ ихъ обществѣ и не пропускаетъ ни одного публичнаго увеселенія. На Каменномъ островѣ, въ Еватерингофѣ, въ Лѣтнемъ саду, на

Дворцовой набережной и на балах — вездѣ онъ дамскій собесѣдникъ. Театръ онъ посѣщаетъ не для того, чтобы слѣдить за ходомъ пьесы и игрой актеровъ, но чтобы бѣгать по ломамъ, услуживать красавицамъ, или помощію зрительной трубки разсматривать женскіе уборы. Всѣ усилія петиметра направлены на то, чтобы прослыть волокитой. Онъ почитаетъ «за нѣкоторый родъ честолюбія посѣщать женщинъ и говорить съ ними о любви». Только увидить незнакомую даму, какъ слѣзится съ ней познакомиться, сочинить ей мадригалъ и признаться въ любви: такое поведеніе обратилось въ необходимое условіе свѣтской жизни. Петиметръ такъ привыкъ говорить женщинамъ о своихъ чувствахъ, разсыпаетъ передъ ними щедрія похвалы и повторять французскіе стихи, въ которыхъ воспѣвается любовь, притворно восхищаться ихъ прелестями, и казаться страстно-задумчивымъ, что все это почитаетъ необходимою жертвою прекрасному полу. Въ разговорахъ его съ свѣтскими красавицами безпрестанно слышатся эти обычные слова: *любовь, склонность, юрочность, страсть*, и тому подобный бредъ, который, однакъжъ, нравится женщинамъ *).

«Моя наука, разсуждаетъ петиметръ, состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогаящія бездѣлки, вздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану, словомъ дойти до того, чтобы называли *шалуномъ* тѣ люди, которыхъ мы дура-

*) «Полезное съ Пріятнымъ», полуиѣс. VI, стр. 17. «И то и сѣ», недѣл. 23-я. «Смѣсь», стр. 38, 77, 178, 249, 253, 262, 294. «Пустомеля», стр. 30, 35. «Трутень» 1769 г., стр. 77, 257, 261. «Кошелекъ», стр. 75—77. «Всячина», стр. 10, 347. «Вечера», ч. II, стр. 172, ч. I, стр. 184. «Трудолюбивый Муравей», стр. 138. «Сочин. Сунарокова», ч. V, стр. 272; ч. VII, стр. 35. «Сочин. Екатерины II», ч. II, стр. 384, 604. «Вечерняя Заря», ч. III, стр. 70—73.

ками называемъ. Въ бесѣдѣ со щеголихами бываю я воленъ до наглости, смѣлъ до безстыдства, живъ до дерзости: меня за это называютъ *рѣзвымъ ребенкомъ*, и хотя ударятъ меня по рукѣ и скажутъ: «перестань! ты очень дерзокъ», однакожь я никогда отъ того не краснѣю. Слова: «я не могу владѣть собою!» меня въ такомъ случаѣ извиняютъ. Впрочемъ, всегда я долженъ быть вѣтренъ и злоязыченъ. Съ которою *машусь*, ту одну хвалю; въ ней одной все нахожу совершенства, а въ прочихъ вижу только недостатки и пороки... Открытіе любви долженъ я дѣлать по новому обыкновенію и никогда не допускать, чтобы въ такіе разговоры вмѣшивалось сердце: это было бы дурачиться по дѣдовски. По нашему надобно любить такъ, чтобы всегда отстать можно было. Открытіе дѣлаю я всегда какъ будто это ненарочно случилось; напримѣръ, рассказывая красавицѣ о какомъ ни-на-есть любовномъ приключеніи, вдругъ прерываю разговоръ: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вамъ новость? вить я влюбленъ въ васъ до дурачества; вы своими прелестями такъ вскружили мнѣ голову, что я не въ своей сижу тарелкѣ!» — Шутить, она мнѣ отвѣтствуетъ; ужестъ какъ славно ты себя раскрываешь! «Безпримѣрно славно, сударыня! что мнѣ нужды, какъ вы это почитаете: рѣзвостью или дурачествомъ, только я вамъ говорю, въ настоящую, что я дурачусь. Пусть я не доживу до *мѣднаго таза*, ежели говорю неправду!» Послѣ такой клятвы бросаю на нее *милой* взглядъ, а между тѣмъ начинаю хвалить ее, и тутъ даю полную свободу языку моему. Она часто потупляется, будто стыдясь слушать себя похвалу; иногда усмѣхается, иногда удивляется и почасту говорить: «перестань шутить! вить не утѣшно слушать вздоръ». Послѣ этого я даю свободу рукамъ, мнѣ говорятъ: «это ужъ и въ истинную глупость!» а я далѣе, далѣе, а наконецъ она и сама повѣритъ, что это была не шутка. Потомъ бываемъ мы нѣсколько дней

смертельно другъ въ друга влюблены, и это называется дураться до безумія. Мы располагаемъ дни такъ, чтобы всегда быть вѣстѣ: въ *спринькой* ѣдимъ въ англійскую комедію, въ *пестринькой* бываемъ во французской, въ *колетца* — въ маскарадѣ, въ *мѣдный тазъ* — въ концертѣ, въ *сайку* смотримъ русскій спектакль, въ *умойся* — дома, а въ *красное* ѣдимъ прогуливаться за городъ ¹⁾. Такимъ образомъ держу ее *болванчикомъ* до того времени, какъ встрѣтится другая ²⁾.

Много времени уходило еще на карты и на заботы добыть взаимны денегъ. Приѣзжая занимать, петиметръ входитъ съ надменнымъ видомъ, говорить о своемъ богатствѣ и просить денегъ, увѣряя честью, что въ назначенный срокъ непременно заплатитъ. Если ему отказываютъ, то, оставляя надменность, онъ доходитъ до самой унижительной подлости, а когда получить деньги и выйдетъ за двери, тотчасъ возвращается къ нему и прежняя гордость ³⁾. Такимъ образомъ вся жизнь петиметровъ тратилась среди пировъ и увеселеній, на волокитство, занятія туалетомъ и пустую болтовню; трудъ считали они *подлымъ* ⁴⁾ и легко проматывали большія состоянія. Но и въ тотъ печальный періодъ, когда деревни были разорены или прожиты, и когда ни одинъ ростовщикъ не хотѣлъ давать взаимны денегъ, а купцы переставали вѣрить въ долгъ, петиметръ остается вѣренъ своему призванію. Онъ послѣдній свой кафтанъ перешиваетъ разовъ пять и увѣряетъ всѣхъ, что золотомъ обложенные кафтаны носить тяжело, и за границею-де они не въ модѣ ⁵⁾. Вотъ еще любопытная черта

¹⁾ Модныя названія двѣхъ недѣль.

²⁾ «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 26—29.

³⁾ «Вечера», ч. I, стр. 186.

⁴⁾ «Всячина», стр. 252. «Смѣсь», стр. 14, 253, 318.

⁵⁾ «И то и сѣ», недѣля 23-я.

истиннаго петиметра: онъ раскланивается учтиво изъ своихъ знакомыхъ только съ тѣми, которые одѣты по модѣ; прочимъ кланяется съ гордостью и съ нѣкоторымъ видомъ покровительства или и вовсе ихъ не узнаетъ¹⁾. Модные старички не отставали отъ молодежи, также волочились, нашепывали любезности, рыскали по баламъ, комедіямъ и гульбищамъ, и дѣлали шалости²⁾. «Мы прежде, говорить «Смѣсь», походили на статуи, а теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головой и махаютъ руками»³⁾.

Таковы петиметры прошлаго столѣтія. Въ ихъ характерѣ много общихъ сторонъ съ характеромъ львицъ того же времени, которыя въ сатирическихъ изданіяхъ называются «кокетками». Вліяніе этихъ послѣднихъ въ общественной жизни было весьма значительно. Черезъ нихъ выходили въ люди; онѣ внушали молодымъ людямъ понятія о модахъ и свѣтскомъ обращеніи и заправляли общимъ вкусомъ⁴⁾. Свѣтская женщина высшею цѣлью поставляла нравиться мужчинамъ; она одѣвалась щегольски, старалась умножить свою природную красоту искусствомъ и заслужить отзывъ: «ужестъ какъ мила», постоянно посѣщала собранія, театральныя зрѣлища и маскарады⁵⁾. День свой она проводила такъ:

Утро посвящалось туалету, при чемъ на долю служанокъ выпадала самая жалкая роль. Если тѣни на лицѣ свѣтской дамы были не такъ привлекательны, какъ наканунѣ, за это отвѣчали служанки; если ленточка, которую сама же она приколетъ,

¹⁾ «Адская Почта», стр. 125—6.

²⁾ «Вечера», ч. I, стр. 39; ч. II, стр. 194—5.

³⁾ Стр. 150—2.

⁴⁾ «Живописецъ», ч. II (изд. 3), стр. 42—43. «Адская Почта», стр. 290.

⁵⁾ «Смѣсь», стр. 101, 201. «Трутенъ» 1770 г., стр. 20, 41—42; 1769 г., стр. 129.

нейдетъ ей къ лицу — опять виноваты бѣдныя дѣвки и должны понлатиться за такую вину терпѣніемъ, а иногда и щеками. Однимъ словомъ, говоритъ сатирикъ, все время, посвящаемое щеголихою уборамъ, что продолжается часовъ пять, кажется имъ ужасомъ; «да ежели и мужъ попадетса въ это время, то и ему эти часы раемъ не покажутся»; но, Боже сохрани! если осмѣлится онъ упомянуть о домашней экономіи, о которой модная женщина считаетъ за подлость имѣть понятие, — тутъ онъ пропасть! Жена, вскрикнувъ: *ахъ!* упадаетъ въ обморокъ, потомъ, прійдя въ память, прольетъ изъ своихъ прекрасныхъ глазъ токи слезъ, начнетъ умирать, и бѣдный мужъ волей-неволей принужденъ будетъ просить прощенья. А жена и послѣ того продолжаетъ свою прежнюю жизнь съ тою прибавкой, что жалуется всѣмъ на нестерпимый нравъ своего мужа. Когда она одѣнется, тотчасъ же ѣдетъ въ гости, гдѣ злословитъ всѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ несчастіе быть красивыми или живуть не такъ, какъ предписываютъ уставы моднаго свѣта. Тамъ дожидается ея толпа молодыхъ людей, прельщенныхъ ея нарядами, и забавляетъ ее пріятною болтовней на языкѣ, вполонину русскомъ, вполонину французскомъ. Послѣ обѣда она отправляется на какое-нибудь публичное увеселеніе, ведетъ за собою цѣлую толпу обожателей, и «ни одного изъ нихъ не любя, ни у одного не отнимаетъ надежды»; того даритъ нѣжною улыбкой, другому скажетъ пріятное слово, и всякого старается привязать къ себѣ, ни къ кому сама не привязываясь. Въ обществѣ свѣтская женщина всѣми силами старается обратить вниманіе мужчинъ на свою красоту; ни одного движенія не сдѣлаетъ даромъ: она поднимаетъ глаза свои вверхъ, чтобы примѣтили, какъ прекрасны они въ этомъ положеніи; протягиваетъ руку, чтобы дивились ея бѣлизнѣ; вотъ она какъ бы нечаянно уронила опахало и, наклонясь за

нимъ, открыла свою грудь болѣе чѣмъ принято; а подымая опахало, какъ будто не нарочно приподняла свою юпку, чтобы показать маленькую ножку. Нѣкоторыя дамы думаютъ даже притворными ужимками возвысить свои прелести; онѣ жеманятся, громко хохочутъ, бросаютъ на щеголей страстные взгляды и часто повторяютъ нескромный вопросъ: *хороша ли я?* — Далеко за полночь возвращается домой модная дама, и долго еще думаетъ о тѣхъ уборахъ, какіе видѣла у знакомыхъ львицъ, а кстати и о средствахъ, какъ бы выпросить у мужа денегъ на подобные же наряды¹⁾.

Свѣтское обращеніе прошлаго столѣтія допускало много вольности. Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовныхъ похощеній, страстныхъ признаній и сплетень двусмысленнаго содержанія о разныхъ знакомыхъ лицахъ; волокитство было и общимъ развлеченіемъ и цѣлью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нѣжная, предупредительная любовь между мужемъ и женою на языкѣ моднаго свѣта называлась смѣшнымъ старовѣрствомъ. Сатирическія изданія жалуются на свѣтскихъ дамъ, которыя нарядами занимались болѣе, нежели хозяйствомъ, и чужіе дома любили больше своего²⁾. Но торжество моды было, если мужъ и жена жили на двѣ раздѣльныя половины, и имѣли свой особенный кругъ знакомства, если жена была окружена роемъ обожателей, а мужъ содержалъ «метрессу», что конечно стоило большихъ суммъ³⁾.

¹⁾ «Вечера», ч. I, стр. 187—9; ч. II, стр. 106—9. «Всячина», стр. 374. «Трутень» 1769 г., стр. 244. «Смѣсь», стр. 191, 242.

²⁾ «Всячина», стр. 149, 158. «Трутень» 1769 г., стр. 47; 1770 г., стр. 106. «Смѣсь», стр. 191. «Адская Почта», стр. 238.

³⁾ «Смѣсь», стр. 43. «Трутень» 1769, стр. 67. «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 123—4, 133; ч. II (изд. 3), стр. 62. «Адск. Почта», стр. 60, 140.

Эти характеристическія черты нравовъ и образа жизни моднаго свѣта уже достаточно поясняютъ источникъ общаго стремленія къ роскоши и великолѣпію, блеску которыхъ не можемъ не удивляться, читая дошедшія до насъ достовѣрныя описанія. И въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, въ половинѣ XVIII столѣтія, роскошь являлась въ небывалыхъ размѣрахъ. Знать проживала огромныя богатства. Чего стоили одни торжественныя обѣды? Вспомнимъ пиръ Потемкина, прославленный стихами Державина. Столъ П. А. Зубова, графини Бронницкой и графа Н. И. Панина стоилъ по 400 рублей въ день каждому, кромѣ напитковъ, которые вмѣстѣ съ чаемъ, кофе, шоколадомъ стоили не менѣе 200 рублей. Безбородко издерживалъ громадныя суммы: въ квартирѣ своей онъ собралъ горы серебра и золота и осыпалъ себя брилліантами. Много надѣлали шуму праздники, данныя имъ въ 1793 году по случаю заключенія мира съ Портою и въ 1796 году, во время пріѣзда шведскаго короля въ С.-Петербургъ. Въ торжественныя праздники пріѣзжалъ онъ ко двору въ раззолоченной восьмистекольной каретѣ; андреевская звѣзда на немъ, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ, эфесъ на шпагѣ и пряжки на башмакахъ — были всѣ изъ брилліантовъ. Одной италіанской пѣвицѣ давалъ онъ въ мѣсяць по 2,000 рублей золотомъ, а при отпускѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и брилліантами на 500,000 рублей. Когда извѣстная Сандунова отъ него отстала и вышла замужъ, онъ взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку, имѣлъ отъ нея дочь, которую выдалъ потомъ замужъ и далъ за нею въ приданое домъ въ 300,000 рублей да имѣніе, приносящее 80,000 руб. доходу. Графъ Остерманъ въ торжественныя дни ко двору и на святой недѣлѣ подъ качели выѣзжалъ въ богато-вызолоченной каретѣ, съ большими по сторонамъ и спереди стеклами, на шести бѣлыхъ лошадяхъ; сзади стояли два гайдука въ казакиныхъ съ серебряными шну-

рами, голубыхъ епанчахъ, высокихъ картузахъ съ перьями и серебряными бляхами. Передъ каретою шли два скорохода съ булавами и въ башмакахъ, не смотря ни на какую грязь¹⁾. А. А. Нарышкинъ славился роскошнымъ гостеприимствомъ; современные вѣдомости сохранили для насъ интересное описаніе великолѣпнаго бала и маскарада, данныхъ имъ на собственной дачѣ, съ различными аллегорическими представленіями и чудесными фейерверками²⁾.

Знати старалось подражать и все высшее, сколько-нибудь знакомое съ европейскими обычаями, общество. Журналы упоминаютъ, въ своихъ сатирическихъ нападкахъ, о золоченыхъ каретахъ, запряженныхъ шестерней дорогихъ коней молочнаго цвѣта. По словамъ «Трутня», были такіе щеголи, которые держали по шести каретъ и по шести цуговъ лошадей, кромѣ верховыхъ и санныхъ³⁾; а «Смѣсь» рассказываетъ о такихъ, которые на одинъ столъ издерживали въ годъ по 14,000 рублей⁴⁾. Красный кабачокъ, билліардные и игорные дома и клубы много отнимали времени и денегъ. Въ отвѣтахъ своихъ фонъ-Визину императрица замѣтила, что общества въ столицахъ перевелись между благородными «отъ размножившихся клубовъ». Впрочемъ журналы часто упоминаютъ о балахъ, маскарадахъ и визитахъ. Сверхъ того большой свѣтъ любилъ прогулки по петербургской набережной, по моднымъ лавкамъ и гостиному двору, гдѣ, разбирая новопривезенные товары и разные уборы, петиметры и щеголихи не забывали болтать, сплетничать и волочиться. Отъ такихъ прогулокъ по гостиному двору купцы, по свидѣтельству «Жи-

¹⁾ Записки о Екатеринѣ Великой, статья-секретаря Грибовскаго, стр. 60, 65, 72.

²⁾ «Сѣверный Архивъ» 1827 г., ч. 27, № 11, стр. 261.

³⁾ Стр. 219 (1769). «Смѣсь», стр. 77.

⁴⁾ Стр. 185, 210.

вописца», получали большія прибыли, ибо у модныхъ дамъ въ такое время рождалось «превеликое желаніе покупать, или лучше сказать — брать всякіе нужные и ненужные товары»¹⁾. Всѣ эти чрезвычайные расходы должны были вести къ разстройству состояній и долгамъ. «Отчего всѣ въ долгахъ?» спрашивалъ фонтъ-Визинъ императрицу. — Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ, отвѣчала она. За богачами тянулись и люди съ посредственными состояніями; за столицами — провинціи. По отзыву «Полезнаго съ Пріятнымъ», и простые люди при деньгахъ старались изъ тщеславія устраивать свои дома, экипажъ, столъ и гардеробъ также великолѣпно, какъ дѣлалось то у знатныхъ, и такимъ образомъ весь достатокъ, накопленный трудами ихъ отцовъ, безразсудно расточали неумѣренными расходами²⁾. Въ «Смѣси» было напечатано такое письмо: «Хотя я живу не въ столич-

¹⁾ «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 37, 144—6. «Всячина», стр. 173. «Вечера», ч. II, стр. 109—110. Въ «Живописцѣ» отъ имени купцовъ напечатано: «Когда привѣжаютъ къ намъ любовники и любовница, мы напорехватъ стараемся звать ихъ къ себѣ въ лавки; не щадя трудовъ своихъ, стараемся показывать всякіе товары и перебиваемъ всѣ куски. Въ такомъ случаѣ господа любовники весьма мало съ нами торгуются, а госпожи любовницы хотя и говорятъ почасту: «ахъ, какъ это дорого! ужасно! нѣтъ, я этого не возьму; я бы хотѣла это купить, но это черезчуръ дорого», но мы не пугаемся такихъ отговорокъ. На любовномъ языкѣ это значитъ: ежели ты не купишь, такъ заплати деньги. И мы такъ примѣнились къ такимъ двусмысленнымъ словамъ, что изъ требуемой цѣны ни копейки никогда не уступаемъ, говоря при томъ: это, сударыня, очень дешево; другому бы я за такую цѣну не уступилъ, а его чести уступаю для того, что онъ всегда соизволитъ покупать товары на готовыхъ деньгахъ... повѣрьте, его милость копейки даромъ не броситъ! Тутъ мы всѣ трое усмѣхнемся, а господинъ тотчасъ станетъ увѣрять госпожу, что это не дорого и, заплатя деньги, скажетъ: онъ дѣтина совѣстный, обманывать не станетъ».

²⁾ Полумѣсяцъ V, стр. 3—7.

номъ городѣ, но въ отдаленной отъ васъ губерніи; однако не думайте, чтобы здѣсь не имѣли понятія о пышныхъ вашихъ веселостяхъ . . . Наши балы и собранія подобны малымъ картинамъ, изображающимъ ваши маскарады и прочія веселости. Разстояніе тысячи верстъ не препятствуетъ новымъ модамъ доходить къ намъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Знаете ли, что петербургскій или московскій чепчикъ столько же здѣсь примѣчается, какъ Венерино прохожденіе мимо солнца наблюдается астрономами? Онъ долгое время составляетъ матерію всѣхъ женскихъ разговоровъ, переходитъ изъ рукъ въ руки, привлекаетъ общее вниманіе, производитъ удивленіе и стараніе сдѣлать ему подобный. Конечно, вамъ надлежитъ думать, что и здѣсь по модѣ одѣваются, когда высота нарядовъ на головѣ больше, нежели долгота лица»¹⁾).

Проживать доходы и проматывать имѣнія много помогала усиленная картежная игра. Въ 1763 году императрица писала къ московскому главнокомандующему графу Салтыкову: «До меня доходятъ непріятные изъ Москвы слухи о начавшейся по отъѣздѣ моемъ разорительной карточной игрѣ. Вы сами знаете, что такія неумѣренныя игры ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ дѣйствительному разоренію старыхъ дворянскихъ фамилій и къ обогащенію деревнями фабрикантовъ». Сатирическіе журналы рассказываютъ о такихъ страстныхъ игрокахъ, которые дни и ночи просиживали за картами и спускали всѣ деньги вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми, на которыхъ пріѣхали²⁾. Грибовскій въ своихъ интересныхъ запискахъ упоминаетъ о статсъ-секретарѣ В. С. Поповѣ, что онъ много проживался на игру: часто выносилъ онъ изъ своего кабинета полную шляпу червонцевъ, которые

¹⁾ Стр. 305—6. «Живописецъ», ч. II (изд. 1-го), стр. 298—9.

²⁾ «Смѣсь», стр. 77. «Адская Почта», стр. 32.

однакожь никогда назадъ не возвращались*). Лукинъ въ предисловіи къ своей комедіи: «Мотъ, любовью исправленный» высказалъ откровенное признаніе, которое любопытно какъ характеристическая черта своего времени. «Мнѣ опытами извѣстно, говоритъ онъ, сколь много молодыхъ людей, завидными дарованіями отъ природы надѣленныхъ, губятъ время въ позорномъ мотовствѣ, и сколь многіе отъ того приходятъ въ бѣдность, отъ бѣдности въ крайность, отъ крайности въ дѣла предосудительныя. Многіе, коротко меня знающіе, свѣдомы, почему я толь подробно сужу о слѣдствіяхъ, могущихъ отъ мотовства случиться; а тѣмъ, кто меня не знаетъ, скажу не стыдясь, что я самъ въ ономъ ремеслѣ долго упражнялся: я игралъ. . . Игравши, видѣлъ я болѣе ста человѣкъ, не только совершенно промотавшихся, но и въ самую погибель пришедшихъ. Большею частію случалось сіе съ молодыми дворянами, присылаемыми отъ отцовъ своихъ съ глупыми дядьками или къ несмысленнымъ и безпечнымъ родственникамъ. Разорялися они обыкновенно ремесленными картежными игроками. . . Тогда было такое время и обычай, чтобы всѣмъ, то есть богатымъ и убогимъ, въ золото и щегольскія одежды наряжаться, но какъ не всѣ имѣли къ тому способы, то и старалися избирать къ обогащенію своему различныя дороги. Тѣ, кои ко взяткамъ не имѣли способности, а къ трудамъ и дѣламъ полезнымъ разума и знанія, пускалися въ игру и оною обогащалися. Вообрази, читатель, толпу людей, нерѣдко больше ста человѣкъ составляющую; обыкновенно собираются оныя *художники* въ большую палату. . . хитрѣйшіе изъ нихъ скопомъ условливаются ограбить простачковъ, вновь появившихся. . . Всѣ они съ одними приходятъ мыслями, дабы каждому у прочихъ отнять все до послѣдней полушки и лишить не только пропитанія, но и

*) Стр. 82.

самыя чести... Изъ сотни обыкновенно одинъ или двое, подобно Крезу и Мидасу, ищѣютъ передъ собою золотыя горы, возвышенныя отъ иждивенія несчастныхъ противоборниковъ. Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столъ облокотяся, и, имѣя видъ веселый, изъявляютъ неописанное удовольствіе, грабя звѣрски свою братію. А злосчастные игроки, истощающіе послѣднія силы, разные имѣютъ виды. Иные подобны блѣдностію лицъ мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ; иные кровавыми очами ужаснымъ фуріямъ; иные уныlostію духа преступникамъ, на казнь вѣдущимся... Бóльшая часть оныхъ мотовъ, пришедъ въ изступленіе, клянутъ день своего рожденія и родителей, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты!»¹⁾ На подобныя сцены намекаетъ и еженедѣльникъ «И то и сѣ»²⁾. Роскошь, мотовство и высокая игра заставляли щоголей прибѣгать къ частымъ займамъ. Появились ростовщики, которые за свои услуги брали слишкомъ огромные проценты и втайнѣ скопляли большія богатства. Журналы не оставили безъ обличительной сатиры ни ростовщиковъ, ни тѣхъ господъ, которые, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, не платили долговъ и при всякой просьбѣ объ уплатѣ отвѣчали своимъ кредиторамъ вѣчное *завтра*³⁾.

¹⁾ Сочиненія и переводы В. Лукина (С.-Петербургъ, 1765), ч. I, стр. V—XI.

²⁾ Недѣля 29 и 50.

³⁾ «Тругень» 1769 г., стр. 48, 72; 1770 г., стр. 5. «И то и сѣ», недѣля 34-я. «Парнаск. Щепетильникъ», стр. 8—9. «Вечера», ч. II, стр. 93—97. «Живописецъ», ч. II (изд. 3), стр. 49—50.

IV.

Начиная съ Петра Великаго, въ литературѣ нашей не переставало слышаться обличительное слово, направленное противъ лихоимства, ябеды, незаконныхъ судей и приказныхъ. Противъ «застарѣлой неправды» рѣзко говорилъ Посошковъ въ своихъ проектахъ, гремѣла проповѣдь Теофана Прокоповича, писалъ сатиры Кантемиръ, колко и откровенно выражались сатирическіе памфлеты Сумарокова и Нахимова, явился цѣлый рядъ комедій, между которыми встрѣчаемъ «Ябеду» Каписта и «Неслыханное диво или честный секретарь» Судовщикова. Ни императрица Екатерина II, ни фонъ-Визингъ не обошли этого общественнаго вопроса, и перо послѣдняго завѣщало намъ превосходныя «письма, найденныя по блаженной кончицѣ надворнаго совѣтника *Взяткина*»; сатирическія изданія прошлаго столѣтія съ самымъ живымъ, энергическимъ участіемъ возвышали свой голосъ противъ неправосудія и взятокъ, и это одна изъ самыхъ характеристическихъ сторонъ этихъ изданій. Невольно рождается вопросъ: почему же, не смотря на такое дружное литературное противодѣйствіе, «застарѣлая неправда» долго оставалась и — нечего таить — до сихъ поръ остается въ нашихъ нравахъ?

Справедливы ли жалобы на недостатокъ правосудія? спрашиваетъ «*Всякая Всячина*», журналъ, издававшійся статсъ-секретаремъ Екатерины II, Козицкимъ; справедливы ли эти жалобы теперь, когда честный гражданинъ долженъ признать, что можетъ быть никогда правительство не имѣло болѣе заботы о своихъ подданныхъ, какъ въ настоящее время? Мы не можемъ сомнѣваться, что «великой государынѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива и что желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣть справедливость и правосудіе въ дѣйствіи

во всей ея обширной области. О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ комиссіи уложенія, гдѣ упомянуто, что никакой народъ не можетъ процвѣтать, если не есть справедливъ. Гдѣ же теперь болячка, на которую жалуются, то есть что правосудія нѣтъ? Источникъ этого зла кроется въ законахъ, судьяхъ и въ насъ самихъ. Законы представляютъ много запутанности; но можно надѣяться, что такая невыгода скоро будетъ устранена, ибо императрицу созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній. Судьи, опредѣляемые обыкновенно изъ военныхъ или приказныхъ, не отличаются познаніями; но врождено ли въ нихъ чувство правды на столько, чтобы оно могло вознаграждать недостатокъ свѣдѣній? того никакъ утверждать нельзя. Наконецъ въ самомъ обществѣ замѣчается постоянная склонность къ тяжбамъ и ябедѣ» *).

Дѣйствительно, судьи прошлаго столѣтія не могли похвастаться образованіемъ ни умственнымъ ни нравственнымъ. Рѣдко даже знали они основательно тѣ указы, которыми должны были руководствоваться при разборѣ и рѣшеніи дѣлъ, что впрочемъ при отсутствіи стройнаго, систематическаго свода законопостановленій и при накопленіи разнообразныхъ указовъ, не чуждыхъ сбивчивости и противорѣчій, было нисколько не удивительно. Нужна была долгая опытность, постоянное обращеніе съ дѣлами, чтобы помнить узаконенія и умѣть пріискать необходимыя въ данномъ случаѣ. Такими дѣльцами скорѣе другихъ могли сдѣлаться секретари, долго продержавшіеся на службѣ, — и какъ много было судей, которые, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, прямо подписывали всѣ опредѣленія, подготовленные секретаремъ! Рѣшеніе дѣла главнымъ образомъ зависѣло отъ такого

*) Стр. 276—8.

секретаря, и челобитчики уже напередъ старались задобрить его и склонить на свою сторону¹⁾. Еще ниже стояли приказные и подьячіе; сатирическая литература изображаетъ ихъ съ рѣзкою и колкою насмѣшливостію. Повнадобилось мнѣ, рассказываетъ одинъ изъ корреспондентовъ «Трутная», чтобъ подписали въ Москвѣ мою подорожную; я пошелъ въ коллегію. «Сторожъ, отставной солдатъ, бывшій въ походахъ при первомъ императорѣ, ввелъ меня въ большую комнату, гдѣ всѣ стѣны замазаны чернилами и въ которой навалено великое множество бумагъ, столовъ и сундуковъ. Человѣкъ восемьдесятъ подьячихъ разнаго рода, и оборванныхъ, и напудренныхъ, наполняли комнату. Многіе изъ нихъ драли другъ друга за волосы, а прочіе кричали и смѣялись. Столъ странное зрѣлище привело меня въ удивленіе; я спрашивалъ: зачѣмъ тутъ такая драка? и насилу могъ довѣдаться, что такъ наказывали приказныхъ служителей за разныя неисправности»²⁾. «Всячина» напечатала на своихъ листкахъ весьма характеристичныя «правоучительныя заповѣди подьячимъ»:

- 1) Не бери взяткоѣ.
- 2) Не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго.
- 3) Не сотвори крючковъ.
- 4) Не обходися грубо съ людьми.
- 5) Не говори челобитчикамъ: *завтра*.
- 6) Не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей.
- 7) Не давай наставленій въ ябедѣ.
- 8) *Не напивайся пьянъ.*
- 9) *Чеши всякой день голову, ходи чисто.*

¹⁾ «Трутень» 1769 г., стр. 260—1. «И то и сѣ», недѣля 48.

²⁾ 1770, стр. 85. «И то и сѣ», недѣля 34.

10) Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ и дерзость въ разсужденіи другихъ¹⁾.

Отъ такихъ судей и подьячихъ, конечно, не легко было добиться правды. Съ другой стороны, вредная страсть къ ябедѣ и тяжбамъ, крившаяся въ разныхъ классахъ общества, много помогала судейскому произволу, и по справедливости заслужила то строгое обличеніе, съ какимъ выступили противъ нея передовые люди своего времени. «Все поглощаетъ ненасытное время! сказано въ «Вечерахъ», не исчезаютъ одні ябеды и крючкотворства; онѣ отъ потомства въ потомство переходятъ, ябеды узловатѣ становятся, крючки больше растутъ, подьячіе богатѣютъ!»²⁾ Въ крестьянской отпискѣ къ помѣщику, напечатанной Новиковымъ, читаемъ: «Прикажи, государь, добиваться по дѣлу. *Нахранцовъ* на насъ въ городѣ подалъ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и потому его челобитью была за мною (старостою) изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было; посыльные забрали въ городъ шесть человекъ крестьянъ въ самую работную пору, и я, государь, въ городъ ѣздилъ, просилъ секретаря и воеводу, и крестьянъ нашихъ выпустили; только по тому дѣлу стало міру денегъ шесть рублей, возъ хлѣба да пять возовъ сѣна. *Нахранцовъ* попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять въ тюрьму засадить; секретарь ему родня... а воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла все знаетъ секретарь. Вступись, государь, за насъ своихъ сиротъ!»³⁾ Другой случай: въ томъ же уѣздѣ, гдѣ мои деревни (жалуется одинъ помѣщикъ), живутъ въ отставкѣ два родные брата *Вертлевы*, извѣстные ябедники и

¹⁾ Стр. 376.

²⁾ Ч. I, стр. 5. «Трудолюб. Муравей», стр. 172.

³⁾ «Трутень» 1769, стр. 206.

грабители. Послѣ покойной родственницы моей досталась мнѣ деревнишка. Одинъ изъ этихъ господъ, провѣдавъ, что я чело-вѣкъ нехлопотливый, приказныхъ дѣлъ не люблю, вздумалъ присвоить эту деревеньку себѣ. Чтобы имѣть какую-нибудь привязку, выискалъ онъ одну дуру, которая доводилась покойницѣ сродни, хотя и не имѣла никакого права на наслѣдство; привезъ ее въ городъ и взялъ съ нея купчую, по которой и сталъ отыскивать принадлежащей мнѣ деревни. Долго бы не избавился я отъ безпокойныхъ судебныхъ хлопотъ, еслибъ не защитилъ меня графъ Р*, мой благодѣтель, который писалъ по этому поводу къ губернатору. Спрашивалъ я одного сосѣда: какъ они могутъ жить съ такими ябедниками и душевредниками, каковы господа *Вертлевы*? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «ваше приключеніе есть еще малый опытъ ихъ бездѣльничества! За нѣсколько лѣтъ передъ симъ одному небогатому старику-дворянину досталось по наслѣдству сорокъ душъ. Младшій *Вертлевъ* призвалъ этого дворянина къ себѣ и говорить: ты приказныхъ порядковъ не знаешь, и врядъ ли получишь свою деревеньку! Хочешь, для твоей бѣдности я на себя возьму хождение по дѣлу? только мнѣ стыдно быть за тебя повѣреннымъ, ты лучше дай мнѣ закладную; а я какъ выхлопочу деревню, закладную тебѣ назадъ отдамъ. Тотъ по простотѣ своей не разсудилъ дѣла, выдалъ ему закладную, по которой *Вертлевъ* и записалъ деревню за собою. А бѣдный старикъ съ печали переселился въ то жилище, въ которомъ чужихъ душъ никто не желаетъ... Подобные-то люди пріятную деревенскую жизнь напояютъ ядомъ!»*) «Вечера» публиковали для извѣстiя: «Одинъ знающій всѣ законы наизусть стряпчій, котораго ни къ какому суду за ябедничество допускать не велѣно, желаетъ вступить въ службу къ какому-нибудь

*) «Трутенъ» 1769, стр. 51—53. «Адская Почта», стр. 58.

«доброму помѣщику, съ тѣмъ обязательствомъ, что онъ помѣщиковымъ именемъ у всѣхъ его сосѣдей оттягаетъ луга, лѣса и земли, и клянется совѣстію вскорѣ его обогатить, ежели кто изъ сосѣдей не дастъ ему больше денегъ, нежели сколько онъ отъ своего помѣщика получить. Въ противномъ случаѣ онъ не отвѣчаетъ за то, останется ли его хозяинъ при своей деревнѣ, и не продастъ ли онъ его самого»¹⁾).

Проволочка дѣлъ, чрезвычайная медленность въ ихъ рѣшеніи и взятки, по единогласному свидѣтельству литературныхъ памятниковъ, были обычными недугами XVIII вѣка у насъ. Тяжбы длились десятки лѣтъ; судьи и приказные подчивали докучливыхъ челобитчиковъ безконечнымъ *завтра*²⁾). «Всячина» жаловалась, что трудно привести къ концу правдивое и ни мало незапутанное дѣло, хотя бы о ничтожной ссорѣ и личномъ оскорбленіи: «надобно тутъ много и крючковато писать, довольно бумаги и денегъ тратить, страпчаго нанять и взять терпѣніе на годъ, на другой, *буде не станетъ это дѣло перевозиться съ мѣста на мѣсто*». У какого-то бѣдняка была пустошь съ семьєю людей; ею насильно завладѣлъ нахальный сосѣдъ, и вотъ уже десять лѣтъ, какъ онъ судится, а толку нѣту: дѣло къ концу не подвигается за ябедами и пересылками изъ одного мѣста въ другое. Истецъ, по словамъ «Всячины», уже думаетъ самъ отстать отъ процесса, пока совѣзмъ не разорился³⁾). У одного мясника увели быка. Какъ скоро узналъ мясникъ вора, онъ сейчасъ же отправился въ канцелярію, билъ челомъ секретарю и, вѣдая канцелярскіе обычаи, впустилъ ему въ руку два крестовика. Секретарь сдѣлалъ истцу приличный выговоръ: «я, другъ мой, не такой человекъ, чтобы взятки брать!» и опустилъ деньги въ карманъ.

¹⁾ Ч. I, стр. 173—4.

²⁾ «Трутень», ч. II, стр. 86.

³⁾ Стр. 274, 396—7.

Воръ былъ отысканъ и представленъ, но отдѣлался имперіаломъ, а мясника началъ секретарь допрашивать *по формѣ*, то-есть о чемъ не надобно, и «завелъ съ нимъ такую матерію, которой мужикъ не разумѣлъ. Онъ началъ дѣло почти отъ потопа. Мужикъ все отвѣчалъ не кстати, потому что не кстати его допрашивали. Наконецъ написано опредѣленіе, что мясникъ *въ рѣчахъ своихъ замѣшался*, и рѣшено его высѣчь за напрасное оклеветаніе своего ближняго». Мужикъ подалъ аппелляцію. Рассказывая этотъ случай, «Адская Почта» Эмина прибавляетъ: «Мало же добра будетъ мяснику, когда дѣло пошло на аппелляцію. Ежели онъ молодъ, лѣтъ двадцати — не больше, то можетъ статься, дождется конца своего дѣла»¹⁾. Чтобы дѣло *девилось*, нужно было подмазывать колеса судебно-административной машины. «Иной скажетъ, зачѣмъ лихоимцу давать? Отвѣчаю, безъ того дѣла продолжаютъ и пакостить, а чрезъ волокиту и неправое рѣшеніе челобитчики въ конецъ разоряются да не только спорными дѣлами, но и безспорными». Но и деньги надо было давать умѣючи. Нѣкоторые подьячіе хотъ и брали взятки, но дѣло волочили по прежнему; и только погрози пожаловаться на нихъ за проволочку дѣла, подьячій сейчасъ отвѣтитъ: «изволь просить, а я скажу, что ты мнѣ деньги давалъ; а за то де *наказаніе одно, что плуту-лихоимцу, что доброму челоуьку-просителю!*»²⁾.

Сатирическіе журналы упоминаютъ о разнообразныхъ способахъ брать взятки; многіе изъ этихъ способовъ любопытны по той благодности, какою старались прикрывать сущность дѣла. Въ одномъ кружкѣ рассказывалъ про свое горе выгнанный изъ службы воевода: «По отставкѣ изъ арміи опредѣлили меня на воеводство; я не поладилъ съ подьячими;

¹⁾ Стр. 48—50.

²⁾ «Всячина», стр. 52, 306—8.

они подослали ко мнѣ одного челобитчика съ подарками : съ табакомъ, французскою водкой и сахаромъ, а сами за тѣмъ подсматривали. Смотрю, на другой день уже одинъ подьячій подалъ на меня доносъ во взяткахъ, и вотъ я по слѣдствію отрѣшенъ отъ мѣста и другой годъ скитаюсь по дворамъ съ женою и ребятишками». Въ отвѣтъ на эту жалобу кто-то изъ слушателей сказалъ ему : «то-то, братъ ! говорится пословица : не учась въ попы не ставятся. Кабы ты бралъ съ умкомъ, такъ бы и по сю пору тамъ жилъ и дѣтямъ бы кой-что оставилъ!» — Какъ же братъ-то ? «А вотъ какъ : ты посадилъ бы просителя играть въ карты : онъ нарочно-бъ тебѣ проигралъ ; или продалъ ему свою дешевую вещь за дорогую цѣну, или далъ ему порученіе купить что-нибудь на твой счетъ : это-бъ дѣло было какъ будто заемное, а тебѣ бы даромъ пришло ; или промѣнялъ бы ему свою плохую вещь за его добрую, или наконецъ научилъ бы своего мальчика собирать съ просителей оброкъ, а еслибы началось дѣло — могъ бы его куда-нибудь сослать ; да полно, слугамъ и безъ того не повѣрять въ случай доноса на господъ ! Это тѣ-же взятки, да въ руки другимъ путемъ попадаютъ !»*) «Адская Почта» почти тоже засвидѣтельствовала. «Хотя многіе указы, говорить этотъ журналъ, гласятъ, чтобъ приказные не брали взятокъ ; но они увѣряютъ, что ничего не брать отъ просителей есть дѣло сверхъестественное . . . Теперь многіе изъ сихъ господъ выдумали средство воровать *политическимъ образомъ*, то есть сами взятокъ не берутъ, но надобно просителю сходить на поклонъ къ хозяйшкѣ, которая весьма ласково его приметъ. Прежде мужъ одинъ плутовалъ, а теперь съ женою. Есть и еще хитрѣе : нѣкоторые приказные грабятъ благороднымъ способомъ. Они того просителя, который въ нихъ имѣетъ нужду,

*) «Всячина», стр. 394—5.

попросить къ себѣ обѣдать, потомъ садутъ съ нимъ играть въ карты; проигрывая, показываютъ видъ весьма сердитый, а выигрывая, чрезвычайно ласковый, и этотъ языкъ скоро стался просителямъ вразумителенъ; они въ угожденіе хозяина въ ломберъ и три матедора сбрасываютъ и, проигравъ рублей съ 200 или сколько хозяину получить отъ нихъ прилично, на другой день получаютъ своему дѣлу рѣшеніе»¹⁾).

Взятка на подьяческомъ языкѣ называлась *акциденція* и *барашекъ въ бумажку*²⁾. Для объясненія этого послѣдняго термина «Барышокъ Всякой Всячины» предлагаетъ слѣдующій интересный разсказъ :

«Было у меня въ нѣкоторомъ приказѣ дѣло, по причинѣ котораго принужденъ я былъ почти ежедневно ходить и кланяться г. подьячему, у коего дѣло мое было. Онъ носилъ шпагу и парикъ, и для того былъ спѣсивъ... Всякое почти утро, нашедъ его въ приказѣ, подойду и низехонько поклоняюсь — милостивый государь! скажу ему, сдѣлайте милость, о чемъ я вчера съ ваше благородіе просилъ. Онъ, сидя на стулѣ, имѣя въ рукахъ перо и предъ собою лежащую на столѣ бумагу, взглянетъ на меня изъ подлобья и кивнетъ головою, давая тѣмъ знать, чтобы я ему не мѣшалъ, будто бы онъ что ни есть сочиняетъ важное и о томъ думаетъ; а я мню, что онъ думалъ о томъ, какъ-бы лучше съ кого что счистить. Погоя нѣсколько, опять къ нему подойду и еще того учтивѣе попрошу. Я хотѣлъ учтивостью моею его умилостивить; но послѣ узнавъ, что подьячіе ни учтивостей, ни просьбъ не разумѣютъ, а его хоть брани, хоть выскѣки, дай только деньги. Какъ раза три или четыре такимъ образомъ ему поклонюся, оборотясь съ сердцемъ скажетъ : ты думаешь, что твое дѣло

¹⁾ Стр. 218.

²⁾ «Трутенъ» 1769, стр. 71. «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 107.

у меня одно; скоро тебѣ захотѣлось, и *завтра* вить такой же будетъ день! — Или, когда понравится его благоутробію, даковническій отвѣтъ мнѣ дать, но обыкновенно съ грознымъ видомъ: *завтра!* Прошло нѣсколько недѣль, что онъ говорилъ мнѣ почти ежедневно: *завтра...* Узналъ я, что подьяческое *завтра* не похоже на то *завтра*, какое прочими употребляется. Пришелъ я еще его попросить, въ чадни — не назначить ли онъ дѣлу моему иного срока; но онъ съ предельнымъ сердцемъ закричалъ на меня: вить сказано тебѣ, что *завтра!* Оробѣвъ, я не смѣлъ его милости доложить, коликое число мѣсяцевъ состоитъ въ его *завтра*; но съ огорченіемъ отошелъ прочь, сѣлъ на стоящую въ томъ приказѣ порожнюю скамейку и повѣся голову размышлялъ, что это за *завтра*? Одинъ незнакомый мнѣ отставной офицеръ, коего я настоять видѣлъ, сжалась надо мною, спросилъ меня: о чемъ я такъ грустенъ? Я рассказалъ ему про все. Офицеръ сказалъ мнѣ, что подьячіе имѣютъ два *завтра*: одно — денежное, а другое — безденежное; денежное *завтра* содержитъ въ себѣ нѣсколько мѣсяцевъ, больше или меньше, смотря по обстоятельствамъ и по деньгамъ, а безденежное *завтра* не ограничено временемъ. — Какъ же мнѣ сдѣлать, спросилъ я, чтобъ подьячій по моему дѣлу употреблялъ денежное *завтра*? «Принеси ему *барашка въ бумажкѣ*.» — Что это такое за барашекъ, спросилъ я, и какъ обернуть его въ бумажку? — «Подьячіе, отвѣчалъ офицеръ, со всѣхъ берутъ деньги, и съ правыхъ и съ виноватыхъ; деньги эти челобитчики обвертываютъ бумагою *благодарности ради*... А чтобы выговоръ не столь тягостенъ показался ушамъ челобитчиковымъ, ежели подьячій потребуеть у него денегъ, то выдумали они сіе слово: принеси мнѣ *барашка въ бумажкѣ!* Это оставляютъ они на догадку челобитчика, вѣдая, что кому есть нужда, тотъ и поневолѣ догадаться будетъ долженъ. Коли

тебѣ хочется, продолжалъ онъ, чтобы твое дѣло шло по ограниченному *заетра*, то встань поранѣе и поди къ подьячему на дворъ, а не въ приказъ, и снеси ему такого *барашка*, а безъ того и дѣти твои конца дѣлу твоему не дождутся». По-благодаря офицера, пошелъ я домой. На другой день всталъ я въ такое время, въ какое добрые люди не встаютъ, не имѣя кровной нужды, и завернувъ двадцать рублей въ бумажку, поѣхалъ къ подьячему». Долго пришлось ожидать просителю, пока отперлась передъ нимъ калитка и достигъ онъ передней подьячаго. «Вышла баба въ сарафанѣ и босикомъ, и велѣла мнѣ войдти къ барину. Онъ сидѣлъ противъ топящейся печки и обуваясь охалъ; знать, что наканунѣ носъ у него былъ *понасандалень*. Я вошелъ и, не сказавъ ни слова, поднесъ ему деньги съ низкимъ поклономъ. Подьячій, увидя деньги, вскочилъ со стула и, подбѣжавъ ко мнѣ, принялъ ихъ отъ меня съ учтивостью. На чтѣ вы столько трудитесь? сказалъ онъ; право, это напрасно. . . Я началъ просить о моемъ дѣлѣ. — Знаю, знаю, говорилъ подьячій, оно по вѣсѣмъ законамъ право; я буду стараться, чтобъ оно кончилось въ вашу пользу. — Слова эти привели меня въ сомнѣніе: ежели дѣло мое, думалъ я, по вѣсѣмъ законамъ право, такъ о чемъ же ему стараться, чтобъ кончилось въ мою пользу? оно и безъ его старанія должно такъ рѣшиться; а стараться ему осталось только о томъ, чтобъ оно рѣшено было поскорѣе. Подьячій видно примѣтилъ, что я недогадливъ на ихъ подьяческіе обиняки, и для лучшей ясности спросилъ меня: были-ль вы у судьи? — Нѣтъ, не былъ. — Надобно и у него *также* побывать и его *также* попросить. Черезъ повторенное въ послѣдней рѣчи слово *также* далъ онъ разумѣть, чтобъ я у судьи побывалъ не съ голыми руками, а также съ *барашкомъ*. Посидя немного, откланялся я подьячему и пошелъ. Подьячій проводилъ меня до сѣней; изъ того я заклю-

чиль, что *барашек* мой ему понравился. Хотя онъ и не смотрѣлъ при мнѣ барашку въ зубы, но, видно, узналъ и по вѣсу, сколько ему отъ роду лѣтъ. Вотъ что дѣлаетъ прилежаніе и частое упражненіе во всякомъ дѣлѣ! думалъ я, ѣдучи отъ него; къ подъячему я свезъ барашка, такъ къ судѣ надобно свезти телушку. Исполнилъ совѣтъ подъяческой. Дѣло мое скоро рѣшено въ мою пользу»¹⁾).

Быль обычай, слѣдуя которому всѣ пужавшіеся въ подъячихъ ходили къ нимъ на поклонъ въ дни семейныхъ ихъ праздниковъ, такъ напримѣръ: на родины, именины и т. п., и приносили въ кулькахъ, бумагахъ, мѣшкахъ и мѣшечкахъ различные подарки²⁾).

Въ «Трутиѣ» находимъ сатирическое описаніе обѣда, которымъ одинъ купецъ угощалъ приказныхъ. Въ трактиръ вошли два человѣка; одинъ былъ одѣтъ, какъ обыкновенно одѣваются городскіе купцы, а другаго можно было по платью признать, что онъ изъ приказнаго племени. Купецъ подошелъ къ трактирщику и спросилъ: «Что возьмешь за обѣдъ, чтобы хорошенько накормить восемь человѣкъ?» — А кто будетъ обѣдать? «У его милости, отвѣчалъ приказный, завтра здѣсь обѣдать будетъ *правосудіе*; онъ вознамѣрился его потраковать, понеже дѣло его имѣетъ быть въ скорости предложено къ слушанію; того ради и надлежитъ помянутое *правосудіе* траковать весьма богато». Сторговались. На другой день купецъ цѣлые два часа стоялъ на крыльцѣ трактира, ожидая своихъ гостей. *Правосудіе* явилось въ образѣ нѣсколькихъ секретарей и приказныхъ служителей. Сѣли за столъ и началось угощеніе. Одинъ изъ подъячихъ налилъ себѣ рюмку вина, и только хотѣлъ выпить, какъ почувствовалъ, что *пра-*

¹⁾ Стр. 447—9.

²⁾ «И то и сѣ», недѣля 30-я.

восудіе оскорбляется, ибо вмѣсто бургонскаго вина оказалось ординарное. Купецъ долженъ былъ переимѣнить ординарное вино на бургонское, и тѣмъ удовлетворилъ *правосудіе*. Послѣ того начали пить здоровье всѣхъ гостей шампанскимъ, венгерскимъ и прочими дорогими винами. Купецъ, подавая каждую бутылку, выпускалъ вздохъ. По окончаніи стола, начали они играть на бильярдѣ алагеръ. «*Правосудіе* положило было съ каждой персоны по нѣскольку имперіаловъ своихъ денегъ; но случившійся тутъ приказный крючокъ тотчасъ сталъ тому противорѣчить, и сказалъ: понеже почтенный сей купецъ звалъ обѣдать на свой коштъ, того ради и сія игра должна по правосудію быть на его коштъ. Между тѣмъ купцу шепнуль на ухо, что это самое удобное время. Купецъ согласился; они начали играть, а межъ тѣмъ почасту пили... Было замѣтно, что *правосудіе* начинало уже шататься»¹⁾.

Есть нѣсколько столь же колкихъ замѣчаній, въ періодическихъ изданіяхъ семидесятыхъ годовъ, и противъ лицъ, посягавшихъ на казенные доходы²⁾: въ этомъ послѣднемъ отношеніи такъ называемыя *хлбныя* мѣста экономическихъ казначеевъ, управителей дворцовыхъ волостей, въ таможахъ, при подрядахъ и поставкахъ, обратили на себя особенное вниманіе журнальной сатиры. «Адская Почта» представила злую характеристику *таможенной крысы*³⁾; «Трутень» разсказалъ о *сумлѣ*, который непозволительными средствами нажилъ при откупахъ и подрядахъ большое состояніе⁴⁾. Въ письмѣ дяди къ Фалалею читаемъ такое рѣзкое замѣчаніе: «Прѣзжай, другъ мой Фалалеюшка! ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе петербургскаго. А буде не угодно,

¹⁾ 1769, стр. 268—272.

²⁾ «Адская Почта», стр. 252, 300. «Смѣль», стр. 117.

³⁾ Стр. 58.

⁴⁾ 1770, стр. 6—7.

то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, наприкладъ, въ экономическіе казначей, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда-нибудь къ подрядамъ, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удалось побыть, такъ всё — Богъ съ ними! — сытехоньки стали. Иной уже теперь и въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни по двѣ и по три. Не въ проносъ сказать о нашемъ Авдугѣ Еремѣвичѣ: хотя онъ недолго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ замужъ. За одной, я слышалъ, чистыми денежками десять тысячъ далъ, да деревню тысячъ въ пять. А не совѣтъ таки разорился, Богъ съ нимъ; про себя еще осталось! А кабы да его не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ эту пору опредѣлялись: не житье имъ, жасляница! Я бы-ста и самъ не побрезговалъ пойдти въ эдакіе управители. Перепало бы кое-что и мнѣ въ карманъ... Я и понынѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? кто передъ царемъ не виновать? Не нами свѣтъ начался, не нами и окончается. Чтò въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. Лишь только подѣлись, Фалалеюшка, такъ и концы въ воду. Неужто всѣхъ стануть вѣшать?»¹⁾

«Трутенъ» и «Адская Почта» записали любопытныя указанія на то, какими юридическими уловками старались въ то время обходить указъ, запрещавшій продажу крестьянъ въ рекруты²⁾. Оканчивая свой рассказъ, «Почта» замѣтила, что приказные въ этомъ и другихъ случаяхъ «умѣютъ подбирать

¹⁾ «Живописецъ», ч. I (изд. 2-е), стр. 173—4.

²⁾ «Трутенъ» 1769, стр. 199—200. «Адская Почта», стр. 10. См. эниграмму въ изданіи «И то и сѣ», недѣля 12-я.

указы, какъ игромъ карты» — выраженіе, прямо заимствованное изъ извѣстнаго указа Петра Великаго.

При такихъ условіяхъ, судейскій и приказный людъ могъ богатѣть очень скоро насчетъ просителей и подвѣдомственныхъ ему управленій. Нерѣдки бывали случаи, что дѣдъ топилъ въ приказѣ печи, а внукъ, сдѣлавшись секретаремъ, катался по городу на бѣзыхъ коняхъ въ позолоченной каретѣ, что отецъ таскался въ приказѣ въ китайчатомъ казанинѣ, а сынъ и дома надѣвалъ парчевой плаерокъ*).

Вотъ какъ одинъ опытный дядюшка поучалъ житейской мудрости своего племянника :

«Увѣдомился я, что ты и по сіе время ни въ какую еще не опредѣлился службу... скажи пожалуй, что ты съ собою задумалъ дѣлать? Я тебя не приневолюваю идти ни въ придворную, ни въ военную службу для сказанныхъ мнѣ тобою причинъ; пусть это будетъ по твоему, а притомъ и службы сѣи никакой не приносятъ прибыли, а только разоренье. Но скажи пожалуй, для чего ты не хочешь идти въ приказную? Ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ не наживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься. Правда, въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли; но со веѣмъ тѣмъ, годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку. Какого-жъ нажиточно бывало прежде, самъ разсуди; *нынѣшніе указы много у насъ отняли хлѣба!* Тебѣ извѣстно, что, по пріѣздѣ моемъ на воеводство, не имѣлъ я за собою больше шестидесяти душъ дворовыхъ людей и престѣлять; а нынѣ, благодаря Подателя намъ всякихъ благъ, трудами моими и неуслышимымъ попеченіемъ нажилъ около трехъ-сотъ душъ, не считая денегъ, серебра и прочей домашней рухляди... Пожалуй, Иванушка, послушайся меня, просися

*) «И то и сѣ», недѣли 33 и 48.

къ намъ въ городъ въ прокуроры. Во всѣхъ дѣлахъ положиши на меня, а ты — со стороны ни дай, ни вынеси — будешь брать жалованье; а коли будетъ умъ, такъ и еще жалованьевъ подь десяткокъ въ годъ получишь. Мы такъ искусно будемъ дѣлать, что на насъ и просить нельзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся, хотя и попросятъ, такъ бѣда будетъ невелика: отрѣзать отъ дѣлъ и велятъ жить въ своихъ деревняхъ. Вѣтъ-те на, казая бѣда! для чего не жить, коли нажито чѣмъ жить; то худо, какъ прожито чѣмъ жить; а какъ нажито? — этого никто не спроситъ. Пожалуста послушай меня, добивайся этого мѣста. Ты вѣдь уже не маленькій ребенокъ! можно о себѣ подумать, чѣмъ вѣкъ жить. Отцовское-то у тебя имѣніе стрень-брень съ горошкомъ, такъ надобно самому наживаться¹⁾.

Любопытно, къ какимъ діалектическимъ уловкамъ прибѣгали въ свою защиту любители скорыхъ благопріобрѣтеній. «Трутенъ», рассказывая объ одномъ правдивомъ судѣ, котораго нельзя было подкупить ни деньгами, ни подарками, продолжаетъ: «Всѣ удивлялись его ополченію противъ искушателей, и наконецъ другіе судьи его правосудіе почли *гордостію*. Гордость его наказали отрѣшеніемъ отъ службы, а на его мѣсто посадили другаго судью, въ которомъ ни малой нѣтъ гордости²⁾. Въ письмѣ практическаго дядюшки, съ которымъ мы сейчасъ познакомились, высказанъ тотъ-же взглядъ: «Развѣ ты думаешь, пишетъ онъ племяннику, что когда не вступишь въ приказную службу, то уже и согрѣшить не можешь? Обманываешься, дружокъ: и въ приказной, и въ военной, и въ придворной, и во всякой службѣ и должности слабому человѣку не можно пребыти безъ грѣха. Мы бренное

¹⁾ «Трутенъ» 1769, стр. 12—16.

²⁾ Ibidem, стр. 72.

сотвореніе, сосудъ скудельный, какъ возможемъ остеречься отъ искушенія? . . . Змій, искусившій праотца нашего, не въ единомъ живеть эдемскомъ садѣ; онъ пресмыкается по всѣмъ мѣстамъ. И не тяжкій ли это и смертный грѣхъ, что вы, молодые люди, дерзновеннымъ своимъ языкомъ говорите: за взятки надлежитъ наказывать, надлежитъ исправлять слабости . . . Вѣдаете ли вы, несмысленные, ибо сіе не припишу я злобѣ вашего сердца, но несмыслию — вѣдаете ли, что и Богъ не за всякое наказываетъ согрѣшеніе, но, вѣдая совершенно немощь нашу, требуетъ сокрушеннаго духа и покаянія? Вы твердите: я бы не бралъ взятокъ! Знаете ли вы, что такіа слова не что иное, какъ первородный грѣхъ *гордость*? Развѣ думаете, что вы сотворены не изъ земли, и что вы крѣпче Адама? Когда первый человѣкъ не могъ избавиться отъ искушенія, то какъ вы, будучи въ толико кратъ его слабѣе, гордитесь несвойственною сложенію вашему твердостью? Какъ вамъ не быть тѣмъ, что вы есть? Удивляюся, Господи, твоему долготерпѣнію! Какъ такихъ кичащихся тварей громъ не убереть, и земля, разверзшиися, не пожретъ въ свое нѣдро, стыдяся, что таковыхъ въ свѣтъ произвела тварей, которыя вещество ея забываютъ! Опомнись, племянничекъ! и посмотри, куда тебя стремительно влечетъ твоя молодость! Оставь сіи развращающія разумъ ваши науки, къ которымъ ты толико прилѣпляешься; оставь сіи пагубныя книги, которыя дѣлаютъ васъ толико гордыми, и вспомни, что гордымъ Господь противится, смиреннымъ же даетъ благодать»*)).

Не менѣе убѣдительныя доказательства приводитъ отецъ Ѳаалая въ письмѣ, адресованномъ къ издателю. «Живописца»: «Слушай-ка, братъ! пишетъ онъ. На шутку что-ли я тебѣ достался? Не на такого ты наскочилъ! Развѣ ты еще

*) Ibidem, стр. 117—8.

не знаешь приказныхъ, такъ отвѣдай, потягайся. Вѣдомо тебѣ, что я передъ Владимирскою поклонялся в сигналъ ее маушку со стѣны въ томъ, что какъ скоро приѣду въ Петербургъ, те пойдешь на тебя челобитье въ безчестьѣ. Знаешь ли ты, могь-босось, что я нѣвию патентъ, которыми повелѣвается признавать меня за добраго, вѣрнаго и честнаго титулярнаго советника? . . . А ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня якобы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожь не за воровство, а за взятки, а взятки не что иное, какъ *аккадемія*. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ; а я бралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себя добра не замочетъ? А къ тому же я никого до смерти не убилъ. Правда, согрѣшилъ передъ Богомъ и государемъ: многихъ пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить? У кого же украсть, какъ не у царя? благодаря Бога, домъ у него какъ полная чаша; то хотя и украдешь, такъ не убудетъ. Глупый человѣкъ! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое не что иное, какъ утайка; а другое — преступленіе противъ законовъ и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ. При блаженной памяти, при ***, это случилось; но нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ; да это и дѣльно: не заводи дѣла изъ бездѣлицы! Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жену моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ, и никого не кусаетъ; а это называется брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Такъ-то и ты пишешь все пустое:

кто тебя послушается, или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казни за преступленіе? . . . Послушай, хотя ты меня и обидѣлъ, однакожь я суда съ тобою заводитъ не хочу, ежели ты раздѣлаешься со мною добрымъ порядкомъ и такъ, какъ водится между честными людьми. Сдѣлаемъ мировую, заплати только мнѣ да женѣ моей безчестье, что надлежитъ по законамъ; а буде не такъ, то по суду взыщу съ тебя все до копѣйки. Мнѣ заплатишь безчестье по моему чину, женѣ моей вдвое, тремъ сыновьямъ недорослямъ вполы противъ моего жалованья, четыремъ дочерямъ моимъ, дѣвицамъ, вчетверо каждой; а къ тому времени авось-либо Богъ опростааетъ мою жену и родитъ дочь, такъ еще и пятой заплатишь. Къ эдакимъ тяжбамъ мнѣ уже не привыкать; я многихъ молодчиковъ отбрilъ такъ, что однимъ моимъ, жены моей и дочерей безчестьемъ накопилъ тремъ дочерямъ довольное приданое. Что-жь дѣлать, живучи въ деревнѣ, отставному человѣку? чѣмъ-нибудь надо промыслять. Многие изволятъ умничать, что, живучи въ деревнѣ, можно-де разбогатѣть однимъ домостроительствомъ и хорошимъ смотрѣніемъ за хлѣбопашествомъ, да я эдакимъ вракамъ не вѣрю: хлѣбъ таки хлѣбомъ, скотина скотиною, а безчестье въ головахъ. Которая десятина земли принесетъ мнѣ столько прибыли, какъ мое безчестье? . . . Итакъ, разсуда хорошенько, послушайся меня и не заводи тяжбы, такъ мы и останемся пріятелями; а это ничего, что ты меня выбранилъ: брань на вороту не виснетъ, лишь бы деньги у меня были въ карманѣ»^{*}).

Изъ послѣдняго письма видно, что приказный людъ готовъ былъ при всякомъ удобномъ случаѣ начать дѣло за безчестье. «Трутенъ» рассказываетъ объ одномъ чиновномъ господинѣ,

^{*}) «Живописецъ», ч. I (изд. 5), стр. 105—112.

который задолжалъ купцу по векселю и нашелъ средство раздѣлаться съ нимъ безъ платежа. Случилось имъ быть вмѣстѣ въ гостяхъ: купецъ подпилъ, а чиновный господинъ не упустилъ поразгорячить его, хвастаясь тѣмъ, что долгу ему не заплатитъ, да если онъ и просить станетъ, такъ ничего не същеть. Купецъ не вытерпѣлъ и отвѣчалъ бранью, а чиновный господинъ, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ: *милости прошу прислушать!* и на другой день подалъ челобитную. Дѣло кончилось тѣмъ, что вмѣсто безчестья получилъ онъ обратно свой вексель съ надписью, что долгъ полученъ, да сѣпругѣ своей къ зимѣ нехудой на шубу мѣхъ¹⁾.

Въ сатирическихъ журналахъ прошлаго столѣтія встречаемъ и статьи, направленные противъ пытокъ, какія самопроизвольно допускались тогда чиновниками при судебныхъ разбирательствахъ. И въ этомъ отношеніи журналы явились ревностными распространителями гуманныхъ идей, выраженныхъ самимъ правительствомъ²⁾. Приведемъ интересный рассказъ, помѣщенный въ «Трутнѣ». У одного судьи пропали золотые часы; легко догадаться, что они были не купленные. Въ комнату, гдѣ часы лежали, входили двое: подрядчикъ и приказный, судейскій племянникъ. Последний приходилъ поздравить дядю съ добрымъ утромъ и при этомъ укралъ часы. «Худой тотъ судья, который черезъ нобои правду изыскиваетъ, а еще хуже тотъ, который всякія преступленія только низкой породѣ по предубѣжденію приписываетъ». Судья, хва-тившись часовъ и не находя ихъ, такъ рассуждаетъ: «Племянникъ мой не украдетъ, онъ человѣкъ благороднаго происхожденія, а пуще всего мой родственникъ; конечно, часы укралъ подрядчикъ, онъ человѣкъ *подлый*, да къ тому-жъ я

¹⁾ 1769 г., стр. 198—9. «Смѣсь», стр. 156—9.

²⁾ «Адская Почта», стр. 347. «Живописецъ», ч. II (изд. 3), стр. 33

ему должеть по векселю и не плачу!» Заключивъ, утвердился и опредѣлилъ предать подрядчика истязаніямъ. «Видно онъ никогда не заглядывалъ въ тѣ указы, кои безпристрастнымъ быть повелѣвають. О провѣщенію, даръ небесный! распоргни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія не-
 ловѣчества! Уже страдаютъ подрядчикъ подъ побоями судейскими, и плети адское причиняють ему мученіе. Чѣмъ больше невинный старается оправдать себя клятвами и призываніемъ Бога во свидѣтели, чѣмъ больше просить, плачетъ и стонеть, тѣмъ безжалостнѣе судья усугубляетъ мученіе». Будучи не въ силахъ болѣе терпѣть, бѣдный подрядчикъ вынужденъ былъ взять на себя небывалое воровство, и судья тотчасъ же сдѣлалъ ему такое предложеніе: «Если ты не согласишься изорать моего векселя и не дашь мнѣ на себя другаго въ двухъ тысячахъ рублей, то попробуемъ за воровство твое въ трехъ застѣнкахъ и будешь сосланъ на вѣчную работу въ Балтійскій портъ. А коли сдѣлаешь то, что теперь я требую отъ тебя межъ четырехъ глазъ, то будешь свободенъ, и воровство твое не пойдетъ въ огласку; а для заплаты двухъ тысячъ рублей даю тебѣ сроку цѣлый годъ: видишь, какъ съ тобою человеколюбиво и по-христіански поступаю! иной бы заставилъ тебя заплатить пять тысячъ да и въ самое короткое время». Истерзанннй подрядчикъ, обливаясь слезами, снова клянется въ своей невинности, говоритъ, что признаніе въ кражѣ сдѣлалъ онъ ложно, не етерпя несноснаго мученія и увѣряетъ, что не въ силахъ заплатить двухъ тысячъ рублей. Судья, раздраженный этими словами, отсылаетъ подрядчика въ свой приказъ, яко пойманнаго и признаніе учинившаго вора. Весьма скоро рѣшаются дѣла въ тѣхъ приказахъ, въ которыхъ судьи сами истцами бывають: въ тотъ же день подписано всеми присутствующими опредѣленіе, чтобы вторично допрашивать подрядчика подъ плетями, и въ тотъ же самый день это

было бы исполнено, еслибъ, къ счастію подрядчика, не захотѣлось судьямъ обѣдать, и еслибъ на другой день не было вербнаго воскресенья, а потомъ страстной и святой недѣль, въ которыя присутствія не бываетъ. Подрядчика заклепали въ кандалы и бросили въ темный погребъ, виѣстѣ съ разныи злодѣями. Между тѣмъ судейскій племянникъ проигралъ украденные имъ часы въ карты; перехода изъ рукъ въ руки, часы эти достались наконецъ прокурору того приказа, въ которомъ было дѣло о подрядчикѣ. Праздники кончились; судьи съѣхались въ приказъ, и подрядчикъ былъ уже приведенъ, какъ прокуроръ, пріѣхавши послѣ судей и удивясь ихъ раннему съѣзду, вздумалъ посмотреть на свои часы. Судья-истецъ и другіе присутствующіе тутъ же признали украденные часы, «и безъ всякихъ справокъ положили, что подрядчикъ продалъ оныя той особѣ, отъ которой ихъ прокуроръ получилъ; а чтобъ подрядчика доказательнѣе въ воровствѣ обвинить, то отправили секретаря взять у той особы росписку въ покупкѣ часовъ у подрядчика, коего между тѣмъ начали подъ побоями допрашивать: не былъ ли кто изъ богатыхъ купцовъ съ нимъ въ умыслѣ? не крадывалъ ли онъ и прежде сего? кому продавалъ краденныя вещи? и проч.» Разспросы эти дѣлались для того, чтобъ изъ бездѣлицы создать великое дѣло и чтобы припутать къ нему зажиточныхъ людей, съ которыхъ можно поживиться. Пока секретарь наводилъ справки, подрядчикъ насаждалъ подъ ударами то, чего никогда не дѣлалъ, и допросы, едва уиѣщенные на трехъ тетрадахъ, ясно показывали, «что не всегда нужны побои къ изысканію злодѣянія, и что одинъ золотникъ здраваго судейскаго разсудка больше истины открываетъ, нежели плети, кошки и застѣнки». Удивились судьи, когда секретарь донесъ, что часы у дяди своего укралъ племянникъ, и приказали: «вора племянника, яко благород-

наго, наказать дядѣ келейно ; а подрядчику при выпускѣ объявить, что *побой ему впредь зачтены будутъ*¹⁾).

Нападая на темныя стороны современной юстиціи, сатирики прошлаго столѣтія выставляли образованіе, какъ главное и вѣрнѣйшее исправительное средство противъ сутяжничества, взятокъ и лихоимства. «Я увѣренъ (читаемъ во «*Всеякой Всечивѣ*»), что если къ должностямъ употребляемы будутъ люди съ воспитаніемъ и знаніемъ, менѣе услышимъ о корыстолюбіи. Человѣкъ, который съ молодыхъ лѣтъ привыкъ слышать и читать похвалу добродѣтелей и поношеніе пороковъ, несомнѣнно болѣе воздержанія имѣетъ отъ послѣднихъ и болѣе почтенія къ первымъ, нежели тотъ, который почти различія не знаетъ между пороками и добродѣтелями»²⁾. «Трутень» совѣтовалъ во всѣ должности, большія и малыя, стараться выбирать людей просвѣщенныхъ ; ибо только при посредствѣ такихъ людей могутъ быть водворены въ народѣ благоденствіе и добрые нравы. Быть добродѣтельными — нельзя приказать ; для этого необходимы добрые примѣры, тщательное воспитаніе и науки³⁾. Взглядъ этотъ оправдывался на самомъ дѣлѣ. Народное образованіе, насажденное Петромъ Великимъ и расширенное въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ гуманныхъ предначертаній Екатерины II, уже тогда начинало приносить свои благотворные плоды.

Правительство сознавало необходимость требовать отъ чиновниковъ и общаго образованія и спеціальныхъ, по своей части, познаній ; но оно далеко не имѣло возможности замѣстить всѣ должности лицами, получившими надлежащее воспитаніе, и прибѣгло къ слѣдующей мѣрѣ : для надзора за правильнымъ отправленіемъ дѣлъ и исполненіемъ законовъ оно старалось

¹⁾ 1769 г., стр. 97—104.

²⁾ Стр. 200.

³⁾ 1770 г., стр. 62.

установить постоянный контроль изъ людей образованныхъ и облеченныхъ властію, какими при императрицѣ Екатерины II являются *прокуроры*. Понятно, что мѣра эта должна была вызвать ропотъ въ невѣжественной и развращенной толпѣ старинныхъ подьячихъ. Въ этомъ ропотѣ сказалось предчувствіе грядущаго паденія тѣхъ грубыхъ и своекорыстныхъ подьяческихъ нравовъ, надъ которыми такъ зло посмѣялась современная сатира. Еженедѣльникъ «И то и сѣ», рассказывая, что въ прошлый вѣкъ приказные не знали даже азбуки, драли со всякаго акциденцію, а нынѣ ужъ не то — начинаютъ учиться и понемногу отставать отъ лихоимства, приводятъ жалобу *крючкотворца* на новый вѣкъ: прежде, говоритъ подьячій,

Со всѣхъ сторонъ ходилъ ко мнѣ народъ;
 Съ слезами милости моеи они просили
 И невозбранно мнѣ подарки приносили,
 А мнѣ, о напасть! о случаи суровы! и т. д.¹⁾.

Престарѣлый судья, выключенный изъ службы, такъ жаловался на свое время, въ которое, по замѣчанію «Смѣси», взятки начинали становиться не въ модѣ²⁾: «Что нынѣ услуги не награждаются — тому примѣромъ я. . . Я знаю всѣ указы наизусть, умѣю ихъ толковать по своему желанію, но не смотря на то, меня отставили. Одинъ человекъ имѣлъ дѣло въ нашей коллегіи, и хотя, правду сказать, оно и неправильно было, но какъ онъ считался въ роднѣ одному большому барину, такъ мнѣ и захотѣлось сдѣлать услугу; товарищи-то мои были въ отпуску, я оставался одинъ и рѣшилъ, какъ хотѣлъ. А большой баринъ, свѣдавъ про то, предостерегъ *прокурора*; дѣло остановили, да къ тому-жъ войди на меня доносъ, что я кое съ кого деньжонки взялъ; анъ меня и отставили. Вѣдь

¹⁾ Недѣли 25 и 32.

²⁾ Стр. 22.

кажется, все равно государству, что у меня деньги въ карманѣ, что у того, съ кого взялъ; да въ нынѣшнее время о томъ не разсуждаютъ!»¹⁾ О добромъ вліяніи на судопроизводство прокуроровъ, назначаемихъ изъ людей, получившихъ образованіе, сохранились литературныя свидѣтельства. Въ наставительномъ письмѣ дяди къ племяннику читаемъ: «Тебѣ извѣстно, что по пріѣздѣ моемъ на воеводство нажилъ я около 300 душъ, не считая денегъ, серебра и домашней рухляди; да нажилъ бы еще и не то, ежели бы прокуроръ со мною былъ посогласнѣе, но за грѣхи мои наказалъ меня Господь такимъ песговорчивымъ, что какъ его ни уговаривай, только онъ какъ козыя рога въ мѣхъ не лѣзетъ; и ежели бы стараніемъ моимъ не склонилъ я на свою сторону товарища, секретаря и прочихъ, такъ бы у меня въ мѣхѣ не было ни пула. Прокуроръ нашъ — человекъ молодой, и сказываютъ, что учоный; только я этого не примѣтилъ. Развѣ потому, что онъ въ бытность его въ Петербургѣ закупилъ себѣ премножество книгъ, а дути нѣтъ ни въ одной. Я однажды перебиралъ ихъ всѣ, только ни въ одной не нашель, котораго святаго въ тотъ день празднуется память; такъ куда онѣ годятся? Я на всѣ его книги сватцевъ своихъ не промѣняю... Онъ думаетъ, что всѣ дѣла надлежитъ вершить по наукамъ, а у насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? Кто правъ, такъ тотъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только была у него догадка какъ приняться за дѣло. А судейская наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію»²⁾. Въ крестьянской отпискѣ къ помѣщику, изъ которой выше приведено нами одно мѣсто, находимъ подобное же указаніе. «Отпиши, государь, (просятъ крестьяне) къ прокурору: онъ бояринъ добрый, ничего не беретъ, когда къ нему на по-

¹⁾ «Вечера», ч. II, стр. 174—5.

²⁾ «Трутень» 1769 г., стр. 13—14.

клонъ придешь; авось-либо онъ за насъ вступится и секретаря уйметъ»¹⁾).

Умственное и нравственное образованіе, воспитывая въ народѣ чувство справедливости и человѣколюбія, несомнѣнно является главною и наиболѣе вѣрною мѣрой противъ всякаго общественнаго зла, а вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, противъ судейскаго произвола, подьяческихъ притязаній и духа ябедничества. Но образованіе, всегда и вездѣ, весьма медленно переходитъ въ народныя массы и дѣлается ихъ достояніемъ; необходима еще другая мѣра, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на устраненіе въ обществѣ «застарѣлой неправды»: это *гласность*. Сатирическая литература XVIII столѣтія не выяснила этой столько важной и знаменательной стороны вопроса. Сколько извѣстно, лишь одинъ фонъ-Визинъ поднялъ голосъ въ пользу судебной гласности, обратившись съ такимъ вопросомъ къ императрицѣ: «отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?» Оtvѣтъ Екатерины²⁾ подалъ ему утѣшительную надежду, что размноженіе въ Россіи типографій послужитъ не только къ распространенію знаній, но и къ подкрѣпленію правосудія. «Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во все концы отечества, говоритъ фонъ-Визинъ. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ». Надежда эта не осуществилась; вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращались и сатирическія нападки на ябеду, взятки, казнокрадство и неправосудіе. Литература честно совершала свое дѣло, обличая передъ всеми общественныя недуги, но она, по самому назначенію

¹⁾ Ibidem, стр. 206.

²⁾ «Отъ того, отвѣчала государыня, что вольныхъ типографій до 1782 года не было».

своему, имѣла дѣло съ типическими сторонами народнаго быта; противъ отдѣльныхъ лицъ она не могла выступать съ обвинительными пунктами, и не выступала. А что значать сатирическіе громы, хотя направленные противъ живаго зла, но имѣющіе дѣло съ лицами, созданными фантазіей писателя, что значать подобныя громы для тѣхъ господъ, которые не боятся самыхъ строгихъ наказаній, опредѣляемыхъ законами? Только то общественное осмѣяніе и сильно, и страшно, которое передъ глазами всѣхъ и cadaго падаетъ на дѣйствительнаго, служащаго взяточника и казнокрада, и падаетъ такъ, что не остается ему ни малѣйшей возможности *кивать украдкой на Петра*; только страхомъ неизмѣнно-грядущаго за всякимъ дѣйствіемъ общественнаго мнѣнія многіе удержатся отъ того, чего не страшатся дѣлать подъ непроницаемымъ покровомъ канцелярской тайны. Такое явленіе единственно возможно только при существованіи судебной гласности, о которой думала еще Екатерина.

Главная задача европейскаго образованія, перенесеннаго на русскую почву, заключалась въ умягченіи нравовъ общества и въ водвореніи тѣхъ гуманныхъ идей, которыя были выработаны энциклопедистами и которыя за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ требовали признанія его человѣческаго достоинства. Ту-же задачу имѣла въ виду и журнальная сатира. Она съ строгими обличеніями выступила противъ вельможъ, гордыхъ своимъ высокороднымъ происхожденіемъ, а не личными заслугами, надменныхъ блескомъ своего богатства и готовыхъ оказывать незаслуженное презрѣніе къ нисшимъ классамъ. Еще Кантемиръ осмѣялъ эту боярскую спѣсь во второй сатирѣ; но предразсудки живучи! Надо было снова толковать, что всѣ сословія равно почтенны, что трудъ (каковъ бы онъ ни былъ) заслуживаетъ полнаго уваженія, а праздность, пожирающая плоды чужихъ усилій, — полнаго презрѣнія, что не порода, а

личные достоинства и заслуги дают право на почетъ и вниманіе. Въ обществѣ еще встрѣчались такіе господа, какъ *Недоумъ*, характеръ котораго рѣзко очерченъ «Трутнемъ»: «онъ презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего по крайней мѣрѣ за 500 лѣтъ доказать не могутъ; онъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что опредѣлила его тѣмъ-же пользоваться воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, которыми пользуется простой народъ; онъ презираетъ всѣ науки и искусства, почитая ихъ безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію, всякой шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учася; гербовники и патенты, едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ; александрійскіе листы, на которыхъ имена его предковъ росписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ. Короче сказать, деревья, чрезъ которыя онъ происхожденіе своего рода означаетъ, хотя многія сухія имѣютъ отрасли, но нѣтъ на нихъ такого гнилаго сучка, каковъ онъ самъ». Размышляя о вредныхъ сторонахъ подобнаго характера, сатирикъ пришелъ къ тому справедливому заключенію, что похвалѣнѣе быть бѣднымъ дворяниномъ или мѣщаниномъ, полезнымъ государству, нежели знатной породы ту неядцемъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, экипажу и ливреѣ*).

Блескъ роскоши и могущество власти, окружавшіе знать, и ея собственное легковѣрное тщеславіе должны были породить ту пріятную для слуха лесть, которую несли имъ въ дань люди мелочные и расчетливые. «Наука льстить или правила, по которымъ можно въ скоромъ времени приходиться въ милость у большихъ бояръ», была постоянно преслѣдуема сатирическими изданіями; ибо язва ласкательства, по свидѣтель-

*) 1769 г., стр. 178—180.

ству «Трутня», распространилась не только въ прихожихъ, но и во внутреннихъ комнатахъ случайныхъ людей¹⁾. Стоитъ понасть *es случай*, какъ сейчасъ же явится стихотворецъ съ похвальною одою, въ которой произведетъ вашъ родъ, пожалуй, хоть отъ римскихъ императоровъ²⁾, а приемныя ваши комнаты, особенно по праздникамъ, станутъ наполняться клиентами, поспѣшающими отдать свой низжайшій поклонъ и ожидающими богатыхъ и великихъ милостей³⁾.

По поводу этихъ сатирическихъ замѣтокъ появилось въ «Трутнѣ» письмо Чистосердова :

«Господинъ издатель! Въ вашемъ «Трутнѣ» печатаемыя сочиненія многими разумными и знающими людьми похваляются. Это хорошо; да то бѣда что многіе — испорченные нравы и злыя сердца имѣющіе люди принимаютъ на себя осмѣиваемыя вами лица, и критикуемые вами пороки берутъ на свой счетъ. Это бы и не худо; ибо зеркало для того и дѣлается, чтобы смотрящіяся въ него видѣли свои недостатки и оныя исправляли; и то зеркало почитается лучшимъ, которое вѣрнѣе показываетъ лицо смотрящагося. Но дѣло-то въ томъ состоитъ, что въ вашемъ зеркалѣ видятъ себя и многіе знатные бояре . . . Намнясь при мнѣ одинъ придворной господчикъ говорилъ о вашемъ «Трутнѣ»: не въ свои де этотъ авторъ садится сани. Онъ де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, судей именитыхъ, на всѣхъ; такая де смѣлость не что иное есть, какъ дерзновение . . . Въ старыя времена послали бы де его потрудиться для пользы государственной, описывать нравы какого ни-на-есть царства русскаго владѣнія; но нынче де дали волю писать и пересмѣхать и за такія сатиры не наказываютъ. Вѣдь де знатной

¹⁾ 1769 г., стр. 25, 157—8, 250—1.

²⁾ «Адская Почта», стр. 222. «Курьеръ», стр. 170.

³⁾ «Трутень» 1769 г., стр. 4. «Сивъ», стр. 25.

«господинъ — не простой дворянинъ, что на немъ тоже възыскивать, что и на простолюдинахъ... Гораздобъ было лучше, ежели бы де онъ обиралъ около себя и писалъ сказочки, или что-нибудь посмѣшите». Далѣе слѣдуетъ совѣтъ остерегаться наводить сатирическое зеркало на сильныхъ земли. «Я, говоритъ авторъ, слыкалъ слѣдующія разсужденія: въ положительномъ степенѣ или въ маленькомъ чело-вѣкѣ воровство есть *преступленіе* противъ законовъ; въ увеличивающемъ степенѣ или средостепенномъ чело-вѣкѣ воровство есть *морокъ*, а въ превосходительномъ степенѣ или чело-вѣкѣ, по вѣрнѣйшимъ математическимъ исчисленіямъ, воровство не что иное, какъ *слабость*. Хотя бы и не такъ надлежало; ибо кто имѣетъ превосходительный чинъ, тотъ долженъ имѣть и превосходительный умъ и превосходительныя знанія; слѣдовательно и преступленіе такого чело-вѣка должно быть превосходительное... но полно, вѣдь вы знаете, что не всегда такъ дѣлается, какъ говорится». Посланіе свое Чистосердовъ оканчиваетъ желаніемъ, чтобы изданіе «Трутня» всѣмъ большимъ господамъ нравилось также, «какъ нравится оно семерымъ знатымъ боярамъ, которыхъ онъ знаетъ: сіи господа читать сатиры великіе охотники, и читая оныя, никогда не краснѣютъ, для того что никогда не дѣлаютъ того, отъ чего краснѣть должно». Это упоминаніе о семи просвѣщенныхъ вельможахъ, сочувствовавшихъ требованіямъ образованія и правды, драгоценно. Въ другомъ мѣстѣ «Трутень» прибавляетъ, что онъ можетъ указать, какъ на достойный подражанія примѣръ, — на знатныхъ: О... П... Н... С... В... Ш... Б... В...*). Любопытно было бы опредѣлить, кого означаютъ эти начальныя буквы? Мы знаемъ, что первая часть «Трутня» посвящена Л. А. Нарышкину въ

*) 1769 г., стр. 60—64, 254.

знакъ искренняго почтенія издателя къ его достоинствамъ; а вторая В. А. Всеволодскому, обращаясь къ которому Новиковъ говоритъ: «почтеніе мое къ вамъ велико и искренно; «однакожь не знатность вашего чина во мнѣ оное производитъ, «но ваши добродѣтели; ибо знатный господинъ, неимѣющій «душевныхъ добродѣтелей, столь же малъ въ моихъ глазахъ, «какъ и послѣдній гражданинъ, неимѣющій оныхъ». «Живописецъ» упоминаетъ еще о Г. Г. Орловѣ, какъ о добромъ и чело­вѣколюбивомъ помѣщикѣ. Представляя идеалъ вельможи, «Трутенъ» говоритъ, что истинный вельможа любимъ простымъ народомъ, не слушаетъ льстецовъ, старается о государственномъ благосостояніи болѣе, нежели о самомъ себѣ, защищаетъ бѣдныхъ и слабыхъ, не затворяетъ своего слуха къ ихъ просьбамъ и думаетъ о ихъ нуждахъ¹⁾. Если лица, на которыя указывалъ еженедѣльникъ Новикова, приближались къ этому идеалу; то они, конечно, имѣютъ все право на благодарное наше воспоминаніе.

Гуманное направленіе замѣчается въ большей части журнальныхъ статей избраннаго нами времени. Касаются ли онѣ военной службы, тотчасъ требуютъ отъ офицеровъ кроткаго и сообразнаго съ чело­вѣческимъ достоинствомъ обращенія съ нижними чинами, требуютъ, чтобы солдата исправляли болѣе ласкою и примѣромъ, нежели безумною строгостію²⁾. Касаются ли журналы состоянія и быта крестьянскаго населенія— они непремѣнно имѣютъ въ виду указать его нужды, возбудить участіе къ его судьбѣ и выяснить высокія требованія христіанской любви.

На обыкновенномъ языкѣ той эпохи нисшіе общественные слои назывались *подлыми*; зпитеть этотъ, по первоначальному

¹⁾ 1769 г., стр. 252. 1770 г., стр. 9—11.

²⁾ «Трутенъ» 1769 г., стр. 5, 182. «Всячина», стр. 119. «Живописецъ», ч. II, стр. 263—4 (изд. 2-ое).

употребленію, не заключалъ ничего въ себѣ колкаго и оскорбительнаго и служилъ только для прямого обозначенія низшихъ классовъ народа; въ такомъ смыслѣ употребляло прежде это слово и самое законодательство. Но въ послѣдствіи тщеславная гордость стала употреблять его въ томъ презрительномъ смыслѣ, какой и теперь удержался за этимъ прилагательнымъ. Журналы немедленно возвысили свой голосъ противъ такого названія и рѣзко высказали по этому поводу свои правдивыя замѣчанія. «*Подлыми* людьми, говоритъ «Живописецъ», по справедливости должны называться тѣ, которые худыя дѣла дѣлаютъ; но у насъ, не вѣдаю — по какому предразсужденію вкралось мнѣніе почитать подлыми тѣхъ, кои находятся въ низкомъ состояніи»¹⁾. «Трутень» убѣждаетъ, что не порода, а добродѣтели дѣлаютъ человека достойнымъ почтенія; что нельзя назвать человека *подлымъ* за то только, что родился онъ отъ честныхъ и добродѣтельныхъ мѣщанъ, какъ позволяютъ себѣ нѣкоторые невѣжды; что преступленія и худыя поступки равно встрѣчаются и между благородными и между простолюдинами²⁾. Осмѣивая безразсудное тщеславіе породю, сатирическія изданія не разъ напоминали гордецамъ, что всѣ люди имѣютъ одного общаго праотца — Адама, и совѣтовали имъ почаще разсматривать кости, оставшіяся по смерти простолюдина и боярина: не найдется ли между ними какого различія?³⁾

О нравственномъ и матеріальномъ положеніи крестьянскаго населенія новиковскіе журналы, «Смѣсь» и другія повремениныя изданія представили нѣсколько превосходныхъ статей, проникнутыхъ истиннымъ чувствомъ любви къ человѣчеству и написанныхъ съ одушевленіемъ и остроуміемъ неподдѣль-

¹⁾ Ч. I (изд. 5), стр. 106.

²⁾ 1769 г., стр. 30—31, 98.

³⁾ «Трутень», ч. I, стр. 191. «Всячина», стр. 221. «Смѣсь», стр. 16.

ныни. Мы только укажем эти статьи, не входя въ подробный ихъ разборъ... Въ «Живописецъ» былъ помѣщенъ «Отрывокъ путешествія въ ***, соч. И*** Т***. Авторъ набросалъ здѣсь нѣсколько неострадныхъ сатирическихъ картинъ, и въ противоположность имъ обѣщалъ въ послѣдствіи показать быть жителей «*Бламополучныя деревни*»¹⁾. Еще въ пятомъ изданіи «Живописца» было повторено это обѣщаніе²⁾, но осталось безъ исполненія. «Отрывокъ путешествія» написанъ нѣсколько рѣзко, и въ освѣщеніи и краскахъ не вездѣ соблюдена должная мѣра. Самъ издатель замѣтилъ о статьѣ И*** Т***, что блюдо это приготовлено очень солоно и горьковато для нѣжнаго вкуса благородныхъ невѣждъ; но что онъ рѣшился поподчивать имъ читателя, потому что Премудрость, возседающая на престолѣ, покровительствуетъ истинѣ во всѣхъ дѣяніяхъ³⁾. Сочиненіе это въ свое время вызвало разные бражливые толки, въ опроверженіе которыхъ «Живописецъ» напечаталъ прекрасную статью подъ заглавіемъ: «Англійская прогулка»⁴⁾ и которые такъ мастерски осмѣялъ этотъ-же журналъ въ письмѣ уѣзднаго дворянина къ Фалалею. Приводимъ небольшой отрывокъ изъ этого любопытнаго письма. «Меня (разсказываетъ уѣздный житель въ негодованіи своемъ «на новое время) отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ «большихъ не бери; такъ отъ чего же и разбогатѣть: вѣдь не «всякому Богъ дастъ кладъ, а съ мужиковъ... немного при«были. Я, кажется, такъ и не плошаю, да что ты изволишь «сдѣлать... Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ *Брюжесаловъ* и при«везъ съ собою какіе-то печатные листочки и, будучи у ме«ня, читалъ ихъ. Что это у васъ, Фалалеюшка, дѣлается;

¹⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 29—36, 98—102.

²⁾ Ч. II, стр. 193.

³⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 36—37.

⁴⁾ Ibidem, стр. 91—96.

«никакъ съ ума сошли все дворяне? чего они смотрять? да я «бы ему проклятому и ребра живаго не оставилъ. Что за «Живописецъ» такой у васъ проявился? какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы... О коли бы «онъ здѣсь былъ! то-то бы потѣшилъ свой животъ: все бы «кости у него сдѣлалъ, какъ въ иѣшкѣ! Что и говорить, дали «волю; тутъ небось не видать, и знатные господа молчать... «Да что ужъ и говорить, и они свихнулись. Недалеко отъ «меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь «ли, по чему онъ съ нихъ беретъ? стыдно и сказать — по «шолтора рубли съ души, а угодевъ-та сколько! и мужики ка- «кіе богатые! живутъ себѣ, да и *садки* не мають, богатѣе «инаго дворянина. Ну, а ты разсуди самъ, какая ему отъ «этого прибыль... То-то, Фалалеюшка, не къ рукамъ едакое «добро досталось... Эхъ! перевелись старые наши бояре... «а нынѣшніе господа что за люди, и себѣ добра не хотятъ! «Что ужъ и говорить: все пошло на нѣмецкой манеръ»¹⁾).

Въ «Трутнѣ» напечатаны двѣ любопытныя «Копія съ крестьянскихъ отписокъ государю Григорью Сидоровичу» и «Копія съ помѣщичья указа»²⁾): эти характеристическія статьи, отличающіяся вѣрностію изображенія, перепечатывались потомъ въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ изданіяхъ «Живописца». Кроме того, въ «Трутнѣ» читатель найдетъ нѣсколько другихъ краткихъ замѣтокъ, если не столько выдержанныхъ и обработанныхъ, за то не менѣе интересныхъ по своему содержанию; таковы характеристики: *Змьяна*, *Злорада*, *Безразсуда* и проч.³⁾. Наконецъ въ «Смѣси» были помѣщены двѣ остроумныя статьи, облеченныя въ самую оригинальную форму и согрѣтыя живымъ чувствомъ состраданія къ меньшей братіи;

¹⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 109—111.

²⁾ 1769 г., стр. 203—8, 233—240.

³⁾ Ibidem, стр. 41—2, 188—191, 199—200, 211—2, 283. Подобные рассказы попадаются и во «Всякой Всячинѣ» и въ «Адской Почтѣ».

это «Рѣчь о существѣ простаго народа» и сатирическое письмо, написанное отъ имени камчадала¹⁾).

Такова была журнальная сатира 1769—1774 годовъ. Требуя умственнаго и нравственнаго образованія, проповѣдуя чело-вѣколюбіе и необходимость труда, она въ тоже время осмѣивала все, что противорѣчало общественному благу и вѣчной правдѣ. Конечно, эти колкія насмѣшки и снѣблыя нападки не могли всѣмъ нравиться. Если лучшая, образованная часть публики сочувствовала такому литературному движенію, то съ другой стороны масса, выросшая въ невежествѣ и привыкшая въ мутной водѣ ловить рыбу, не очень ташла свою невольную досаду. Журналы записали и эти ходячіе толки. Едва появилась «Всячина», какъ уже стали подозрѣвать на ея листкахъ такія *томкости*, о которыхъ и не снилось издателю. Въ одной бесѣдѣ вздумало нѣскольکو чело-вѣкъ разсуждать объ этомъ изданіи; старички, «соединясь за одно, говорили: оныя «де сочиненія ни къ чему не кстатн; нынѣча де всякій себя «умнымъ ставитъ, а лучшебъ де было, еслибъ издали въ печать разныя духовныя душеполезныя книги; а то де ребята «молодые нынѣча думаютъ только, какъ-бы что помарать... «Если бы сочинитель не написалъ о понедѣльникахъ²⁾ и о «прочемъ, почитая за суевѣріе самое благочестіе, то-бъ и мы «такъ горячо не вступались. Чему наши дѣды и отцы послѣ-«довали, тому и мы должны»³⁾. «Смѣсь» жаловалась, что ее многіе хулили за высказываемую правду, и снѣбалась надъ тѣми, которые были убѣждены, что писатели ничего полезнаго для общества не дѣлаютъ: «диво, что ихъ за то не наказываютъ!»⁴⁾ «Адскую Почту» обвиняли, что соль своего остро-

¹⁾ Стр. 193—8, 209—213.

²⁾ Намѣкъ на статью «Всячинн», направленную противъ суевѣрія, будто понедѣльникъ — тяжелый день.

³⁾ Стр. 6, 161—2.

⁴⁾ Стр. 31, 118. «Трутень» 1770 г., стр. 89.

умія она смѣшиваетъ съ ядомъ беззаконія, что изображенія, нарисованныя ею, такъ колки, что должны быть всѣми почитаемы за обиду, какъ будто слѣдуетъ быть нѣжнымъ къ перокамъ. Издателя этого журнала нѣкоторые слишкомъ ревностные противники сатирическихъ сочиненій называли беззаконникомъ, и прибавляли, что такихъ дерзкихъ писателей надо выгонять изъ города¹⁾). Издатель «Трутня» также не избѣгъ злословія; объ немъ распускались слухи, что онъ человекъ опасный, что въ его изданіи встрѣчаются одни ругательства. Были и такіе обидчивые люди, которые готовы были принимать на свой счетъ всякую сатирическую статью. Разсуждая о своихъ читателяхъ, «Трутень» въ числѣ ихъ указываетъ и такихъ, которые «золотой вѣкъ, въ коемъ позволено всѣмъ мыслить, называютъ желѣзнымъ»²⁾). Честь и слава тѣмъ писателямъ, которые, не смотря на подобныя возгласы, подвизались на избранномъ ими литературномъ поприщѣ съ искреннимъ желаніемъ добра, съ непритворною любовью къ отечеству, съ полнымъ уваженіемъ къ просвѣщенію и правдѣ и съ неослабною энергіею! Мы обязаны почтить ихъ труды благодарнымъ воспоминаніемъ тѣмъ болѣе, что положеніе писателя было въ ту эпоху несовсѣмъ-завидное. «Эхъ судьба! восклицаетъ Чулковъ, для чего ты опредѣлила быть мнѣ сочинителемъ; лучше бы быть мнѣ подьячимъ. Ничего-бъ я больше не дѣлалъ, какъ переписывалъ съ чернаго на бѣло, но имѣлъ бы домъ, карету и лошадей; плакали бы отъ меня люди, но я былъ бы спокоенъ... Откушникъ отъ своей должности дѣлаетъ приращеніе своему брюху, судья умножаетъ свои сундуки, безмозглый танцмейстеръ отягощаетъ свои плеча разнымъ дорогимъ платьемъ; а ты, который препровождаешь день и ночь за книгою, и стараешься сдѣлать нѣкоторую пользу твоимъ согражданамъ

¹⁾ Стр. 203—8, 343.

²⁾ 1769 г., стр. 142, 255, 275—7, 280—3.

«твоими нравоченіями, отъ неусыпности твоей тшедушень и «блѣдень, и не только сундука, по и кармана полнаго никогда «не виѣшь; платье носишь конопляннаго цвѣта, но и то отъ «четырёхъ-лѣтнаго употребленія поистаскалось и обветшало; «худо оно, но ты и переѣнить его не виѣшь надежды!»¹⁾

Потребность чтенія была слишкомъ невелика, и сочиненія раскупались въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и медленно. «Нынѣ, говорятъ «Живописецъ», многія наилучшія «книги переведены съ разныхъ иностранныхъ языковъ и на- «печатаны на російскомъ; но ихъ и въ десятую долю противъ «романовъ не покупаютъ... Что-жъ касается до подлинныхъ «нашихъ книгъ, то онѣ никогда не были въ модѣ и совсѣмъ «не расходятся, да и кому ихъ покупать? Просвѣщеннымъ на- «шимъ госнодчикамъ онѣ не нужны, а невѣждамъ и совсѣмъ «не годятся. Какой бы лондонской книгопродавецъ не ужас- «нулся, услышавъ, что у насъ двѣсти экземпляровъ напечатан- «ной книги иногда въ десять лѣтъ насилу раскупятся? Обо- «дритесь російскіе писатели! сочиненія ваши скоро и со- «всѣмъ покупать перестанутъ»²⁾. — Наконецъ въ обществѣ еще продолжалъ существовать вѣтхій предрасудокъ, при- знававшій званіе писателя постыднымъ³⁾. «Нѣкоторые (по «свидѣтельству «Вечеровъ») думали, что дворянину стыдно «присвоивать себѣ имя писателя. Не стыдятся того вѣнчан- «ные главы, ни важные министры, о пользѣ государствъ пе- «кущіеся; а наши дворяне сямъ титуломъ гнушаются! Стыдно «быть писателемъ, но дурнымъ, разсѣвающимъ семена поро- «ковъ, осмѣивающимъ правду, честь и добродѣтели... Да- «рванія людямъ природою напрасно не даются, и не даромъ это «сказано: *скрытый талантъ да будетъ проклятъ!*»⁴⁾

¹⁾ «И то и сѣ», недѣля 48-я.

²⁾ Ч. I (изд. 2), стр. 39—40.

³⁾ Образчикъ такого мнѣнія представленъ въ «Живописецѣ», ч. I (изд. 2), стр. 180.

⁴⁾ ч. I, стр. 7.

ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

1) «Всякая Всячина», съ такимъ объявленіемъ на первомъ листкѣ: «Симъ листомъ бью челомъ, а слѣдующія впредь изволь покупать», еженедѣльное изданіе, выходило листами по пятницамъ (за листъ 1½ коп.), Спб., 1769 г., въ 8-ю долю листа. Въ объявленіи объ изданіи «Барышка Всякія Всячины» на 1770 годъ сказано было, что изданіе это будетъ продолжаться, пока станеть матеріаловъ прошлагодняго запасу (стр. 408). Краткія свѣдѣнія объ этомъ журналѣ были сообщены М. Макаровымъ въ «Отеч. Запискахъ» 1839 года, № 4, «Смѣсь», стр. 22—30. Во «Всячинѣ» помѣщались прозаическія статьи и оригинальныя и переводныя; издатель самъ замѣчаетъ, что переводы въ его журналѣ слабѣе оригинальныхъ сочиненій (стр. 295). Кромѣ статей сатирическихъ, здѣсь напечатаны: Слово Монтескѣ, говоренное имъ въ 1728 году, при избраніи его въ члены французской академіи; переводы изъ Анакреона, Овидіевыхъ Превращеній, Тита Ливія, Еліана и Валерія Максима, письмо Плинія-младшаго къ Тациту о смерти дяди его, естествоиспытателя Плинія-старшаго, и нѣсколько стихотвореній; между ними: «Надпись къ статуѣ государя Петра Великаго», соч. А. Сумарокова (стр. 138). Имена двухъ сотрудниковъ «Всячины» на стр. 380 и 381 напечатаны навыворотъ — это: Григорій Кущаловъ и Михайло Жуковъ; г. Буличъ догадывается еще о двухъ сотрудникахъ этого журнала: И. Елагинъ и А. Лобысевичъ (См. Сумароковъ и соврем. ему критика, стр. 215—6). Объявленіе издателя «Всячины», Г. В. Козицкомъ смотри: *Essai sur la littérature russe*, стр. 9; Опытъ историческаго словаря русс. писат. Новикова, стр. 101—2, Словарь русс. свѣтск. писа-

телей митрополита Евгенія, т. I, стр. 295—7 и Москов. Городск. Листокъ, стр. 112 (анекдотъ).

2) «И то и сѣ», съ объявленіемъ на первомъ листѣ: «Строками служу, бумагой бью челоуъ, а обое вообще извольте покупать; купивъ же считайте за подарокъ для того, что небольшаго оноо стоитъ», еженедѣльное изданіе, выходило полулистами по вторникамъ; всѣхъ полулистовъ 52, Спб. 1769 г., въ 8 л. л., стоило 1 р. 4 коп. Статьи, вошедшія въ этотъ журналъ, преимущественно сатирическія; кромѣ того, здѣсь напечатаны стихотворенія (элегія, эпиграммы, мадригалы, загадки, эпитафій), переводы изъ нѣмецкаго стихотворца Данила Каспера Логенштейна и Геллерта, краткое исчисленіе именъ боговъ, богинь, полубоговъ и героевъ (въ томъ числѣ указаны и божества славянскія) и списокъ иностранныхъ словъ, употребляемыхъ русскими. «Трутенъ» (1769 г. на стр. 95—96) указываетъ на заимствованія журнала «И то и сѣ» изъ итальянской Венероніевой грамматики. Издателемъ этого журнала въ Московск. Телеграфѣ (1827 г., XVIII, стр. 82, журналистика) и въ Росписи книгъ Смирдина ошибочно показанъ Семень Башиловъ; въ Опытѣ историческаго словаря Новикова (стр. 17—18) и въ Словарѣ русск. свѣтск. писателей митрополита Евгенія (т. 1, стр. 31—32) сказано только, что Башиловъ написалъ нѣсколько сатирическихъ писемъ, напечатанныхъ въ журналѣ: «Ни то, ни сѣ». Настоящимъ издателемъ журнала: «И то и сѣ» былъ М. Д. Чулковъ (надв. совѣтн., скончался 1793 г.), о которомъ смотри: «Опытъ истор. слов.», стр. 243—4, Словарь митроп. Евгенія, т. 2, стр. 242—5 и Булича «Сумароковъ», стр. 253, примѣчаніе. Мнѣніе это мы основываемъ на положительномъ показаніи Новикова и на собственныхъ словахъ издателя журнала «И то и сѣ», который самъ о себѣ говоритъ, что онъ приготовляетъ поэму: «Плачевное паденіе стихотворцевъ» (недѣля 41).

Сверхъ того, въ этомъ періодическомъ изданіи встрѣчаемъ описанія простонародныхъ обрядовъ и повѣрій, а Чулковъ извѣстенъ, какъ первый собиратель этнографическихкихъ матеріаловъ. Въ журналѣ Чулкова участвовалъ Михайло Поповъ, помѣстившій здѣсь (недѣли 7, 12, 18—21, 31) разныя стихотворенія; сличи съ первою частью «Досуговъ или Собр. сочин. и переводовъ М. Попова, Спб., 1772». О Поповѣ см. «Опытъ истор. слов.», стр. 170—1, и Слов. митрополита Евгенія, т. 2, стр. 133—4.

3) «Ни то, ни сѣ», въ прозѣ и стихахъ, ежесубботное изданіе на 1769 г., съ эпиграфомъ: «*Maxima de nihilo nascitur historia. Propertius.* Пространнѣйшая изъ ничего родится повѣсть. Проперцій». Выходило полудистами съ 21 февраля по 11 іюля включительно, Спб., въ 8-ю д. л. Всѣхъ полулистовъ было 20. Здѣсь напечатаны: 1) въ переводахъ: LXXXII-е письмо Сенеки о суетахъ сего міра и смерти, и его же разсужденіе: «О Провидѣніи», перевелъ С. Б. (Семень Башиловъ?), изъ Овидіевыхъ Превращеній и Элегій (одна подписана буквою Р. — Рубанъ?), разговоръ дикаго съ бакалавромъ изъ Вольтера, «Должности общежитія», ода Томаса, переведена В. П. (Василіемъ Петровымъ; смотри въ Сочиненіяхъ В. Петрова, Спб., 1811, ч. I, изд. 2-го, стр. 194; послѣдняя строфа здѣсь передѣлана); 2) ода: «Деньги», переводъ изъ Горація (въ стихахъ) о серебрѣ и золотѣ, и согласеніе этихъ двухъ стихотвореній; 3) стихотворенія: «Рокъ», изъ «Амстердамскаго Гонца» (курьера), надписи, эпиграммы и другія; нѣкоторыя изъ нихъ подписаны буквами В. Р. (Рубанъ); нныя принадлежатъ М. Попову. Одна эпиграмма заимствована изъ «Голландской Пчелы»; 4) разсказы: «Покрываю, скинутое вѣтромъ съ лица одной женщины, было причиною смерти одного султанскаго сына», «Зависть одной женщины противъ своей сестры открываетъ путь къ консульству», и проч.

(съ француз. Ил. Дебольцовъ), «Омаръ, восточная повѣсть» (перев. Ѳ. Лазинскій), «Великодушіе дикаго челоуѣка» (пер. съ нѣмецкаго изъ «Берлинскаго Магазина» Ѳ. Л. — Лазинскій?); два письма (о вспыльчивости), перев. съ нѣмецкаго студентъ Яковъ Хорошкевичъ, и сатирическія вѣдомости — съ нѣмца. И. Пырскій. Въ 1771 году вышло въ Сп-бургѣ второе изданіе журнала «Ни то, ни сѣ», въ 8 д. л.; на заглавномъ листѣ сказано: «съ исправленіемъ противъ прежняго»; но всѣ исправленія состоятъ въ томъ, что на первомъ листѣ втораго изданія выкинуты названія журнала на другихъ языкахъ и слѣдующее стихотворное объявленіе о цѣнѣ: «Всякъ кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ, тому «Ни то, ни сѣ» дадутъ листокъ одинъ». Болѣе исправленій нѣтъ; напротивъ, второе изданіе переиздано съ перваго строка въ строку. Объ издателѣ В. Г. Рубанѣ (кол. сов.) смотри «Опытъ истор. слов.» Новикова, стр. 191—2 и Словарь митрополита Евгенія, т. 2, стр. 151—3; о Петровѣ — въ Опытъ Новикова, стр. 162—3, у м. Евгенія, т. 2, стр. 117—9. По свидѣтельству Новикова (Опытъ, стр. 17—18) и митрополита Евгенія (т. I, стр. 31—32) въ журналѣ «Ни то, ни сѣ» помѣстилъ нѣсколько сатирическихъ писемъ (развѣ полемическихъ? потому что собственно сатирическихъ статей здѣсь не встрѣчаемъ) Семенъ Башиловъ.

4) «Смѣсь, новое еженедѣльное изданіе», началось 1-го апрѣля 1769 года, Санктпетербургѣ, въ 8-ю д. л., всѣхъ листовъ 40, цѣна 1 рубль. Второе изданіе подъ заглавіемъ: «Смѣсь или собраніе разныхъ философическихъ и критическихъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и въ прозѣ, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ», напечатано было въ 1771 году, въ 8 д. л., въ Спб. На заглавномъ листѣ сказано, что это изданіе «со многими прибавленіями»; въ самомъ же дѣлѣ ко второму изданію прибавленъ только одинъ листъ, заключающій въ себѣ переводъ «Письма Кайна къ Мегалъ,

его супругѣ, соч. Костарда» и стихи: «Несчастный», и имѣющій свою особенную нумерацію страницъ; другихъ прибавленій нѣтъ. Напротивъ, второе изданіе перепечатано съ перваго страница въ страницу, съ опущеніемъ только «Предувѣдомленія», въ которомъ читаемъ: «Я, набравшись чужихъ мыслей и видя нынѣ много періодическихъ изданій, вздумалъ писать Смѣсь, о которой вольно всячески судить» и проч. Между переводами встрѣчаемъ здѣсь статьи изъ сочиненія «Portraits et caractères». Въ числѣ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Смѣси», отмѣтимъ здѣсь: «Оду на побѣду, одержанную російскимъ воинствомъ надъ турками подъ Хотиномъ 19 апрѣля» (листъ 7, стр. 49). Изданіе «Смѣси» приписываютъ Новикову, но едва ли справедливо.

5) «Трутенъ», еженедѣльное изданіе на 1769—1770 года, Спб., въ 8-ю д. л. «Трутенъ» на 1769 годъ былъ посвященъ штаб-майстеру Льву Александровичу Нарышкину и заключается въ себѣ 36 листовъ (цѣна 1 р. 25 к.), а «Трутенъ» на 1770 годъ, посвященный оберъ-прокурору сената Всеволоду Александровичу Всеволодскому, состоитъ изъ 17 листовъ, потому что журналъ продолжался только по май мѣсяць; стоилъ 75 коп. «Трутенъ» имѣлъ большой успѣхъ и покупался болѣе другихъ періодическихъ листовъ, почему вслѣдъ за первымъ вышло второе его изданіе; сверхъ того, многія статьи были въ послѣдствіи перепечатаны отсюда въ «Живописецъ». Между прочими сочиненіями въ «Трутнѣ» 1769 года находимъ: «Надпись къ рождѣ его превосходительства Льва Александровича Нарышкина» (листъ XIV, стр. 105), «Надгробную Ломовосову» (л. XX, стр. 160), «Стихи Александру Андреевичу Беклешову на смерть брата его подполковника Арсенія, убитаго при одержанной російскимъ войскомъ надъ турками побѣдѣ у Хотина августа 29-го дня» (л. XXII, стр. 169), соч. Василя Майкова; его же стихи: «Примѣръ (Примьерь)-

маіору Юрью Богдановичу г. Бибикову» (л. XXIII, стр. 171); а въ «Трутиѣ» 1770 года: «Стихи на смерть Федора Александровича Эмина, російской исторіи писателя, послѣдовавшую въ Санктпетербургѣ 18 апрѣля 1770 года, писанные къ его другу» (л. XVI, стр. 126) и извѣстіе о мраморномъ памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь Ломоносова канцлеромъ графомъ М. Л. Воронцовымъ. Объ издателѣ «Трутии» Н. И. Новиковѣ, смотри въ Словарѣ интр. Евгенія, т. 2, стр. 103—6, въ «Словарѣ достопамятн. людей русск. земли» Д. Бантыша-Каменскаго (1836 г. М., ч. IV, стр. 26—29), въ сочиненіи Вейдемейера: «Дворъ и замѣчат. люди во второй половинѣ XVIII столѣт.» (ч. 2, стр. 115—9), въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 года № 19: «Новиковъ и Шварцъ», статья г. Лонгинова, изданная и отдѣльно въ 1858 г.; № 21: «Нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ къ статьѣ: Новиковъ и Шварцъ», соч. г. Ешевскаго; въ томъ-же журналѣ 1858 г. №№ 15 и 22 (статья Лонгинова); въ Сборникѣ, издаваем. студентами имп. свѣ-го университета, вып. 1-й, стр. 321—335: «Матеріалы для біографіи Н. И. Новикова»; въ «Библиогр. Запискахъ» 1858 г. № 6: «Н. И. Новиковъ», біографич. очеркъ, и 1859 г. № 3 — статью Н. Рябова; въ «Московскомъ Городск. Листѣ» (1847, №№ 43—46) статью подъ заглавіемъ: «Н. И. Новиковъ», составленную Н. Билевичемъ. И Бантышъ-Каменскій, и Вейдемейеръ годъ перваго изданія «Живописца» указываютъ ошибочно; о другихъ же изданіяхъ Новикова вовсе умалчиваютъ. Г. Билевичъ ограничился указаніемъ на то вліяніе, какое имѣлъ Новиковъ въ литературно-общественномъ отношеніи на современное ему общество; но выполнилъ эту задачу неудовлетворительно. Въ его статьѣ слишкомъ-много ошибокъ; такъ журналъ «И то и сѣ» приписанъ Башкилову; «Поденьшина» переименована въ «Поденница»; «Ежемѣсячныя Сочиненія», окончившіяся 1764 годомъ, пока-

заны наданіемъ, одновременнымъ «Трутню»; «Всякая Всячина» названа жалкимъ изданіемъ, тогда какъ это былъ одинъ изъ лучшихъ журналовъ своего времени; о «Трутнѣ» также несправедливо сказано, что онъ издавался отъ нечего дѣлать. «Парижскій Щепетильникъ», издававшійся Чулковымъ, приписанъ Новикову; объ «Адекой Почтѣ» сдѣлано замѣчаніе, что въ полемическихъ состязаніяхъ журналовъ она нападала на «Трутню», тогда какъ, напротивъ, она защищаетъ его положенія; статья о городѣ Солунѣ, напечатанная въ «Щепетильникѣ», отнесена къ «Трутню», и проч. Въ любопытныхъ замѣткахъ, напечатанныхъ въ Сборникѣ спб-хъ студентовъ, о «Кюшелькѣ», переданы весьма сомнительнаго достоинства рассказы Макарова. — Въ «Трутнѣ» участвовали В. Майковъ, Аблесимовъ (см. «Сумароковъ» Булича, стр. 235) и Мих. Поповъ, аниграмму котораго находимъ въ «Трутнѣ» 1769 года на стр. 27—29 (слич: «Досуги», ч. I, стр. 27). О Майковѣ смотри: *Essai sur la littérature russe* стр. 8, Словарь митрополита Евгения, т. 2, стр. 41—2 и «Опытъ историческаго словаря», стр. 133—5; объ Аблесимовѣ — въ тѣхъ же изданіяхъ. О «Трутнѣ» были сообщены краткія свѣдѣнія М. Макаровымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года (№ 8, смѣсь, стр. 26—32).

6) «Адская Почта или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ, ежемѣсячное изданіе 1769 года. Издавъ въ свѣтъ я, напечатано здѣсь». Спб. въ 8-ю д. л. Журналъ этотъ начался съ іюля и продолжался до окончанія года; всѣхъ выпусковъ шесть; у Сопикова и Смирдина ошибочно показано: семь. Каждый мѣсяцъ «Почты» продавался по 20 коп. и заключалъ въ себѣ нѣсколько писемъ бѣсовъ, а въ концѣ адскія вѣдомости, въ которыхъ, между прочимъ, встрѣчаемъ любопытныя статьи касательно тогдашней политики (о Турціи, Франціи и Польшѣ). Вѣроятно, въ томъ-же 1769 году «Адская

Почта» или по крайней мѣрѣ первый ея выпускъ имѣлъ второе изданіе, въ чемъ убѣждаетъ насъ слѣдующая видѣнная нами на одномъ экземплярѣ «Почты» за іюль мѣсяцъ прибавка: напечатано здѣсь *вторымъ тисненіемъ*. Кроме того, было еще одно изданіе этого журнала, безъ раздѣленія на мѣсяцы, подъ новымъ заглавіемъ: «Курьеръ изъ ада съ письмами, сочиненіе Фелора Эмина» — вышло въ Спб. 1788 года, въ 12-ю д. л. Но въ это послѣднее изданіе многихъ писемъ не вошло; другія сокращены (именно письма подъ №№ 39, 43, 51, 69, 83, 90, 91, 94, 100 и 103); самый слогъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько измѣненъ а статьямъ адскихъ вѣдомостей прилана форма писемъ. Изъ статей «Адской Почты» въ «Курьеръ» не вошли: обращенія издателя ко «Всякой Всячинѣ» и читателямъ, всѣ полемическія статьи противъ другихъ журналовъ, цѣлый выпускъ за мѣсяцъ августъ, да изъ другихъ выпусковъ письма подъ №№ 1, 5, 40, 41, 52, 53, 55, 81, 88, 89, 95, 96, 100, 112; извѣстія «изъ-за рѣки Косита» (въ іюльской и сентябрьской книжкахъ) и замѣтки объ адскихъ вѣдомостяхъ въ октябрьской и декабрьской книжкахъ. Объ издателѣ этого журнала Эминѣ смотри «Опытъ истор. слов.», стр. 253—8 и Словарь митрополита Евгенія, т. 2, стр. 214—225. По примѣру «Адской Почты» Крыловъ выдавалъ въ 1789 г. «Почту Духовъ»; въ 1792 г. была издана въ Москвѣ: «Переписка двухъ адскихъ вельможъ Алгабека и Алгамека, находящихся по разнымъ должностямъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ, содержащая въ себѣ сатирическія, критическія и забавныя происшествія, повѣсти и проч., переведенныя съ араповрейскаго языка грекояпонскимъ переводчикомъ въ 1791000 году». Г. Буличъ въ своемъ сочиненіи: «Сумароковъ и современная ему критика» говоритъ о влияніи на «Почту» Эмина сочиненія: «Lettres persanes» и о сходствѣ ея съ *Lettres Juives*» (стр. 101 и 247).

7) «Поденьшина, или ежедневныя изданія», съ эпиграфомъ: «Labor omnia vincit. Improbis et duris urgens in rebus egestas. Virg. Трудомъ все преодолевается. Непріятель и къ труднымъ вещамъ понуждаетъ недостатокъ. Вирг.» Спб. 1769 года, въ 12-ю д. л., всѣхъ страницъ 134. Первые 22 страницы были выпущены 1-го марта; потомъ, черезъ недѣлю, съ 8-го марта «Поденьшина» выходила ежедневно по 4 апрѣля включительно, выдавая каждый разъ по два листка. Въ предисловіи къ этому журналу читаемъ: «Пользуясь блаженствомъ настоящаго времени, въ которое между безчисленными для благополучныхъ россиянъ выгодами и изданіе каждому въ печать трудовъ своихъ безпрепятственно дозволяется, предпріялъ я издавать гражданству сія ежедневныя листочки... Въ нихъ описываны будутъ мои собственныя и заемныя мысли» (стр. 3—4). Здѣсь помѣщены: разсужденія о магіи, живописи, архитектурѣ и музыкѣ, «переводъ изъ мѣтній графа Оксенштерна — О смѣхѣ», переводъ двухъ басенъ («Волкъ и Барашекъ» и «Двѣ Лисицы») и «Искусство украшать лицо изъ дѣлъ (твореній) Овидіевыхъ»; листокъ «Поденьшины», выпущенный 1-го апрѣля, наполненъ рѣченіями изъ разныхъ восточныхъ языковъ, которыя на слѣдующихъ листкахъ были сравнены съ русскими словами, но въ сближеніяхъ этихъ много произвольнаго, напримѣръ *счастіе* авторъ производитъ отъ *ши ясть*, а *нищета* отъ выраженія: *нечего считать*. Въ Словарѣ митрополита Евгенія этотъ журналъ неправильно названъ: «Поденьщикъ». Объ издателѣ В. Тузовѣ смотри «Опытъ истор. словаря», стр. 228, и Словарь митроп. Евгенія, т. 2, стр. 227.

8) «Полезное съ Приятнымъ, полумѣсячное упражненіе» 1769 года, издавалось при императорскомъ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, Спб. въ 8-ю д. л. Всѣхъ

полумѣсяцевъ или книжекъ — 12. У Сопикова этотъ журналъ обозначенъ неправильно.

Продажа журнальныхъ листовъ 1769—1774 годовъ производилась у переплетчика Вега.

9) «Парнасской Щепетильникъ», ежемѣсячное изданіе 1770 г. Спб. въ 12-ю д. л., всѣхъ выпусковъ восемь. Журналъ этотъ издавался съ мая по декабрь включительно, по 25 коп. за выпускъ. У Сопикова, Плавильщикова, Смирдина и въ «Московск. Тѣлеграфъ» (1827 г. ч. XVIII, стр. 83, и 1828 г. ч. XXIV, стр. 227) издателемъ «Щепетильника» несправедливо названъ Новиковъ. Митрополитъ Евгеній издателемъ этого журнала называетъ Чулкова («Словарь свѣтск. писат.», т. 2, стр. 243; слнчи съ «Опытомъ словаря русс. писателей» Новикова, стр. 243); справедливость этого показанія засвидѣтельствована въ самомъ «Щепетильникѣ». Здѣсь напечатано письмо, адресованное къ издателю, въ которомъ неизвѣстный авторъ говоритъ: «земляки мои прошлаго года получали ваше еженедѣльное «И то и сѣ» (стр. 271—3). Итакъ «Щепетильникъ» имѣлъ одного редактора съ журналомъ: «И то и сѣ». Въстѣ съ сатирическими статьями на стихотворцевъ въ «Щепетильникѣ» находимъ: переводы изъ Овидіевыхъ Превращеній и элегій; переводъ о децемвирахъ въ Римѣ (изъ книги: «Essai sur les grands événemens par les petites causes»); разсужденія Агриппы фонъ-Нетсгейма о стихотворствѣ (изъ книги «О суетѣ наукъ») и о картежной игрѣ; статьи объ упражненіяхъ древняго римскаго гражданства, о разности между любовью и дружбою; Мемнонъ или премудрость человѣческая (изъ Вольтера); экономическія примѣчанія о пользѣ огородныхъ кореньевъ, и мелкія стихотворенія. Кромѣ того, здѣсь находимъ слѣдующія статьи: 1) «Древнія русскія простонародныя загадки» (стр. 46—8): всѣхъ 15, безъ отгадокъ; 2) «Описаніе города Солуна, называемаго именовъ

Салоники (по лат. Thessalonika), учиненное тамо бывшимъ російскимъ путешественникомъ Василенъ Григоровичемъ, гражданиномъ кievскимъ, во время странствованія его по свѣту чрезъ 25 лѣтъ, которое имъ описано и у многихъ въ манускриптѣ хранится» (стр. 119—130). Путешествіе это относится къ 1725—6 годамъ. Здѣсь описаны: мѣстоположеніе, зданія, пристань, произведенія и проч. Къ «Описанію» присоединены имена архипелажскихъ острововъ, на которыхъ живутъ христіане, и указаніе на разстоянія нѣкоторыхъ мѣстъ. О Григоровичѣ смотри «Опытъ истор. словаря», стр. 53. Любопытенъ фактъ, передаваемый Григоровичемъ, что греки питали надежду съ помощью Петра В. избавиться отъ турецкаго ига. 3) «Надгробная надпись російской исторіи писателю Никитѣ Иванову, умершему генваря 26 дня 1770 года въ Москвѣ» (стр. 143—4). 4) «Открытіе соли въ Азіи случилось при ханѣ татарскомъ, который уронилъ кусокъ мяса на землю» (стр. 152—3). 5) «Описаніе рощи, находящейся при приморской его превосходительства Льва Александровича Нарышкина мызѣ, именуемой Левендаль, въ одиннадцати верстахъ отъ Санктпетербурга по петергофской дорогѣ», въ стихахъ, соч. В. Р. (Василія Рубана) (стр. 183—5). 6) «Побѣдительная пѣснь на торжественное двукратное поражение и разогнаніе многочисленныхъ оттоманскихъ силъ, собравшихся на сей сторонѣ Дуная, російскими императорскими войсками, подъ предводительствомъ главнокомандующаго генераль-фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа Петра Александровича Румянцова, іюля 7 и 21 дней 1770 года», соч. Василія Рубана (стр. 186—196). 7) «Эпитаѳія оберъегермейстера и кавалера Семена Кириловича Нарышкина сыну, конной гвардіи вахмистру Петру Семеновичу Нарышкину», соч. студентъ Иваѣъ Посниковъ (стр. 288). 8) «Историческія извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и го-

родахъ росіійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ, и потомъ опять росіянами взятыхъ, принадлежащія къ росіійской исторіи» (о Финляндіи, княжествахъ сѣверскомъ и кievскомъ, Смоленскѣ и запорожскихъ казакахъ), переводъ съ польскаго (стр. 290—319). 9) а) «О изображеніи монеты росіійской временъ царя Ивана Васильевича» (московской, новгородской, тверской и псковской) (стр. 319—321; б) «Государственные чины тогожъ времени» (стр. 321—2); в) «О думномъ боярекомъ совѣтѣ, бывшемъ при дворѣ царя Ивана Васильевича» (стр. 322), переведено съ латинскаго.

10) «Пустомеля», ежемѣсячное сочиненіе на 1770 годъ. Санктпетербургъ, въ 16-ю д. л., весьма-рѣдко. Журналъ этотъ продолжался два мѣсяца: июнь и июль; первый выпускъ посвященъ Николаю Алексѣевичу Ладыженскому, а второй — Никитѣ Акинфовичу Демидову, о которомъ въ посвященіи сказано: «Есть люди богатствомъ васъ превышающіе, но они «душевными свойствами передъ вами только бѣдны, колико «богаты стяжаніемъ. Они столько дѣлаютъ вреда обществу, «колико дѣлаете вы пользы; тѣ за малое у подобныхъ себѣ «людей похищаютъ свободу, а вы великія раздаете суммы къ «ихъ искупленію. Не я это говорю, а повсемѣстно взываютъ «искупленные вами отъ поноснаго ига неволи, а вопіютъ тѣ «юноши, которые по причинѣ ихъ бѣдности лишены были то- «лько нужнаго человечеству и полезнаго обществу воспитанія, «но по частію содержатся и воспитываются вашимъ издвиг- «аніемъ» (стр. 62—64). Имя издателя неизвѣстно. Г. Бу- личъ говоритъ: «есть извѣстіе, что издателемъ «Пустомели» былъ Аблесимовъ» («Сумароковъ», стр. 272), но откуда это извѣстіе — не сказано. Всѣхъ страницъ въ обоихъ выпускахъ 112; цѣна за экземпляръ была 25 коп. Между прочимъ, въ этомъ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи: 1) «Историче- ское приключеніе», неоконченная повѣсть, въ которой встрѣ-

чаются Добронравъ, Добросердъ, Миловида, Осторожна. Въ ней есть нѣкоторыя намѣки на тогдашніе модныя нравы (стр. 25, 30, 31—2, 35); повѣсть эта написана, чтобъ доказать слѣдующую истину: «часто бываетъ, что люди впадаютъ въ пороки по одному добросердечію, но среди самыхъ преступленийъ праводушіе ихъ сіяетъ и великость духа оказывается». 2) Загадки (сатирическаго содержанія). 3) «Завѣщаніе Юнджѣна китайскаго хана къ его сыну» (1735 г.). 4) «Епиграмма г. Кондратовича къ г. издателю Трутня», по поводу напечатаннаго въ «Трутнѣ» 1769 года (стр. 48) объявленія о воеводѣ, продающемъ свою совѣсть. Эпиграмма написана тяжелыми стихами; на кого она была направлена — мы не знаемъ.

11) «Трудолюбивый Муравей, еженедѣльное изданіе 1771 года съ послѣдней половины», издавалъ Василій Рубанъ, Санктпетербургъ, въ 8-ю д. л.; всѣхъ номеровъ 26; продавался, вмѣстѣ съ другими журналами, у переплетчика Миллера, за листъ по 4 коп. Здѣсь напечатаны переводы — изъ Вольтера: «Жанотъ и Колинъ», «О украшеніи города Кашемира, разговоръ въ царствѣ мертвыхъ» (Периклъ, грекъ и россиянинъ); изъ Теофрастовыхъ Характеровъ, изъ Лукана («Диогенъ и Александръ», разговоръ въ царствѣ мертвыхъ, пер. Рубана); «Разговоръ разсудка и любви» о противорѣчій ихъ между собою (съ французскаго), прощальное письмо Константина къ Феодосію (съ нѣмецкаго), эклога изъ сочиненій Сенстона, повѣсть о султанѣ Кудбединѣ и о прекрасной дѣвицѣ Журлулѣ (съ нѣмецкаго); о жертвоприношеніяхъ древнихъ язычниковъ, Балакиревы вѣдомости, извѣстіе о карлѣ безрукомъ (въ Лубнахъ) и др. Для насъ болѣе любопытны теперь слѣдующія статьи и стихотворенія: 1) «Мадригалъ на прибытіе графа Алексѣя Григорьевича Орлова изъ Архипелага въ Санктпетербургъ въ 1771 году», соч. В. Майкова (№ 1, стр. 8); 2) «Похвальное слово Петру I, императору и самодержцу

всероссійскому въ достоинствѣ члена парижской академіи наукъ, говоренное г. Фонтенелемъ 1725 года» (№ 2, стр. 9; № 3, стр. 17; № 4, стр. 25; № 5, стр. 33; № 6, стр. 41): краткія свѣдѣнія о заслугахъ Петра I. Переводъ съ французскаго; подлинникъ можно читать въ «Description de l'Empire Russien» Страленберга, т. 1, стр. 335 (изд. въ Амстердамѣ MDCCLVII). 3) «Извѣстія польскихъ историковъ о Валахіи и Молдавіи, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ» (№ 7, стр. 49), переводъ съ польскаго. 4) «Елегія къ библиотекѣ преосвященнаго Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго и муромскаго, сочиненная имъ самимъ предъ кончиною своею», переводъ съ латинскаго (№ 7, стр. 54). 5) Два стихотворенія «на прибытіе преосвященнаго Гавріила Кременецкаго, митрополита кіевскаго, галицкаго и Малыя Россіи въ предписанную епархію въ 1774 году», сочинены кіевской академіи студентомъ Михайловскимъ (№ 7, стр. 56). 6) «Описаніе мѣстоположенія и разстоянія городовъ полуострова Крыма» (№ 8, стр. 57). 7) «О крымской коммерціи», соч. Р. (Рубанъ?) Содержаніе: инородцы, торгующіе въ Крыму; отправленіе Петромъ Великимъ посла Емельяна Украинцова въ Царьградъ по вопросу о крымской коммерціи; покореніе Крыма (№ 8, стр. 59). 8) «О старинномъ русскомъ платьѣ» бояръ, дворянъ, подьячихъ, купцовъ и женщинъ (№ 13, стр. 97). 9) «Вседневное моленіе московскихъ жителей» о прекращеніи язвы (№ 14, стр. 104) — стихи. 10) «Письмо его сіятельству графу Григорію Григорьевичу Орлову, на отбытіе его изъ Санктпетербурга въ Москву, во время заразительной въ ней болѣзни, для истребленія оныя» — стихи Майкова (№ 14, стр. 106). 11) «Стихи на день поминовенія православныхъ воиновъ и всѣхъ за вѣру и отечество на брани убіенныхъ, чинимаго ежегодно августа 29 числа въ православныхъ церквахъ во всей Россіи» (№ 18, стр. 142).

12) «Надгробная надпись преосвященнымъ московскимъ : архіепископу Платону Малиновскому и митрополиту Тимоею Щербачкому, погребеннымъ въ Москвѣ въ Чудовъ монастырѣ, изъ которыхъ первой 14 іюля 1754, а второй 18 апрѣля 1767 года преселилися на вѣчную жизнь», соч. архимандрита Дмитрія Грозинскаго (№ 18, стр. 144). 13) «Надпись на благополучное возвращеніе его сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова изъ Москвы съ Санктпетербургъ декабря 1771 года», соч. В. Р. (Василій Рубанъ). Въ это время въ Москвѣ была чума (№ 20, стр. 160). 14) «Письма» *Люборусова* о происхожденіи нѣкоторыхъ словъ (№ 22, стр. 168; № 26, стр. 201). 15) «Рѣчь императора Петра Великаго къ російскимъ генераламъ, произнесенная послѣ торжества за морскую побѣду и по принятіи имъ на себя адмиральскаго чина въ 1714 году» (№ 25, стр. 199). Сличи съ стр. 372—4, т. IV «Дѣян. Петра, В.», соч. Голикова. 16) (Двѣ) «надписи на покореніе Крыма и другихъ татарскихъ ордъ II-й арміи главнымъ предводителемъ генераломъ и кавалеромъ княземъ Васильемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ російской державѣ въ 1771 году» (№ 25, стр. 200).

12) «Вечера», еженедѣльное изданіе, 2 части: 1-я 1772 года (цѣна 1 р.), 2-я 1773 г., Санктпетербургъ, въ 8-ю д. листа, съ изображеніемъ на заглавномъ листѣ сатира. Иданіе 2-е, безъ перемѣнъ, въ Москвѣ, въ типографіи компаніи типографической, 1788 г. (1-я часть) и 1789 (ч. 2-я), въ 12-ю д. листа. 1-ое изданіе выходило полулистами, которые назывались *вечерами*; такихъ вечеровъ въ 1-ой части было 26. Здѣсь находимъ статьи: 1) «О російскихъ предкахъ» (ч. 1, стр. 97 перваго изд. и 105 2-го изд.), то есть о происхожденіи русскаго народа, о разселеніи славянъ и призваніи варяговъ. 2) «Стихи графу Фёдору Григорьевичу Орлову 1772 года февраля 3-го дня» (ч. 1, стр. 48 1-го изд. и 53

2-го изд.). 3) «Стихи къ дачѣ его сїятельства князя Александра Алексѣевича Вяземскаго» (ч. 2, стр. 70 2-го изд.). 4) «Стихи на дачу Александра Александровича Нарышкина, которая состоитъ изъ многихъ островковъ» (ч. 2, стр. 72 2-го изд.). 5) «Стихи на Крестовскій островъ Кирила Григорьевича Разумовскаго» (ч. 2, стр. 73 2-го изд.). 6) Переводы изъ Овидіевыхъ Превращеній, идилій Геснера и Юнговыхъ Ночей, поэмы Фетри: «Гробницы», стихотвореній Иоанна II Евварда («Поцѣлуи» — съ латинск.), одного мѣста изъ «Ромео и Юлія» и монолога изъ трагедіи Аддисона: «Катонъ»; изъ Вольтера: «Колинъ и Лиза»; изысканіе объ амазонкахъ и ихъ республикѣ; путешествіе въ города Глупость и Роскошь и мѣстечко Пустословіе; героида: «Електра къ Оресту»; «Несчастливая португалка» (письмо въ стихахъ); «Подражаніе царству Зазиридовъ или геніевъ»; письмо (въ стихахъ) «Габріеллы де-Вержи къ графинѣ де-Рауль, сестрѣ Рауля де-Куси», въ которомъ говорится о любовницѣ, накормленной сердцемъ милаго, и др. Кромѣ того, въ «Вечерахъ» печатались многія эпиграммы, эпитафін, эклоги, стансы, мадригалы, сонеты, анакреоническія оды, загадки, басни и переложенія псалмовъ. Въ этомъ изданіи принимала участіе жена Хераскова (урожденная Неронова Елизавета Васильевна); ей принадлежитъ стихотвореніе «Потопъ», напечатанное въ первой части «Вечеровъ» (на стр. 175. — Смотри: Москвит. 1844 г., № 1: «Записки И. И. Дмитріева», стр. 252). О Херасковой находимъ краткія извѣстія въ словаряхъ Новикова, стр. 235, и м. Евгенія, т. 2, стр. 235. Въ «Вечерахъ» встрѣчаемъ еще стихи князя Ѳедора Козловскаго (о которомъ смотри: «Опытъ ист. словаря» Новикова, стр. 102—6, и Словарь Евгенія, т. 1, стр. 279) и переводъ г-жи Звѣнигородской.

13) «Живописецъ», еженедѣльное изданіе, Санктпетербургъ, въ 8-ю д. л., 1772 года, 2 части, каждая въ 26 листовъ;

послѣдніе листы второй части были выпущены уже въ 1773 году, потому что въ нихъ находимъ статьи, вызванныя событіями этого года. Первая часть имѣла въ 1773 году второе изданіе въ Санктпетербургѣ, въ 8-ю д. л.; изданіе это перепечатано съ перваго, съ опущеніемъ письма подь № XXX (стр. 133 перваго изд.) и стиховъ подь № XLVI и LI (стр. 185 и 208 перваго изд.). Въ 1775 году въ Санктпетербургѣ явилось новое (третье) изданіе обѣихъ частей подь заглавіемъ «Живописецъ, еженедѣльное сатирическое сочиненіе, вновь пересмотрѣнное, исправленное и умноженное», въ 12 д. листа; въ предисловіи издатель замѣтилъ: «я въ журналѣ моемъ многое перемѣнилъ, иное исправилъ, другое выключилъ и многое прибавилъ изъ прежде-выданныхъ моихъ сочиненій». Изданіе четвертое вышло въ Москвѣ, печатано въ университет. типографіи у Н. Новикова, 1781 года, въ 8-ю д. л. Третье и четвертое изданія — лучшія; они совершенно сходны. Пятое вышло въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1793 года, въ 12-ю д. л.; оно перепечатано съ третьяго или четвертаго изданія, но хуже ихъ, потому что въ немъ исключены нѣкоторые мѣста изъ «Сатирическихъ вѣдомостей». Въ третье, четвертое и пятое изданія вошли многія наиболѣе интересныя сатирическія статьи изъ «Трутня», именно: Письма къ племяннику, Лѣчебникъ, Смѣющийся Демокритъ, Сатирическія вѣдомости, Крестьянскія отписки и помѣщичій указъ, и рассказъ объ украденныхъ у судьи часахъ. Показанія Сопикова о двухъ первыхъ изданіяхъ — невѣрны. Наконецъ первая часть «Живописца» вышла шестымъ изданіемъ въ Москвѣ, въ вольной типографіи Пономарева, 1829 года, въ 12-ю д. л. Изданіе это перепечатано съ перваго, съ весьма большими пропусками. Нѣсколько статей изъ «Живописца» были потомъ перепечатаны въ «Московскомъ Собесѣдникѣ», ежемѣсячномъ изданіи на 1806 годъ, именно: Письма отъ

отца, матери и дяди къ Фалалею (ч. 1, стр. 175, 189, 197, 203), «Отрывокъ путешествія въ *** И. Т.» (И. П. Тургенева? — ч. 2, стр. 163) и «Слѣдствія худаго воспитанія» (ч. 2, стр. 456). Журналъ «Живописецъ» былъ посвященъ Екатеринѣ Великой. Первоначально продавался онъ по 4 коп. за листъ. Въ первомъ, второмъ и шестомъ изданіяхъ «Живописца» встрѣчаемъ слѣдующія сочиненія, невошедшія въ остальные изданія: 1) «Письмо о пользѣ наукъ¹ и о воспитаніи во оныхъ юношества, писанное покойнымъ профессоромъ Поповскимъ къ его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову при случаѣ заведенія московскаго университета, въ 1756 году» (ч. 1, листъ 8, стр. 57 перваго изд. и 53 втораго изд.; въ шестомъ изд. стр. 72). 2) «Переводъ съ письма господина Доминика Дюдати, изъ Неаполя 1771 года октября 7-го дня писаннаго къ россиянину, пославшему къ нему въ подарокъ Наказъ ея императорскаго величества, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія» (ч. 1, л. 12, стр. 90 перваго изд. и 84 втораго изд.; въ шестомъ изд. стр. 116). 3) «Письмо къ ея сіятельству графинѣ Прасковѣ Александровнѣ Брюсовой» — стихи (ч. 1, л. 14, стр. 111 перв. изд. и 103 2-го изд.; въ шестомъ изд. стр. 143). 4) «Письмо къ его сіятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову, отъ нѣкотораго духовнаго лица изъ Москвы поздравительное съ новымъ 1772 годомъ, и благодарительное за его ревность и усердіе, принятое къ отвращенію бывшей въ Москвѣ моровой язвы 1771 года» (ч. 1, л. 16, стр. 127 1-го изд. и 118 2-го изд.). 5) «Переводъ съ письма его величества короля прусскаго, писаннаго къ ея императорскому величеству Екатеринѣ Великой изъ Потсдама отъ 26 ноября 1767 года» — о Наказѣ (ч. 1, л. 22, стр. 170 1-го изд. и 157 2-го изд.; въ 6-мъ изд. стр. 148). 6) «Переводъ съ письма графа Сольмса къ его сіятельству графу Панину отъ 5 декабря

1767 года» (ч. 1, л. 22, стр. 175 1-го изд. и 160 2-го изд.). 7) «Надпись на положеніе Екатериною Великою предъ надгробіе Петра I флага, взятаго у турокъ въ Архипелагѣ августа 29 дня 1772 года» (ч. 1, л. 23, стр. 177 1-го изд. и 161 2-го изд.). 8) «На день рожденія его императорскаго высочества 20 сентября 1772 года» — стихи В. Р. (Вас. Рубанъ — ч. 1, л. 24, стр. 185 1-го изд.). 9) «Ея величеству государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержидѣ всероссійской на приобрѣтеніе Бѣлыя Россіи 1772 года» — ода, соч. П. П. (ч. 1, л. 26, стр. 201 1-го изд. и 182 2-го изд.). 10) «На день коронованія ея императорскаго величества Екатерины II, императрицы и самодержиды всероссійскія 22 сентября 1772 г.» — стихи В. Р. (Рубанъ — ч. 1, л. 26, стр. 208 изд. 1-го). 11) «Рѣчь къ ея императорскому величеству, говоренная епископомъ Анатолиемъ, возвратившимся изъ Архипелага, 1772 года октября 7-го дня» (1-го изданія: ч. 2, л. 1, стр. 211). 12) «Слово на выздоровленіе его императорскаго высочества государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича 1771 г.», сочиненіе фонъ-Визина (ч. 2, л. 3, стр. 226). Смотри въ «Полн. собр. сочин. фонъ-Визина», изд. Смирдина, стр. 688—699. Въ предисловіи къ этому «Слову» приведены слова цесаревича: «мнѣ мучительно, что народъ беспокоится моею болѣзною». 13) «Надпись къ рѣкѣ Волгѣ, сочиненная въ Вѣнѣ на латинскомъ языкѣ г. Колларомъ, вивліотекаремъ книгохранительницы цесарской 1772» (ч. 2, л. 4, стр. 240). 14) «Рѣчь къ ея императорскому величеству, говоренная преосвященнымъ Георгіемъ, епископомъ моголевскимъ, мстиславскимъ и оршанскимъ, марта 10 дня 1773 года въ Санктпетербургѣ, въ придворной церквѣ» (ч. 2, л. 19, стр. 357). 15) «Стихи его сіятельству графу Петру Александровичу Румянцову на воздвиженіе въ честь побѣдъ его обелиска предъ императорскимъ домомъ въ Цар-

скомъ сель», соч. В. Р. (Рубанъ), и ему-же стихи на новый годъ, соч. В. Р. (ч. 2, л. 19, стр. 363). 16) «Письмо въ отвѣтъ къ господину генералъ-маіору и кавалеру Евдокиму Алексѣевичу Щербинину, находящемуся со властію губернатора въ слободской губерніи, о заведеніи типографіи гражданской при харьковскихъ училищахъ» (можетъ быть, Новикова — ч. 2, л. 20, стр. 365). 17) «Надгробная надпись іеромонаху Симеону Полоцкому, именовавшемуся въ жизни Петровскимъ, сочиненная іеромонахомъ Законоспасскаго монастыря строителемъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, и на камнѣ надъ гробомъ его въ Законоспасскомъ монастырѣ вырѣзанная» (ч. 2, л. 20, стр. 368). 18) «Переводъ съ письма его величества короля прусскаго къ генералъ-поручику Бибикову, командующему въ Польшѣ» (ч. 2, л. 20, стр. 371). 19) «Стихи, сочиненные на случай, когда благородныя дѣвицы 4-го возраста, воспитывающіяся въ Новодѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ, по девятилѣтнемъ своемъ пребываніи въ домѣ воспитанія, въ первый разъ явились въ общество и гуляли въ саду лѣтнаго ея императорскаго величества дворца 1773 года мая 20 дня» (ч. 2, л. 24, стр. 397). 20) «Стихи господамъ дѣвицамъ 1-го возраста, воспитываемымъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на присутствіе ихъ въ первый разъ въ саду лѣт-ея гоня императорскаго величества дома сего 1773 года мая 20 числа» (ч. 2, л. 24, стр. 402). 21) «Ода ея величеству Екатеринѣ Великой императрицѣ и самодержицѣ всероссійской» (ч. 2, л. 25 и 26, стр. 408). Сверхъ того, въ первыхъ двухъ изданіяхъ находимъ переводъ изъ «Утреннихъ размышленій», соч. короля прусскаго; переводъ VIII-й сатиры Буало на челоѣка (эта сатира помѣщена и въ 6-мъ изд.) и X-й сатиры на женщинъ; переводъ отрывка изъ второй части III-го тома Энциклопедическихъ Записокъ, въ которомъ говорится объ императрицѣ Екатеринѣ II (ч. 2, л. 25 и 26,

стр. 406—7); передѣлка поэмы: «Торгъ семи музъ» и пѣсня, соч. архангелогородскимъ купцомъ Алекс. Ооминымъ, о которомъ смотри Словарь митр. Евгенія, т. 2, стр. 289—290. (Пѣсня эта напечатана и въ 6-мъ изд.)

14) Митрополитъ Евгеній въ «Словарѣ свѣтск. писат.» (т. 2, стр. 151) говоритъ, что В. Рубанъ въ 1772—3 годахъ издавалъ еженедѣльникъ: «Старина и Новизна», но такое показаніе несовѣтмъ-вѣрно. «Старина и Новизна, состоящая изъ сочиненій и переводовъ прозаическихъ и стихотворныхъ» издавалась В. Рубаномъ *почастно*, то есть частями, которыхъ вышло двѣ: первая въ 1772 г., а вторая въ 1773 г. въ С. Петербургѣ, въ 8-ю д. л. Хотя это изданіе въ каталогахъ и называется журналомъ, однако оно не имѣло журнальнаго характера, а представляло альманахъ или сборникъ различныхъ статей для чтенія. Въ первой части «Старины и Новизны» помѣщены слѣдующія статьи: 1) «Выписи изъ дневныхъ записокъ одного російскаго путешественника изъ Балтійскаго въ Средиземное моря въ 1769 и 1770 году» — краткое обозначеніе переѣздовъ (стр. 18). 2) «Слово въ похвалу Санктпетербурга и его основателя государя императора Петра Великаго, говоренное предъ лицомъ сего монарха преосвященнымъ Гавріиломъ Бужинскимъ, епископомъ рязанскимъ и муромскимъ, бывшимъ тогда префектомъ и оберъ-іеромонахомъ флота, при поднесеніи его величеству первовырѣзаннаго на мѣди плана и фасада Петербурга» (стр. 49). Здѣсь кратко упоминается о стрѣльцкомъ бунтѣ, путешествіи Петра В., его побѣдахъ, учрежденіи флота и о важности основанія С. Петербурга и его укрѣпленій. Слово это напечатано и въ собраніи поучительныхъ словъ Гавріила Бужинскаго. 3) «Письмо поздравительное со взятіемъ турецкаго города Бендеръ къ его сіятельству генералу-аншефу и разныхъ орденовъ кавалеру, графу Петру Ивановичу Панину отъ нѣкотораго духов-

наго лица изъ Бѣлагограда, отъ 24-го сентября 1780 года» (стр. 75). 4) «Увѣщаніе отъ святѣйшаго правительствующаго синода члена, преосвященнаго Гаврііла, архіепископа с. петербургскаго и ревелскаго, къ народу по причинѣ установленныхъ молитвъ о утоленіи глетворнаго недуга въ Москвѣ 1771 года» (стр. 78). 5) «Надгробная надпись преосвященному Амвросію, архіепископу московскому и калужскому, умершему 6-го сентября 1771 года въ Москвѣ и погребенному въ Донскомъ монастырѣ, октября 4-го числа» (стр. 80) — стихи Рубана. 6) «Вычисленіе, сколько находится народу въ знатнѣйшихъ городахъ Европы и во всемъ свѣтѣ, учиненное примѣрно въ Варшавскомъ Адрессъ-календарѣ 1772 года» (стр. 107). Во второй части «Старины и Новизны», посвященной генераль-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, напечатаны: 1) «Историческія извѣстія о первыхъ славяно-греко-латинскихъ въ Россіи: кіевскомъ и московскомъ училищахъ» (стр. 107). Въ этой любопытной статьѣ говорится: «О первоначальномъ основаніи кіевскихъ училищъ»; «О привилегіяхъ королевскихъ въ бытность Кіева подъ Польшею, и о грамотахъ государскихъ по возвращеніи его подъ Россію, данныхъ кіевскимъ училищамъ» (съ 1629 по 1766 г. включительно) — заимствовано изъ кіевскихъ земскихъ книгъ и урядной выписки; «Точная копія сочиненной въ 1726 году отъ справщика Ѳедора Поликарпова вѣдомости о начатіи греко-латинской (Законоспасской) академіи въ Москвѣ» (время основанія, учителя, братья Лихуды, типографія, число учениковъ, вражда противъ Лихудовъ Ѳедора Шакловитаго и Сильвестра Медвѣдева, «или паче рещи лѣснаго медвѣдя»). Затѣмъ слѣдовало «Дополненіе, учиненное преосвящен. епископомъ смоленскимъ Гедеономъ Вишневскимъ» объ академіи съ 1704 по 1728 г. Обѣщано было продолженіе статьи, но обѣщаніе это осталось безъ исполненія. 2) «Рѣчь преосвящен-

наго Феодана Прокоповича, говоренная при бракосочетаніи ихъ высочеству голштейнъ-готторпскаго герцога Карла Фридриха съ россійскою цесаревною Анною Петровною, дочерію Петра Великаго 21-го мая 1725 года» (стр. 130). 3) «Списокъ бояръ, окольныхъ, думныхъ дворянъ, дьяковъ, стряпчихъ съ ключемъ, и другихъ государственныхъ чиновъ съ 1548 по 1707 годъ, взятый изъ книгохранительницы его сіятельства дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера князя Петра Никитича Трубецкаго» (стр. 133). 4) «Духовное завѣщаніе, учиненное покойнымъ генералъ-адмираломъ и кавалеромъ графомъ Феодоромъ Матвѣвичемъ Апраксинымъ въ 1728 году» (стр. 156) — актъ весьма-любопытный, въ которомъ упоминаются многія извѣстныя фамиліи: Голицыныхъ, Долгорукихъ, Головинина, Остермана, Сиверса и друг. 5) «Чинъ облаченій и прочихъ принадлежностей по сану патріарховъ, архіереевъ и другихъ духовныхъ лицъ» (стр. 173). 6) «Письмо генералъ-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева къ генералъ-поручику Евдокиму Алексѣвичу Щербинину о смерти его сына, гвардіи измайловскаго полку поручика, убитаго на сраженіи съ турками при Силистріи 18-го іюня 1773 года (стр. 177). 7) «Списокъ грамоты, какова послана съ Аванасьемъ Порусуковымъ въ 185 (1677) году къ цареградскому патріарху о смерти царя Алексѣя Михайловича, и о восшествіи на престолъ царя Феодора Алексѣевича» (стр. 180). 8) «Рѣчь къ пресвѣтлѣйшему польскому королю Станиславу Августу, говоренная на латинскомъ языкѣ епископомъ бѣлорусскимъ грекороссійскаго исповѣданія Георгіемъ Конискимъ въ Варшавѣ іюля 27/16 дня 1765 года» (стр. 185) — любопытна по смѣлому тону и сказана въ защиту православія. 9) «Рѣчь государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, говоренная преосвященнымъ Георгіемъ Конискимъ, епископомъ бѣлорусскимъ, сентября 29 дня 1762 года въ Москвѣ» (стр. 182) — произнесена по случаю коронованія

императрицы и любопытна по отношенію къ событіямъ того времени. 10) «На обрученіе ихъ императорскихъ высочествъ государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича и благовѣрныхъ государыни великія княжны Наталіи Алексѣевны 16 августа 1779 года» (стр. 210). 11) «На день рожденія его императорскаго высочества благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича 20 сентября 1773 года» (стр. 211). 12) «На день коронованія ея императорскаго величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссійской, 22 сентября 1773 года» — стихи (стр. 212). 13) Двадцать-одна надписъ — къ портретамъ: Гавріила, архіеписк. санктпетербургскаго, Иннокентія, архіеписк. псковскаго, Платона, архіеписк. тверскаго, П. Д. Еропкина, князя В. В. Долгорукаго, княгини Е. Н. Вяземской; по случаю тезоименитствъ: М. Г. Спиридова, Д. А. Чичерина, архіеписк. Платона; на рожденіе: фельдмаршала князя А. М. Голицына и княжны В. А. Вяземской; на возвращеніе графа Ѳ. Г. Орлова изъ Архипелага въ Санктпетербургъ 1772 г.; на пожалованіе чинами, орденами и званіями: графа Г. Г. Орлова, князя А. А. Вяземскаго, Л. А. и Д. Л. Нарышкиныхъ, князя Д. М. Голицына и Н. И. Неплюева; на смерть гвардіи поручика Щербинина, и «Къ рѣкѣ Волгѣ» по случаю путешествія Екатерины В. (стр. 179, 193, 213). 14) Стихи Спиридова: «На смерть академіи наукъ проповѣдника катехизиса, учителя и цензора іеромонаха Клирила 1773 г. 29 августа» (стр. 207). 15) Стихи княжнѣ Катеринѣ Сергѣевнѣ Урусовой и Михайлу Матвѣевичу Хераскову, и проч. Кромѣ того, въ «Старинѣ и Новизнѣ» печатались различные переводы: «О древнихъ и новыхъ титулахъ европейскихъ, изъ сочиненій славнѣйшаго нынѣшняго времени писателя»; преданіе объ индѣйскомъ браминѣ, «О церемоніяхъ или обрядахъ» и «Исторія путешествій Скармантадовыхъ, писанная имъ самимъ» (изъ Вольтера), разныя краткія и нра-

воучительныя повѣсти и анекдоты, переведенныя съ французскаго, гимны изъ Омира, разговоръ Ариста и Акротала въ защиту философовъ, и др. Надъ переводами для «Старины и Новизны» трудились Спиридовы (Матвѣй и Алексѣй), а стихотвореніе: «Торжество дурачества надъ любовью», по указанію Макарова, сочинилъ Михаилъ Веревкинъ, о которомъ смотри въ «Опытѣ» Новикова», стр. 30—31, и Словарь м. Евгенія, т. 1 стр. 73—74; о М. Спиридовѣ смотри у м. Евгенія т. 2, стр. 176. О «Старинѣ и Новизнѣ» Макаровъ напечаталъ статью, съ значительными выписками, въ Московскомъ Наблюдателѣ (1837 г. сентябрь, кн. 2, стр. 204—233) подъ громкимъ заглавіемъ: «Жизнь и приключенія всѣхъ российскихъ періодическихъ изданій отъ самаго начала ихъ появленія на землѣ русской и до нашего времени».

15) «Ме(т)шенина Катоноскарроническая, сочиненіе періодическое въ стихахъ, выходящее въ свѣтъ для забавы покровителей наукъ, знатоковъ и охотниковъ. Post festum!» и проч. — на 1773 годъ, Санктпетербургъ, въ малую осьмушку; весьма рѣдка. Извѣстенъ только одинъ экземпляръ, поступившій отъ г. Полторацкаго въ императ. публичную бібліотеку. Въ Московскомъ Телегр. 1828 г., ч. XVIII, стр. 184 (журналистика) изданіе это переименовано «Мѣщаниномъ»; вѣроятно, къ такому измѣненію подала поводъ опечатка, встрѣчаемая у Соניкова, гдѣ вмѣсто: «Мѣшенина» напечатано «Мѣщанина». Журналъ этотъ издавался какимъ-то иностранцемъ, весьма плохъ и безграмотенъ; вышло всего только два листа или номера (32 страницы). Смотри статью г. Лонгинова въ Соврем. 1856 г., № 2, смѣсь, стр. 143—148.

16) «Кошелекъ, ежеднѣльное сочиненіе 1774 года», Санктпетербургъ, въ малую осьмушку, стоило 90 коп. Журналъ этотъ былъ посвященъ отечеству и издавался листами; всѣхъ листовъ — девять. Въ статьѣ, напечатанной въ Московскомъ Городскомъ Листкѣ (стр. 178) сказано, что «Кошелекъ» былъ

прекращенъ за рѣзкія сужденія, но едвали это справедливо; «Кошелекъ» возставалъ только противъ французскаго вліянія и представлялъ изданіе вполне-патріотическое. Редакторомъ журнала былъ Новиковъ. Въ самомъ «Кошелекъ» на стр. 62 упоминается о немъ, какъ объ издателѣ «Вивліюоники». Кромѣ статей сатирическаго содержанія, здѣсь напечатаны: 1) комедія въ одномъ дѣйствіи: «Народное игрище»; Макаровъ приписываетъ ее и Новикову, и Шувакову, но безъ всякихъ доказательствъ; комедія весьма слаба; лучшее мѣсто въ ней слѣдующій монологъ слуги Василія: «Право перестану пить... (взглянувъ на бутылку) эту бутылку пожаловалъ мнѣ самъ господи́нь, такъ ее не грѣшно выпить... Ну быть такъ... «Напьюсь въ послѣдній разъ. (Подходитъ къ столу и говоритъ, какъ-будто бы былъ самъ-другъ). Василій Кондратьевичъ, пожалуй, садись безъ чиновъ, я подчивать не люблю... — Со всею охотою, государь мой, я и самъ люблю по-просту обходиться. (Садится) — Это очень хорошо: въ деревнѣ какіе чины! Пожалуй-ка, налей рюмку... — Со всею охотою (наливаетъ). — Вы налили, такъ вамъ и выпить должно... — А! нѣтъ, я этого не сдѣлаю: вы хозяинъ, такъ вы прежде должны выпить... — Опять пошли чины; ну, итъ, я выпью безъ чиновъ: ваше здоровье! (выпиваетъ, потомъ наливаетъ другую и говоритъ:) Выпивайте-же и вы... — «Со всею охотою; покорно благодарствую. (Выпивъ за другаго, потомъ наливаетъ еще и говоритъ:) А, вы человекъ благодарный, я люблю благодарныхъ. Выпьемъ за здоровье благодарныхъ людей. (Выпиваетъ двѣ рюмки, одну за себя, а другую за другаго)» (стр. 100—2). 2) «Ода Россіи на одержанныя ею въ 1770 году побѣды, на совершенное истребленіе турецкаго флота, на разбитіе татарскаго хана и пашей, а потомъ и самаго верховнаго визиря, и на взятіе Бендеръ и прочіихъ городовъ, сочиненная А. Б.» (стр. 145—164). Въ примѣчаніяхъ къ этой одѣ разсказаны два анекдота о графѣ П. А. Румянцовѣ. У Сопикова этотъ журналъ означенъ неправильно. О «Кошелекъ» напечаталъ свѣдѣніе Макаровъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 г., № 1 (смѣсь, стр. 28—39), но въ вѣрности нѣкоторыхъ его указаній можно сомнѣваться.

Всего — 183
в том числе — 171-174
в том числе — 192

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I: Направленіе журналовъ 1769 года. — Ихъ издатели. — Журнальные споры. — Журналы 1770 года и сатира на плохихъ стихотворцевъ. — Направленіе періодическихъ изданій 1771—4 годовъ. — Критика современныхъ писателей и переводчиковъ. — Забѣтки о театрѣ. — Формы журнальныхъ статей стран. 1.

ГЛАВА II: Императрица Екатерина II и современная литература. — Сатира на невѣжество. — Воспитаніе, вѣрное преданіямъ старины, и его недостатки. — Картины нравовъ изъ быта людей стариннаго покроя. — Дураки, сказочники и приживалки. — Письма къ Фалалееву. — Псовая охота, гусиные и пѣтушьи бои; голубятни. — Сатира противъ суевѣрныхъ прихѣтъ, ворожбы и гаданій. — Народные праздники. — Семейные обряды: родины, свадьба и похороны. — Сатира на ханжей стран. 105.

ГЛАВА III: Французское вліяніе на высшее общество. — Гувернеры, гувернантки и путешествія за границу. — Костюмъ и головной уборъ. — Модный языкъ. — Петлистры и кокетки. — Волокитство, роскошь, картежная игра и мотовство стран. 179.

ГЛАВА IV: Приказные и судьи. — Ябеда, проволочка дѣлъ и взятки. — Дѣла о безчестьи. — Пытки. — Прокуроры. — Гуманныя идеи. — Положеніе писателя въ обществѣ стран. 220.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ стран. 257.

